

**ХРИСТИАНСТВО
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
И ПИСЬМЕННЫХ
ИСТОЧНИКАХ**

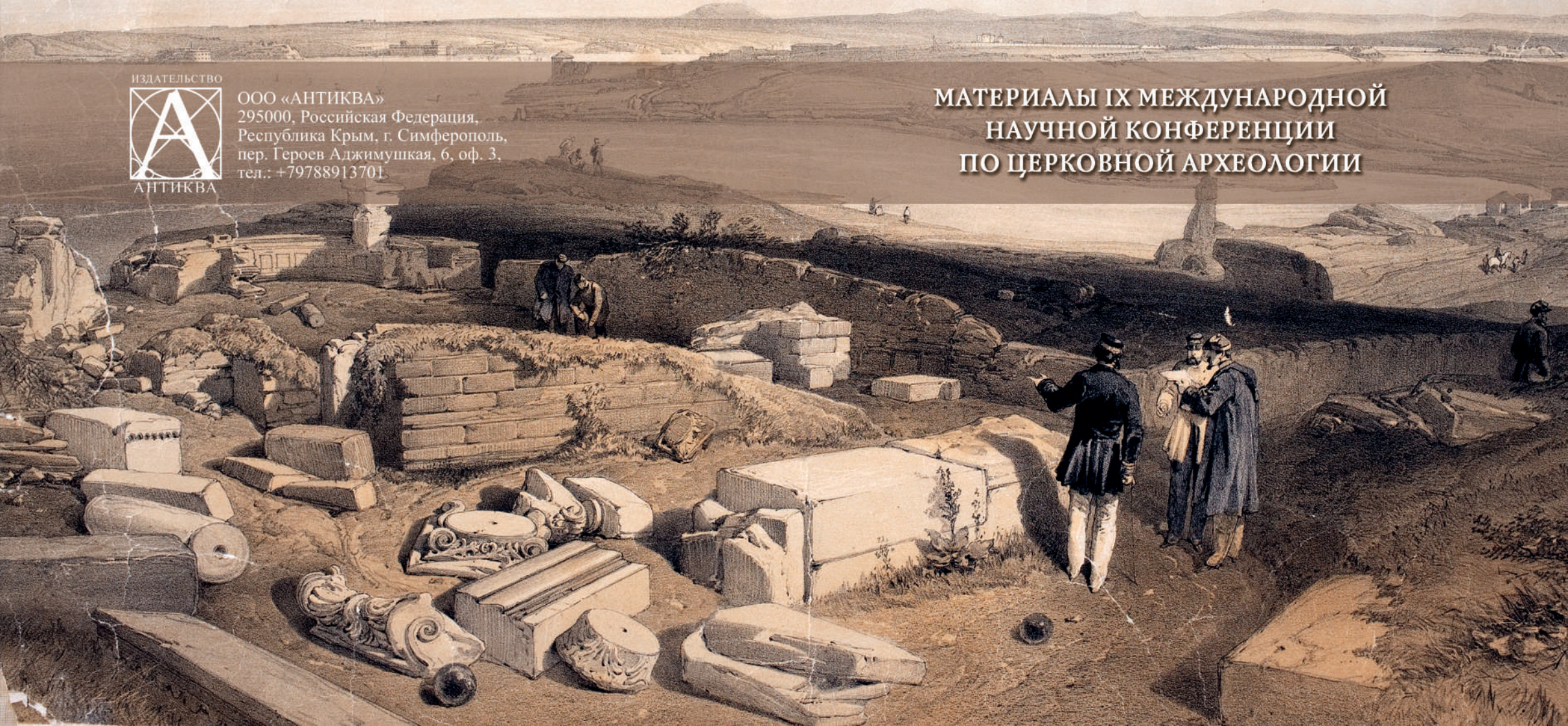
ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА

ООО «АНТИКВА»
295000, Российская Федерация,
Республика Крым, г. Симферополь,
пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3,
тел.: +79788913701

**МАТЕРИАЛЫ IX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ**

ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический»
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
Симферопольская и Крымская епархия
Фонд поддержки гуманитарных наук «Моя история»

Христианство в археологических и письменных источниках

*Материалы IX международной
научной конференции
по церковной археологии*

Севастополь, 21-25 сентября 2020 г.

Симферополь
2020

УДК 904(477.75)

ББК 63.3(0)41

X93

*Рекомендовано к изданию Ученым Советом
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»*

Редакторы-составители:

В. В. Майко (Институт археологии Крыма РАН)

Э. А. Хайрединова (Институт археологии Крыма РАН)

Т. Ю. Яшаева (Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»)

Христианство в археологических и письменных источниках: Материалы IX международной научной конференции по церковной археологии / Ред. — сост. В. В. Майко, Э. А. Хайрединова, Т. Ю. Яшаева. — Симферополь: ООО «Антиква», 2020.— 182 с. + цв. вкл. (16 с.)

В сборнике публикуются материалы IX международной научной конференции по церковной археологии «Христианство в археологических и письменных источниках», проходившей в 2020 г. в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия). Представлены результаты новейших исследований археологов, историков, искусствоведов из научных центров России, Великобритании, Италии и Франции.

УДК 904(477.75)

ББК 63.3(0)41

© Коллектив авторов, текст, 2020

© Оформление. Изд-во «Антиква», 2020

Содержание

<i>Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.</i> Однонефные храмы Эски-Кермена _____	7
<i>Артамонов Ю. А.</i> Архиерейская интронизация в Древней Руси: вопросы хронологии _____	16
<i>Афиногенов Д. Е.</i> Патриарх Фотий о самоидентификации подданных Римской империи _____	20
<i>Афиногенова О. Н.</i> Пространные мученичества на основе кратких источников: методика византийских агиографов _____	24
<i>Бутырский М. Н.</i> К истории отечественного палестиноведения: экспедиционный дневник академика Н. П. Кондакова 1891 г. _____	27
<i>Герцен А. Г.</i> Раннехристианская гемма из Мангупа _____	30
<i>Денисенко Н. Д.</i> Неизданная рукопись А. А. Васильева _____	34
<i>Жилина Н. В.</i> Классификация византийского растительного орнамента _____	37
<i>Журов А. Н.</i> «Черная археология»: юридическая квалификация и проблемы противодействия _____	42
<i>Завадская И. А.</i> О планировочной структуре и методах проектирования Эски-Керменской базилики _____	45

<i>Зедгенидзе А. А.</i> Вклад митрополита Евгения (Болховитинова) в исследование Херсонеса Таврического _____	50
<i>Иожица Д. В., Майко В. В.</i> Фрески христианского храма у горы Килиса-Кая близ города Судак в юго-восточном Крыму (предварительные результаты анализа сюжетных росписей) _	55
<i>Калинина Т. М.</i> Известия ал-Мас‘уди о принятии христианства Константином Великим _____	59
<i>Кирилко В. П.</i> Верхний храм средневекового поселения «Демерджи-I» _____	63
<i>Конкин Д. В.</i> Записка барона Б. Б. Кампенгаузена «о древностях Новороссийского края» (1817 г.) в контексте проблемы сохранения памятников старины Крыма _____	66
<i>Лидов А. М.</i> От алтарной преграды к высокому иконостасу. Некоторые проблемы эволюции иконической структуры ____	72
<i>Лидова М. А.</i> «Благовещение у источника» в искусстве IV-V вв. _____	82
<i>Ломакин Д. А.</i> Мусульманская мечеть и христианский храм: историография последней четверти XVIII — начала XX века о купольном здании на территории Судакской крепости _____	89
<i>Могаричев Ю. М.</i> К проблеме миссионерской деятельности крымских епархий в эпоху раннего средневековья _____	95

Науменко В. Е.
Некоторые наблюдения над топографией
и погребальной практикой
христианских некрополей Мангупского городища
(по материалам современных раскопок памятника) _____ 99

Пономарев Л. Ю.
К изучению христианских некрополей
ранневизантийского Боспора (по результатам
охранных раскопок в 1986 г. на ул. Свердлова в Керчи) _____ 108

Прохорова Т. А.
Об одном снимке из фотофонда государственного
музея-заповедника «Херсонес Таврический»:
к истории отношений П. А. Виноградова
(архимандрита Порфирия) и К. К. Косцюшко-Валюжинича _____ 114

Пьери Д., Казанский М., Мастыкова А. В.
Ранневизантийский монастырь
Святого Симеона Столпника (Северная Сирия):
металлические предметы из сооружений на Via Sacra _____ 118

Радочин В. Ю.
К вопросу о населении Эски-Кермена
по материалам раскопок позднесредневековой часовни
(антропологический аспект) _____ 124

Роменский А. А.
К интерпретации изображения
Богородицы Оранты на солидах Льва VI _____ 133

Сейдалиева Д. Э.
Византийская керамика с монограммами группы
“Elaborate Incised Ware” из раскопок
караван-сарая Солхата _____ 137

Тесленко И. Б., Александрова И. А.
Погребения с керамикой у храма алуштинского могильника
(материалы раскопок 1950–1951 гг. из собрания АИКМ) _____ 142

<i>Турова Н. П.</i> Сводчатый склеп XIII–XV вв. храмового комплекса г. Кильсе-Бурун Главной гряды Крымских гор _____	149
<i>Туровский Е. Я.</i> Херсонес как колыбель христианства на территории России _____	153
<i>Feldman A. M.</i> Empire, commonwealth and jurisdiction: the Rus' Metropolitanate within the Byzantine eparchal tradition (6-11th. c.) _____	156
<i>Хрушкова Л. Г.</i> Ранневизантийская двойная церковь в Пицунде в Абхазии (по материалам раскопок 2008-2009 гг.) _____	158
<i>Чхаидзе В. Н., Виноградов А. Ю.</i> Средний Зеленчукский храм на Нижне-Архызском городище. Раскопки 2018–2019 гг. _____	164
<i>Юрочкин В. Ю., Олейник Т. В.</i> К вопросу об античных прототипах ранневизантийских ритуальных сосудов с полихромными портретами _____	169
<i>Яшаева Т. Ю.</i> Об одной группе византийских энколпионов из Херсонеса _____	174
Список сокращений _____	181

А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Однонефные храмы Эски-Кермена¹

В X-XIII вв. на плато Эски-Кермен находился небольшой средневековый город, имевший планомерную застройку. Почти всю территорию южной половины плато занимали прямоугольные кварталы, сооруженные по обе стороны главной и параллельной ей улиц. В кварталах, помимо нескольких жилых усадеб находилось по одному небольшому однонефному храму. В настоящее время на плато выявлено шесть таких храмов, расположенных около восточного обрыва [Веймарн, 1982, с. 71, рис. 1], в центре — рядом с главной базиликой [Паршина, 1988, с. 38.39], вдоль западного обрыва и на главной улице [Айбабин, Хайрединова, 2011; Айбабин, Хайрединова, 2020].

В исследовавшихся нами двух кварталах культовые здания размещались в юго-восточной части, либо в юго-западном углу — на перекрестке главной и поперечной улиц (Рис. 1). Для строительства храма в квартале 1 в X в. была произведена перепланировка, в результате которой одну из усадеб сократили, освободив место для храма и небольшой площади перед его входом [Айбабин, Хайрединова, 2011, с. 422; Айбабин, 2018]. Еще большей перестройке подвергся квартал 2, в юго-западном углу которого на рубеже X-XI вв. была разобрана выходившая на главную улицу крупная усадьба и построен длинный однонефный храм с притвором (Рис. 1; 2). От жилых усадеб квартала 2 храм отделялся небольшим проулком, в котором был устроен некрополь с костницами и поминальным комплексом. Интересно, что одновременно с возведением в квартале 2 храма, была перестроена находившаяся напротив него усадьба 5 квартала 1. В угловом помещении усадьбы заложили дверь, выходившую к могилам, устроенным вдоль южной стены храма, оставив только один вход с главной улицы (Рис. 1). Найденный в 1936 г. на западном крае городища храм также был построен на месте снесенного хозяйственного помещения, от которого сохранились ступени и подрубки в скале (Рис. 3).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время»)

Открытые на Эски-Кермене однефные храмы представляли собой небольшие, прямоугольные в плане, удлинённые по продольной оси здания. Ширина таких сооружений с внешней стороны составляла 3,7-4,6 м, а длина вместе с апсидой — 5,7-6,2 м. Для их возведения использовался не крупный местный камень, слегка подтесанный с лицевой стороны. Обработанные известняковые блоки присутствуют в угловых частях зданий и в кладке апсиды. Стены — двухпанцирные, с внутренней забутовкой. По толщине и технике кладки они не отличаются от стен жилых домов. Внутри стены были оштукатурены, а в некоторых храмах еще и покрыты полихромными фресками.

В каменном завале внутри храма, пристроенного к плечу апсиды главной базилики, найдены фрагменты штукатурки с фресками и граффити. Роспись была выполнена черной, желтой и синей красками [Паршина, 1988, с. 39]. Фрагменты фресок с фигурами на синем фоне и с выполненными белой краской надписями имен обнаружены в храме, открытом в 1936 г. около западного обрыва [Репников, 1936, с. 6]. В отчете о раскопках Н. И. Репников сообщает: «По низу шла орнаментальная панель — полотенце. Роспись исполнена в XII-XIII вв. Стилистически она близка росписям в храме «Трех всадников» и пещерного храма «с цистерной и тарапаном» [Репников, 1936, с. 6].

В алтарной части этого же храма *in situ* сохранился престол (Рис. 3). Престольная плита была установлена на «четырёхугольной, срезанной по граням подножке, вставленной в вырубку в полу» [Репников, 1936, с. 5]. Престольная плита высечена из известняка, на ее поверхности сделано миниатюрное квадратное углубление для хранения мощей (Рис. 3, 1). В центре плиты вырезан круг с крестом с греческими буквами на концах [Репников, 1936, с. 5].

Архитектурный облик однефных храмов можно восстановить по небольшой, вырезанной из известняка модели храма, найденной в 1931 г. в костнице 99 в часовне около второго марша подъемной дороги на плато Эски-Кермен (Рис. 4, 1) [Репников, 1935, с. 25, рис. 11, 99]. Храмы представляли собой небольшие, прямоугольные в плане здания под двускатной крышей, с выступающей полукруглой апсидой. Крыши покрывались черепицей. Многочисленные обломки керамид и калиптеров от кровли обнаружены в развале камней всех кварталных храмов Эски-Кермена. Судя по пропорциям модели, высота храма с двускатной крышей равнялась длине здания без апсиды, т.е. примерно пяти метрам. Такие же соотношения длины и высоты характерны для греческих крестово-купольных храмов IX-XII вв. [Полевой, 1984, с. 254].

Дверной и оконные проемы, вероятно, были обрамлены декорированными камнями. Скорее всего, фрагментом окна храма в квартале 1 является обломок известнякового наличника с профильным валиком, обнаруженный в засыпи подвала на площади напротив входа в храм (Рис. 4, 2). По валику наличника вырезана однострочная греческая надпись-граффити (в прочтении В. А. Сидоренко): «+Κύριε βοήθι μονάχος ...Господи, помоги монах ...» (Рис. 5, 2а) [Айбабин, Хайрединова, 2011, с. 428, 456, рис. 24, 3].

В 2018-2019 гг. нами исследовался однонефный храм с пристроенным притвором, занимающий юго-западный угол квартала 2 (Рис. 1; 2). Западной стороной здание выходит на главную улицу, восточной — на вторую поперечную улицу, разделявшую кварталы 1 и 2. Вход в храм расположен с запада, со стороны главной улицы. Внешние размеры храма: длина с апсидой — 12,8 м, ширина — 4,6 м. Внутренние размеры храма: длина с апсидой — 11,5 м, длина наоса — 3,3 м, длина притвора — 6,3 м, ширина — 3,12 м. Общая площадь храма — 35,8 м². Нетрудно заметить, что размеры храма базируются на византийской системе мер длины. Так, внутренняя ширина храма равна десяти футам, длина наоса (по плитовому полу) приблизительно равна десяти футам, а длина притвора — двадцати футам. По мнению Э. Шильбаха, после эпохи Юстиниана устойчивым размером фута становится 31,23 см [Schilbach, 1970, S. 13-16]. Эта цифра была получена исследователем на основе анализа размеров Собора Святой Софии в Константинополе («фут Святой Софии») [Schilbach, 1970, S. 15].

Здание возведено на скале и ограничено стенами, состоящими из двух панцирей с внутренней забутовкой из мелкого камня и обломков керамики. По характеру кладки стен, по тому, как сделан пол, притвор заметно отличается от основной части храма. Внешние панцири стен наоса полностью сложены из правильных блоков квадратной и прямоугольной формы, притесанных с лица, внутренние — из крупных обработанных каменных блоков. Во внешнем панцире южной стены, выходящей на вторую поперечную улицу, сохранилось два ряда кладки на высоту 0,86 м. Нижний ряд сложен из семи блоков размерами от 0,42x0,5 м до 0,46x1,1 м; верхний — из шести блоков, размерами от 0,44x0,44 м до 0,44x1,1 м. На лицевой стороне нескольких блоков нижнего ряда видны следы инструмента, которым обрабатывался камень. Стены притвора сложены, в основном, из бутового камня. Только несколько отшлифованных блоков использовано в кладке внешнего панциря западной и южной стен притвора. Пол в наосе вымощен отшлифованными плитами из привозного камня, пол в притворе — глиняный.

Находки архитектурных деталей и фрагментов полихромных фресок дают представление о внутреннем убранстве храма. Апсида была оштукатурена и побелена, стены оштукатурены и расписаны: в наосе — красными и зелеными полосами, разделенными белой линией, а в притворе, над гробницей около северной стены, судя по сохранившемуся фрагменту лика, — изображениями святых, выполненными красной краской.

Внутри притвора открыто 9 погребальных сооружений: четыре могилы, высеченные в скальном полу в центральной части притвора; три костницы, вырубленные в скале по углам притвора около стены 3 и под аркосолием в месте стыка стен 2а и 2б, а также две гробницы, пристроенные к стенам храма в центральной части притвора. В притворе выделяется два строительных периода. К раннему периоду относятся вырубленные в скальной поверхности в центре притвора могилы и костницы. Позже в притворе к длинным стенам пристроили две гробницы, а пол с ранними могилами покрыли толстым слоем утрамбованной глины. В гробницах внутри притвора погребения совершались вплоть до гибели города в 1299 г. от набега Ногая. В погребениях найдены предметы христианского культа (бронзовые крест и лжица для причастия), украшения (стеклянные браслеты, проволочные серьги), керамическая посуда. В наосе в каменном завале обнаружена надгробная надпись на греческом языке. По планировке, размерам и пропорциям открытый храм близок храму в портовом районе Херсонеса, исследованному в 1963-1965 гг. Л. Г. Колесниковой [Колесникова, 1978].

Сооружен храм был, скорее всего, в X-XI вв., когда в городе шла перепланировка многих кварталов и на специально выделенных местах стали возводить однефные храмы. В это же время прекращает существование городская некрополь, расположенный за стенами города, на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен. Из Византии распространился аскетический христианский погребальный обряд. Умерших хоронят на небольших некрополях у стен храмов и в сооруженных внутри них могилах и костницах.

Библиография

1. Айбабин А. И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 277-304.
2. Айбабин А. И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422-457.

3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Новый храм с фресками X-XIII вв. на плато Эски-Кермен // Изучение и сохранение древних скалярных пространств в современной мире (к 1365-летию ссылки папы Мартина в Херсонес): Материалы международной научной конференции / ред. — сост. В. В. Майко, Э. А. Хайрединова, Т. Ю. Яшаева. Симферополь: ООО «Антиква», 2020. С. 5-10.

4. Веймарн Е. В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // Античная древность и средние века. Свердловск, 1982. Вып. 19. Византия и ее провинции. С. 69-88.

5. Колесникова Л. Г. Храм в портовом районе Херсонеса // Византийский временник. 1978. Т. 39 (64). С. 160-172.

6. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Ред. С. Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36-59.

7. Полевой В. М. Искусство Греции. В 2-х томах. М.: Советский художник, 1984. Т. 1. 536 с.

8. Репников Н. И. Подъемная дорога Эски-Кермена (извлечения из дневника зачисток 1928, 1929, 1831 и 1933 гг.) // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. С. 18-42.

9. Репников Н. И. Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. Рукописный Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1936. Д. 268. С.1-23.

10. Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. 291 S.

Рис. 1. Городище на плато Эски-Кермен. План жилых кварталов 1 и 2, исследовавшихся в 2003-2019 гг.

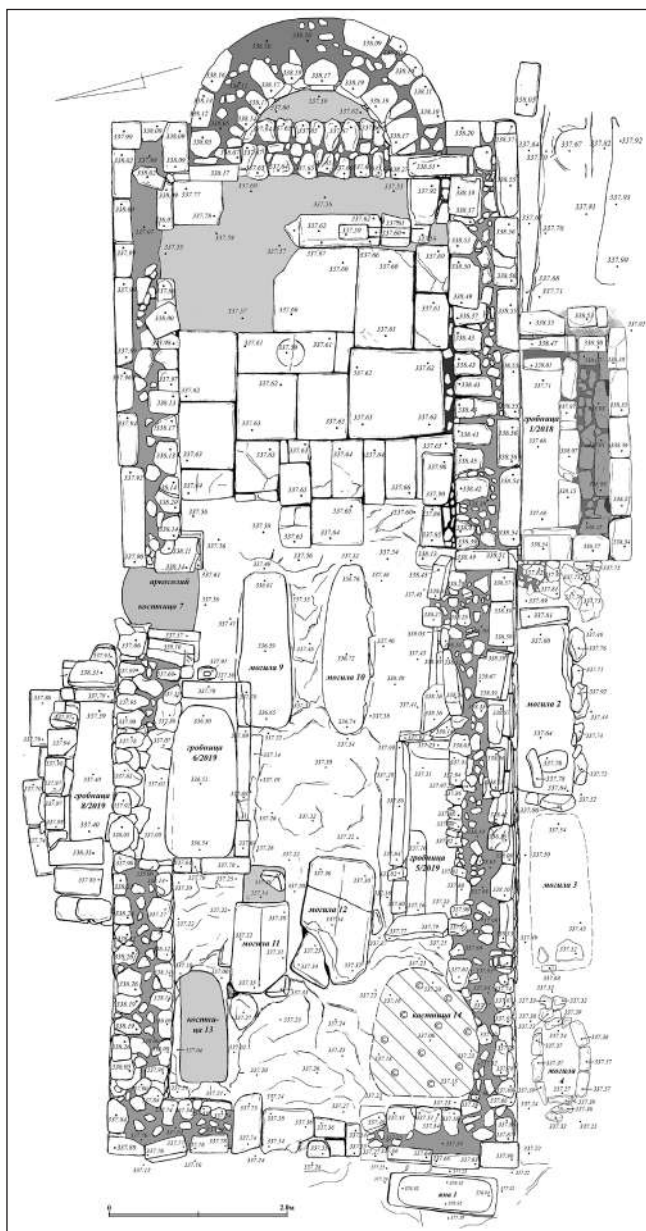

Рис. 2. План однефного храма с притвором из квартала 2

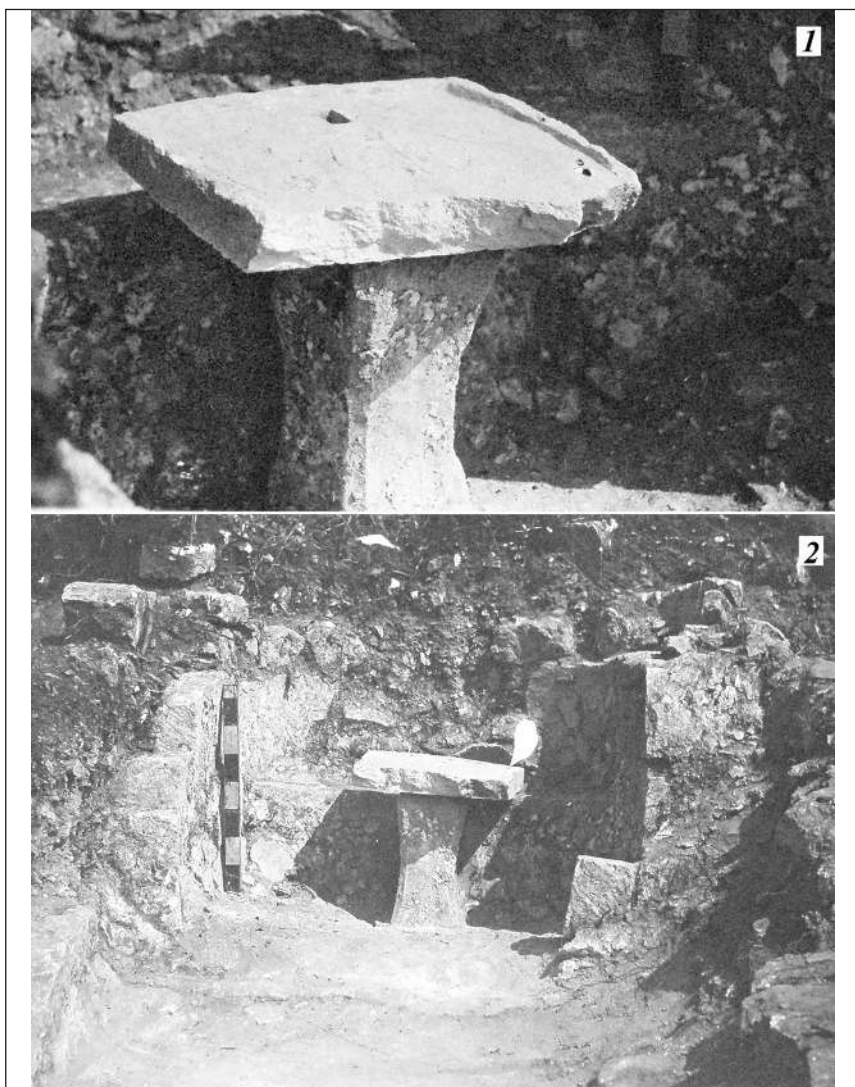

Рис. 3. Однонефный храм, расположенный около западного обрыва.
1 — престол; 2 - общий вид алтарной части.
Раскопки Н.И. Репникова 1936 г. (Фотоархив ИИМК РАН)

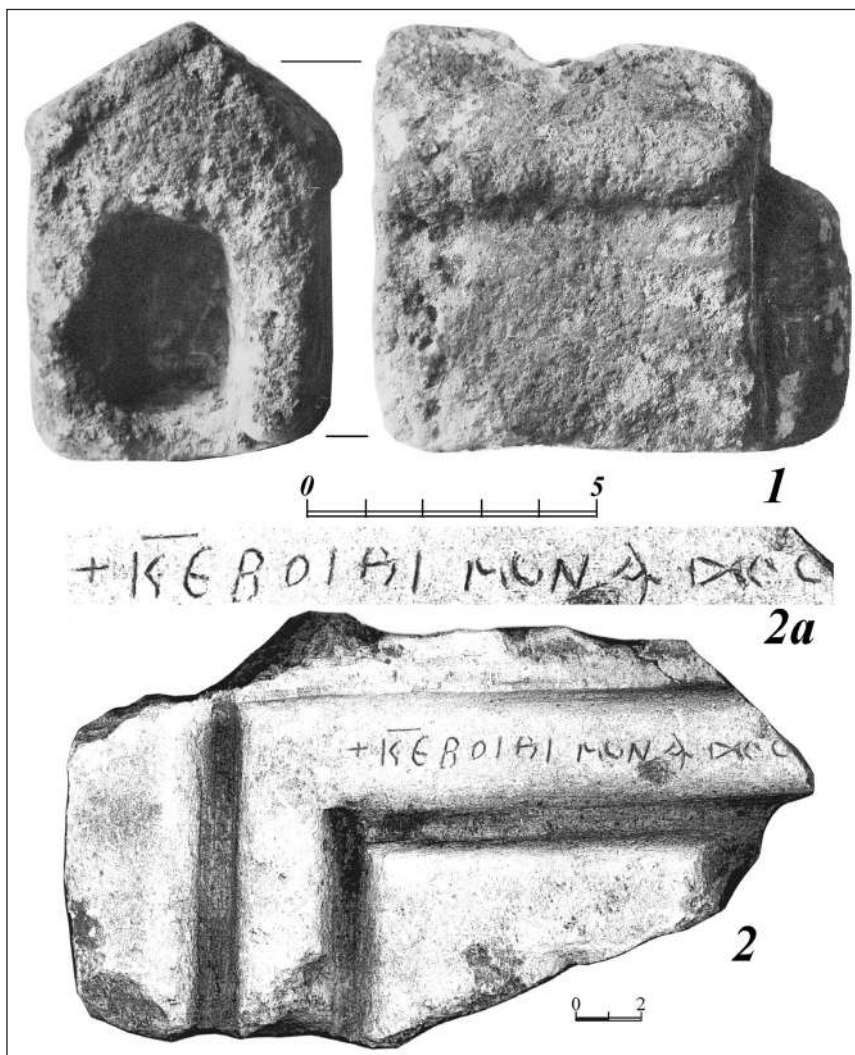

Рис. 4. Каменная модель храма, найденная в 1931 г. в часовне около второго марша подъемной дороги на плато Эски-Кермен (1) и фрагмент каменного наличника с однострочной греческой надписью из квартала 1

Ю. А. Артамонов

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Институт российской истории РАН,
Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия)*

Архиерейская интронизация в Древней Руси: вопросы хронологии

Восприятие кафедры (καθέδρα — трон, сиденье, стул и проч.) в качестве символа епископского служения складывалось в первые века распространения христианства под воздействием традиций властной практики Рима и отчасти раввинистического иудаизма. В результате этой сакрализации возникло особое священнодействие, интронизация — посажение архиерея на трон (кафедру), которое стало частью обряда хиротонии. Первые письменные свидетельства его существования относятся к III–IV вв. [Желтов, 2010, с. 124–126]. На Русь обряд интронизации пришел вскоре после официального крещения. Здесь он получил название «настолование» или «посажение на стол».

Согласно Симеону Солунскому (ум. 15 сентября 1429 г.), интронизация совершалась в церкви при участии духовенства и мирян. По прочтении молитвы и Трисвятого первый или второй из священников трижды усаживал рукоположенного святителя на кафедру, при этом каждый раз возглашая: «Аксиос» (от греч. ἄξιος — «достоин»). Затем следовало многолетствие властям и самому виновнику торжества. После отпуста молящиеся подходили к архиерею для поцелуя руки и получения благословения. Завершалась церемония трапезой и торжественным выездом новопосвященного епископа для благословения города и его жителей [Patrologia Graeca. Col. 428–429]¹.

Источники говорят о том, что интронизация была важным событием в жизни духовных центров Древней Руси: встречи новопоставленных иерархов сопровождались многолюдными шествиями, в которых, как правило, принимали участие князь, боярство, духовенство и простые горожане. Архиерея встречали на некотором расстоянии от города с крестами, свечами и кадилами. С церковными песнопениями и славословиями процессия вступала в город через главные

¹ Впрочем, при совершении чина посажения могли наблюдаться и некоторые региональные особенности [Желтов, 2010, с. 126].

ворота, а затем следовала в соборный храм, где совершались богослужение и обряд восседания. Полагаю, что для таких церемоний власти должны были определять особые дни. Из византийских источников, например, известно, что хиротонию предписывалось совершать по воскресеньям [Patrologia Graeca. Col. 408]. Другие дни недели могли назначаться только в том случае, если они совпадали с большими церковными торжествами — двенадцатыми или так называемыми великими праздниками. Можно ли думать, что выбор даты интронизации на Руси определялся тем же правилом?

Для ответа на этот вопрос мною были проанализированы все доступные свидетельства источников домонгольского периода о прибытии или посажении на древнерусские кафедры новопоставленных архиереев, которые имеют точные дневные датировки. Таких свидетельств оказалось сравнительно немного, всего 17. Между центрами епархий они распределились следующим образом: Новгород — 9, Киев — 3, Ростов — 3, Чернигов — 1, Переяславль — 1. О других кафедрах известия отсутствует, что объясняется утратой памятников местной летописной традиции, которые преимущественно и фиксировали события такого рода.

1. Новгород

п/п	Имя архиерея/ период правления	Настолование	
		Дата	День недели
1.	Иоанн Попьян (1110–1130)	20 декабря 1110 г.	Вторник
2.	Нифонт (1130–1156)	1 января 1131 г.	Обрезание Господне (четверг)
3.	Аркадий (1158–1164)	13 сентября 1158 г.	Суббота
4.	Илья (1165–1186)	11 мая 1165 г.	Вторник
5.	Гавриил (1187–1193)	31 мая 1187 г.	Воскресенье
6.	Мартирий (1193–1199)	16 января 1194 г.	Воскресенье
7–8.	Митрофан (1201–1223, с перерывами)	14 сентября 1201 г.	Воздвижение Креста (пятница)
		17 марта 1219 г.	Воскресенье
9.	Спиридон (1230–1249)	19 мая 1230 г.	Воскресенье

2. Киев

п/п	Имя архиерея/период правления	Настолование	
		Дата	День недели
1.	Никифор I (1104–1121)	18 декабря 1104 г.	Воскресенье
2.	Никита (1122–1126)	15 октября 1122 г.	Воскресенье
3.	Кирилл I (1224–1233)	6 января 1225 г.	Богоявление (понедельник)

3. Ростов

п/п	Имя архиерея/период правления	Настолование	
		Дата	День недели
1.	Иоанн (1190–1214)	25 февраля 1190 г.	Воскресенье
2.	Пахомий (1214–1216)	28 января 1215 г.	Среда
3.	Кирилл II (1231–1261)	18 мая 1231 г.	Воскресенье

4. Чернигов

п/п	Имя архиерея/период правления	Настолование	
		Дата	День недели
1.	Феоктист (1113–1123)	19 января 1113 г.	Воскресенье

5. Переяславль

п/п	Имя архиерея/период правления	Настолование	
		Дата	День недели
1.	Марк (1125–1134)	4 октября 1125 г.	Воскресенье

Итак, в 13 случаях из 17 вступления архиереев на кафедры приходились на праздничные дни — воскресенье (10), двенадцатые (2) и великие (1) праздники. К числу последних относятся Богоявление Господне (6 января), Воздвижение Честного и Животворящего Креста (14 сентября) и Обрезание Господне (1 января). Едва ли такая хронология может быть признана случайной. Скорее, речь должна идти о целенаправленном определении дня совершения интронизации². Отсюда следует, что въезд новопоставленного епископа в город не был спонтанным, а подготавливался заранее.

² К аналогичному выводу недавно пришел А.В. Лаушкин, который отметил существование наличие «выраженной праздничной стратегии» организации встреч новопоставленных иерархов в кафедральных центрах Руси [Лаушкин, 2019, с. 49].

Выявленная закономерность требует более внимательного отношения к хронологическим указаниям, которые ей противоречат. Всего установлено 4 таких случая: 3 имеют отношение к Новгородской кафедре и 1 — к Ростовской. Думаю, что эти датировки нуждаются в дополнительной проверке и объяснении. Предварительный анализ, основные положения которого будут доложены на конференции, позволяет скорректировать время возведения на кафедру новгородского святителя Иоанна Попьяна (20 декабря 1108 г.) и объяснить, почему днем встречи святителя Аркадия было выбрано 13 сентября 1158 г. («Словущее воскресенье»).

Проделанная работа дает основания утверждать, что в Древней Руси существовала практика совершения местных интронизаций, которая распространялась и на русских епископов, поставляемых в Киеве, и на митрополитов, прибывающих из Византии. Как и хиротония, возведение архиерея на свой стол подготавливалось заранее и совершалось либо в воскресенье, либо в день большого церковного праздника. Наличие этой закономерности требует от исследователя более внимательного отношения к тем хронологическим указаниям источников, которые датируют посажения епископов будними днями.

Библиография

1. Желтов М., свящ. Интронизация // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 124–131.
2. Лаушкин А. В. Вход новопоставленного епископа Пахомия в Ростов 28 января 1215 года: выбор дня для торжественной церемонии // Вестник ПСТГУ. Серия II: История.
3. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 89. С. 49–66.
4. *Patrologia Graeca*. Т. 155. Paris, 1866.

Д. Е. Афиногенов

Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Патриарх Фотий о самоидентификации подданных Римской империи

«Амфилохии» патриарха Фотия (ок. 810 — после 896) — уникальный памятник византийского энциклопедизма, созданный в эпоху возрождения науки и образования, начавшуюся в конце VIII в. и получившую в современной историографии неточное название «Македонский ренессанс». «Амфилохии» представляют собой собрание более 300 трактатов различного размера, которое патриарх начал писать в период своей первой ссылки (867–875) и впоследствии постоянно дополнял. Нынешнюю форму произведению придали секретари, разбиравшие архив Фотия в самом конце IX в. Хотя интерес патриарха в данном сборнике в основном концентрируется на толковании Священного Писания, многие трактаты затрагивают и другие проблемы. Особую важность «Амфилохиям» как источнику придают два обстоятельства: невероятно широкий кругозор Фотия и тот факт, что он имел доступ к колоссальной по тем временам библиотеке, в значительной части состоявшей из папирусных кодексов, которые уже в следующем столетии исчезли в силу естественных причин. Многие из этих рукописей так никогда и не были перенесены на пергамен.

Одна из проблем, затронутых в «Амфилохиях», касается толкования нескольких мест из Деяний св. Апостолов, в которых апостол Павел объявляет себя то иудеем, то тарсянином, то римским гражданином. Тема разбирается в трактатах 116, 117 и 211, сохранившихся также в сборнике писем Фотия под номерами 246, 247 и 103 соответственно [Photius 1983–1986: 1, 139–143; 2, 178–180]¹. Русский перевод находится в печати [Фотий, в печати]. В самом деле, в Деяниях Павел несколько раз называет себя римским гражданином (Деян. 22:25–28). Более того, это же подтверждает тысяченачальник (хилиарх) Клавдий Лисий (Деян. 23:27). С другой стороны, апостол

---

¹ Поскольку в использованном издании все три текста фигурируют в томах писем, ссылки даются именно по номерам писем.

говорит: *я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города* (Деян. 21:39, ср. 22:3).

Свою первоочередную задачу толкователь видит в том, чтобы снять с Павла обвинение во лжи. Это не вызывает больших затруднений: Фотий доказывает, что апостолу было бы невозможно безосновательно претендовать на римское гражданство, поскольку он был бы сразу разоблачен, если не римскими начальниками, то уж во всяком случае ненавидевшими его иудеями. Далее выстраивается следующая иерархия. Павел был бесспорно иудеем, но этот аспект трактуется в «Амфилохиях» под разными углами. С одной стороны, говорится, что «родом и воспитанием по Моисееву закону он был иудеем» [Photius 1983–1986: 1, Ер. 103, 45–46], т.е. иудейство, казалось бы, сводится к этноконфессиональной принадлежности. Однако в Письме 246 сказано, что «от далеких предков и телесного рождения» родиной Павла была Гисхала, тогда городок в Иудее [Photius 1983–1986: 2, Ер. 246, 4–6], в историческом уделе колена Вениаминова. Строго говоря, Гисхала находится не в Иудее, а в Галилее, но Фотий явно подразумевает здесь изначальное отечество еврейского народа вообще. Таким образом, связь между территорией и этносом в представлении патриарха утрачена не совсем. Информацию о Гисхале, как предполагают издатели, он почерпнул в греческом переводе сочинения блаж. Иеронима «О знаменитых мужах» [Hieronymus: 23, 646B].

Некоторое затруднение вызывает у собеседников патриарха и то, что Павел родился в Тарсе, но считается римским гражданином. Современному человеку непонятно, в чем тут проблема, однако очевидно, что у византийцев остатки полисного самосознания были еще достаточно сильны, чтобы понимать слово *πολίτης* не только в смысле подданства, но и в смысле принадлежности к конкретному городу (исконное значение церковнославянского слова «гражданин»). Иначе невозможно объяснить, почему Фотию приходится растолковывать, как Рим может быть отечеством человека, родившегося в Тарсе. Вот его слова: «Затем, когда щедрость римлян стала соперничать с величиной их державы и распространять великодушие даже на иноплеменников, многим, иногда даром, а иногда за деньги, была предоставлена возможность быть возведенными в благородство римского имени и гражданства. Итак, из-за этого и для родителей боговещанного Павла благодаря немногим грамотам (*συλλαβαίς*) и человеческим законам отечеством стал Рим и Рим-

ское государство (πολίτευμα)» [Photius 1983–1986: 2, Ер. 246, 10–16]. Таким образом, у Павла, согласно патриарху, было три отечества: Гисхала, Тарс и Рим (именно как город, а не как империя).

Очень интересный вопрос — представления патриарха о том, каким путем родители Павла получили римское гражданство. Создается впечатление, что у Фотия не было точных сведений о том, как это произошло. Тарс не имел статуса римской колонии, а был *civitas libera*, что предполагало значительные привилегии, но вовсе не обязательно — римское гражданство. Вместе с тем, патриарх знает, что некоторые города получали гражданство всей общиной, и дважды приводит в пример Филиппы (по Деян. 16:20–21): [Photius 1983–1986: 1, Ер. 103, 66–75; 2, Ер. 247, 12–22], а один раз — Иерусалим, который, «получив по фамилии Адриана наименование Элии, вошел в римский род, так сказать, по постановлению (δημολοίητον... τὸ Ῥωμαίων γένος ὑλέδν)» [Photius 1983–1986: 2, Ер. 247, 30–32]. Термин δημολοίητον, несомненно, тоже отсылает к полисным реалиям, как и употребляемое в том же письме выражение «римская фратрия» (Ῥωμαϊκὴ φατρία) [Photius 1983–1986: 2, Ер. 247, 36].

Наконец, у собеседника Фотия возник и такой вопрос: «Так что, говорят, разве он не был христианином? Ну конечно же. Почему же он не называл себя и этим именем?» [Photius 1983–1986: 1, Ер. 103, 112–113]. Патриарху приходится разъяснять, что это наименование появилось позже эпизода с Лисием (см. Деян. 11:26). Конечно, такой на первый взгляд странный вопрос далеко не случаен. Дело в том, что «христиане» (Χριστιανοί), наряду с «римляне» (Ῥωμαῖοι) было одним из самоназваний византийцев вплоть до X в. (см., например, [Иванов 2012]), поэтому менее сведущий в истории адресат письма, естественно, поинтересовался, почему Павел не охарактеризовал себя так же, как их с Фотием современники.

Таким образом, в «Амфилохиях» мы видим сложное переплетение как современных автору и адресату византийских, так и исторических представлений об этнической и государственной самоидентификации подданного империи. Очень важно, что полисный элемент среди них занимает далеко не последнее место. Но, конечно же, выше всего патриарх ставит совсем другое гражданство: «отечество в горнем Иерусалиме» [Photius 1983–1986: 2, Ер. 246, 3–4].

Библиография

1. Иванов С. А. «Христиане» как обозначение подданства в средневизантийский период // Индоевропейское языкознание и классическая филология, СПб, 2012, №16. С. 278–282.
2. Фотий Константинопольский, свт. Амфилохии. Трактаты 171–173; 193–204; 206–211, 116–117 / перевод с древнегреческого, предисловие и примечания Д. Е. Афиногенова // Библия и христианская древность. Т. 2. № 2. В печати.
3. *Hieronymi Stridonensis. De viris illustribus* // PL. Vol. 23. Col. 597–719.
4. *Photius. Epistulae et Amphilochia* / ed. B. Laourdas, L. G. Westerink. Lipsiae, 1983–1986. Vol. 1–6.

О. Н. Афиногенова

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» (Москва, Россия)

Пространные мученичества на основе кратких источников: методика византийских агиографов

При знакомстве с большим объемом византийской агиографии можно стать свидетелем использования краткой информации более древнего источника для составления позднейшего полноценного агиографического текста. Рассмотрим несколько примеров, чтобы установить методы, применяемые агиографами.

В первой главе сочинения Евсевия Кесарийского «О палестинских мучениках» [Euseb. De mart. Palest. I] рассказывается о том, как в Кесарии Палестинской был арестован некто Прокопий, и ему было предложено принести жертву нескольким языческим богам, а затем — четырем царям. После отказа Прокопия обезглавили. Более пространная сирийская версия сочинения добавляет, что Прокопий происходил из Иерусалима, жил в Скифополе, занимал должность чтеца, переводчика с сирийского языка и экзорциста.

Исследователь агиографической традиции Прокопия И. Делеэ выделяет три легенды, основанные на двух пространных мученичествах, а последние, в свою очередь возникли в следствие переработки данных Евсевия [Delehaye, 1909]. Рассмотрим две из них.

Сказание (BHG, N 1576, BHL, N 6949) — основано на расширенной версии Евсевия. Прокопий: 1. уроженец Иерусалима 2. приводятся его функции (чтец, экзорцист, переводчик) 3. его судит Флавиан. На этом следование источнику заканчивается. Сказание снабжено прологом, который заимствован из Мученичества Перпетуи и Фелицитаты. Агиограф вводит нового героя — палача Архелая, который был парализован и вскоре умер. Таким образом автор добавляет распространенный агиографический топос — наказание палача. Добавляет он и то, что Прокопий продолжительное время находился в узилище и подвергался пыткам. Одной из них было испытание горящим углем, который вкладывали в ладонь христианина — также довольно популярный мотив. Еще одно новшество автора — введение диспута между Флавианом и Прокопием, во время которого Прокопий убеждает своего противника в истинности Христа.

2. Во втором сказании (ВНГ, N 1577) от первоначальной информации Евсевия осталось только место действия — Палестина и имя Прокопий, которое появляется лишь во второй части повествования. В начале мученичества святого зовут Неаний. Подробно изложена история его обращения в христианство с явлением Креста и укоряющим голосом с Небес (Неаний был воспитан в язычестве). В этом сказании мы видим значительно более сложную методику работы автора, чем просто вставление заимствованного пролога и нескольких агиографических топосов. Здесь перед автором стоит задача встроить в агиографическую традицию некоего святого Неания. Для этого он вводит эпизод с крещением, когда во время таинства мученика нарекает Прокопием Сам Христос. Автор добавляет в повествование большое количество новых действующих лиц, хотя сохраняются и прежние. Помимо чисто агиографического материала привлекается мотив из Нового Завета (эпизод обращения язычника Неания совпадает с обращением гонителя христиан Савла, которому является голос Бога с Небес). Также агиограф знаком с легендой о явлении императору Константину I Креста перед битвой на Мульвийском мосту.

Во второй главе сказания «О палестинских мучениках» находится лаконичный рассказ о диаконе и экзорцисте Романе из Антиохии [De martyribus Palaestinae, II]. Он был арестован и приговорен к пыткам и казни. Скончался в темнице, будучи растянутым на доске. На основании этого текста так же появляется несколько пространных повествований.

В первом мученичестве (ВНГ, N 1600у) используется уже известный нам метод введения имен ранее безымянных действующих лиц. Судивший Романа епарх назван Асклепиадом. Большая часть текста в дальнейшем посвящена диспуту мученика и язычника. Видимо, этот метод мы можем назвать подражанием подлинным Мученическим Актам, содержащим допросы с элементами диспутов. Свидетелем диспута становится маленький ребенок, который исповедует себя христианином. С этого момента композиция мученичества сосредоточена на ребенке, который ни в одном из греческих мученичества не назван по имени. Затем следует описание безуспешных попыток сжечь Романа и урезать ему язык (отметим также включение в текст этих распространенных топосов, введение новых героев и имен). В конце концов Романа задушили в тюрьме. Автор изменяет первоначальную причину смерти.

Агиографическая традиция мучеников Романа Диакона и отрока получила очень широкое и неординарное развитие в Западной Церкви. В поздних латинских мученичествах (ВНЛ, N 7298-7304) появля-

ется имя мальчика — Варул (Варула, Варал, Варид). В Русской традиции почитаются именно Роман Диакон и Варул Отрок.

Третьим примером служат апокрифические Деяния апостола Петра, где фигурирует его дочь, не названная по имени. Однако уж в мученичестве Нерее и Ахилла, составленном в Риме в V-VI веках, упомянута гробница дочери Петра по имени Петронила. Автор «Золотой Легенды» Иаков из Варацце (XIII в.) записывает предание, ссылаясь на некоего более раннего автора [Иаков Ворагинский, 2017]. Однажды в доме Петра собрались другие апостолы и спросили Петра, почему же он, исцеляющий столько людей, не желает исцелять собственную парализованную дочь. Петр ответил, что эта болезнь для нее во спасение. Когда она достигла духовного совершенства, то исцелилась и к ней посватался богатый язычник. Петронила вынудила его дать ей три дня, в течение которых непрестанно молилась и затем мирно скончалась.

Здесь мы видим те же методы усложнения и добавления некоторой беллетристичности, даже некоторых черт авантюрного романа в душеспасительный текст, основанный на крайне скудных источниках, а в данном случае еще и на апокрифических.

Итак, на основании приведенных выше примеров можно выделить следующие методы работы агиографов с источниками:

1. Присвоение имен действующим лицам.
2. Расширение сюжетных линий, изменение композиций.
3. Введение стандартных агиографических топосов, подражание Мученическим Актам.
4. Обращение к нестандартным для агиографии сюжетов (заимствование эпизодов из Нового Завета, из панегириков императорам.
5. Взаимное заимствование имен авторами разноязычных традиций.
6. Предпочтение драматических сюжетов.
7. Отсутствие интереса к бытовым и хронологическим деталям.

Особо подчеркиваем, что примеров, подходящих для наших выводов, можно представить намного больше.

Библиография

1. *De martyribus Palaestinae* // Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique. Vol. 3. [Sources chrétiennes.55]. Paris, 1958 (1967^r).
2. *Delehaye H.* Les légendes grecques des saints militaires. Paris: Librairie A. Picard, 1909. 272 p.
3. *Erbetta M.* Gli Apocrifi del Nuovo Testamento. Vol. 2: Atti e legende. Torino: Marietti, 1966.
4. *Иаков Ворагинский.* Золотая легенда. Т. 1 / Пер. с лат. И. И. Аникьева, И.В. Кувшинской. М.: Издательство Францисканцев, 2017. 527 с.

М. Н. Бутырский

Государственный музей Востока (Москва, Россия)

К истории отечественного палестиноведения: экспедиционный дневник академика Н. П. Кондакова 1891 г.

Первая в российской истории учёная экспедиция на Святую Землю состоялась в августе-декабре 1891 г. Организатором выступало Императорское Православное Палестинское общество (ИППО), предложившее возглавить исследования ближневосточных христианских древностей Н.П. Кондакову, профессору С-Петербургского университета и сотруднику Императорского Эрмитажа, признанному знатоку византийского искусства, уже совершившему «археологические путешествия» на Синай (1881) и в Константинополь (1884).

Первоначально ИППО намеревалось в течение трёх лет (1891-1893) провести научные работы в Святой Земле, Петре Аравийской, Заиорданье, Хауране и Сирии. Задачей первой экспедиции (август 1891 г. - январь 1892 г.) должно было стать «исследование и описание древнехристианских и византийских памятников и древностей в Святой Земле, Петре Аравийской и Заиорданье», а также «встречаемых попутно древнееврейских, сирийских, греческих и римских памятников». В этих географических пределах начальнику экспедиции позволялось самостоятельно определить маршрут и время остановок на нём. 3 августа экспедиция отплыла из Одессы и после кратких визитов в Константинополь, Афины и Смирну 26 августа высадилась в Бейруте. Здесь был сформирован караван, начавший 2 сентября 1891 г. движение по Святой Земле. Однако его маршрут очень рано был изменён, как по объективным причинам (эпидемия холеры, запреты османских властей), так и по воле самого Кондакова, стремившегося в наиболее интересные для себя места. Экспедиции пришлось ограничиться изысканиями на территории от Бейрута и Дамаска до Аммана и Герасы, до минимума сократив Заиорданье, но зато был обследован сирийский Хауран. Конечным пунктом её маршрута стал Иерусалим, куда путешественники прибыли 21 октября, выйдя из Аммана и пройдя по пути Иерихон.

В результате экспедиция была завершена ранее намеченного срока: 9 декабря её участники покинули Иерусалим и 27 декабря Н. П. Кондаков явился на аудиенцию Великому Князю Сергею Александровичу, августейшему главе ИППО.

Успешно проведённая, на взгляд её руководителя, экспедиция, тем не менее, оказалась единственной и запланированного продолжения не имела. Собранные сведения о древностях Святой Земли, Хаурана и Заиорданья были изданы без участия ИППО, в монографии Н. П. Кондакова «Археологическое путешествие по Сирию и Палестине» (1904) [Кондаков, 2017]. Одним из главных источников при работе автора над этим текстом являлся экспедиционный дневник, который Н. П. Кондаков вёл в течение всего срока путешествия. Дневник хранится в С.-Петербургском филиале архива РАН [СПБ ФА РАН. Ф. 115. Опись 3. Д. 12] и представляет собою две тетради «в клетку» обычного формата. Подённые записи в них делались обычно чернилами, реже карандашом, слова часто писались в сокращении, текст изредка перемежается зарисовками археологических объектов, набросками планов тех или иных сооружений, эпиграфическими выписками. Этот важнейший документ и безусловная реликвия отечественного палестиноведения доносит до нас нечто большее, чем перечень увиденного и осмотренного в ходе поездок: мы слышим живой голос человека, давно признанного классиком российской науки, погружаемся в психологическую атмосферу его странствий по библейским местам, видим скорую и беспристрастную реакцию на памятники, события, людей, с которыми его сводили экспедиционные маршруты. Среди последних — представители дипломатических ведомств, духовенства — католического и православного, агенты ИППО, коллеги-археологи, некоторые с мировым именем. Одни абзацы дневника, с описанием местностей и облика увиденных памятников, были в точности воспроизведены в монографии 1904 г., другие, носившие более личный или ситуативный характер, в ней закономерно опущены, однако не утратили интереса в глазах историков науки.

Дневниковые записи составляют единый тематический блок с им сопутствующими по времени документами — экспедиционным дневником Я. И. Смирнова (архив ИИМК, С.-Петербург), частными письмами Н. П. Кондакова (И. И. Толстому, И. В. Помяловскому), письмами и записками представителей русской администрации в дипмиссиях на Ближнем Востоке (АВПРИ, Москва). Особенно информативны письма, отправленные Н. П. Кондаковым из экспедиционного лагеря руководителям Палестинского общества — его секретарю В. Н. Хи-

трово, заместителю Председателя Общества М. П. Степанову и Августейшему главе Великому князю Сергею Александровичу¹.

С изданием этих документов в 2020 г. в научный оборот будет введён комплекс важных источников по истории русских археологических исследований Святой Земли, а также отдана дань памяти нашему великому соотечественнику и выдающемуся учёному-историку Н. П. Кондакову.

Библиография

1. *Кондаков Н. П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904 (переизд.: М., «Индрик», 2017).
2. *СПБ ФА РАН.* Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 115. Опись 3. Д. 12

---

¹ Часть их рассмотрена и процитирована в: Бутырский М. Н. Экспедиция Императорского Православного Палестинского общества в Сирию и Палестину (1891 г.): след в истории науки. Вступительная статья / Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. М., «Индрик», 2017.

А. Г. Герцен

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)*

Раннехристианская гемма из Мангупа

Мангупское городище широко известно, прежде всего, как памятник средневековой эпохи. Создание фортификационной системы на обособленном плато площадью около 1 км² относится ко второй половине VI в., скорее всего, к последним годам правления Юстиниана I. Наряду с Эски-Керменом, Мангуп-Дорос был одним из военно-опорных пунктов, предназначенных для союзников Империи готов и аланов, расселившихся на периферии византийского Херсона. В начале VIII в. в Доросе временно скрывался свергнутый император Юстиниан II, бежавший из Херсона — места своей ссылки. Отсюда он договаривался о получении убежища у хазарского кагана, резиденция которого находилась в то время в Фанагории.

Материалы археологических исследований показывают, что крепость играла важную роль в распространении христианства в глубине полуострова. Практически одновременно с разворачиванием массового строительства христианских культовых комплексов в Херсоне, в центре плато была возведена одна из крупнейших христианских базилик в Таврике, соответствовавшая своими размерами крепости. Она уступала по габаритам только двум наиболее значительным херсонским базиликам, так называемым Уваровской и Западной. В ходе раскопок Мангупской базилики в 1912 г. был обнаружен фрагмент надписи на известняковой плите, содержащей имя Юстиниана I. Таким образом, крепости вменялась не только военная функция, но она становилась и важным идеологическим центром, через который осуществлялась христианизация местного населения, в основном завершившаяся к рубежу I и II тысячелетий н. э.

С конца IV в., еще до появления крепости, вокруг плато начинают расти некрополи, крупнейший из которых, площадью до 6 га, занимает дно балки Алмалык-дере (Яблоневый овраг). Здесь выявлены наиболее ранние погребальные комплексы конца IV — V вв. Это глубокие склепы с длинными дромосами, один из них с 13-ю ступенями. К сожалению, эти некрополи с IX в. неоднократно подвергались

огрблению, причем последнее, самое масштабное, началось в первой половине 90-х гг. прошлого века. Тем не менее, даже на уцелевших материалах можно проследить постепенное проникновение в гото-аланскую среду христианских представлений. При том, что в целом обряд оставался языческим, уже появляется христианская символика в виде настенных изображений типичных ранневизантийских крестов явно сакрального характера.

В последние годы на территории между Мангупом и Инкерманом в дополнение к уже известным, выявлен еще целый ряд новых некрополей. Очевидно, они отмечают основное ядро области, заселенной федератами Византии, совпадающей со страной Дори, упоминаемой Прокопием Кесарийским в трактате «О постройках». Именно здесь наиболее интенсивно проходила аккультурация и религиозная трансформация варварского окружения византийского Херсона, приведшая в конечном итоге к формированию этнокультурного облика населения Таврики, характерного для периода зрелого средневековья. Для освещения данного процесса важное значение имеет погребальный комплекс склепа №56 могильника в Алмалык-дере.

Склеп был ограблен в древности. Тогда же частично оплыли стенки входной ямы. Судя по крупным известняковым глыбам, находящимся в современном грабительском отвале и в заполнении ямы, древний грабительский лаз был забит камнем. Закладная плита подпрямоугольной формы отклонена древними грабителями назад. Камера прямоугольной формы несколько сужающаяся ко входу. Двускатный свод обрушился по всей площади. В центре передней стены треугольная ниша. В правой стене грабительский ход в склеп №56. В полуметре к западу еще один ход (не докопанный) и третий — в западном углу. Все ходы прорыты древними грабителями. В склепе найдено: семь фрагментов железных ножей, фрагмент железной пряжки с круглой рамкой, две бесщитковые мелкие бронзовые пряжки, фрагмент серебряного оконцевателя ремня, украшенный двумя поперечными врезными линиями, бронзовая листовидная подвеска с плоской стеклянной вставкой, фрагмент бронзового браслета круглого сечения и фрагмент браслета с расширяющимися концами также из бронзы, бронзовый литой нательный крест с расширяющимися концами с отверстием для подвешивания, два фрагмента бронзовых подвесок. Бусы представлены: семью простыми янтарными, одной янтарной круглой плоской, пастовой глазчатой, круглой гагатовой и кубической синего стекла. Пара золотых серег типа «Суук-Су» с гранатовыми вставками, серебряные кольца для подвешивания не

сохранились. Особый интерес представляет сердоликовая гемма с изображением, которое первоначально было определено как Эрот в виде крылатой фигуры в полный рост в короткой тунике, повернутой влево и держащей в руке перед собою венок (?) [Герцен, 2001, с. 11-12] (Вклейка 1, Рис. 1, 1). Инталия была оправлена в серебряную жуковину очень плохой сохранности и, вероятно, составляла часть перстня. Артефактами, наиболее узко датируемыми комплекс, являются многогранники серег, относящиеся ко второй половине VI — первой четверти VII в. В дальнейшем поиск аналогий привел к изменению атрибуции изображения на гемме. В парижском музее Библии и Святой Земли хранится аналогичная гемма, происходящая из сиро-палестинского региона, датированная в широком диапазоне: V — VII вв., на которой просматриваются элементы изображения, присущие и нашей гемме. Ее сюжет определяется как Херувим с огненным мечом, поставленный Господом, согласно тексту Бытия, у ворот Эдема после изгнания оттуда Адама и Евы. Это характерная прическа в виде «шиньона», стилизованное изображение зигзагообразной линией огненного меча, общая поза фигуры в выпрямленном состоянии, но с передачей шагающего движения влево. Как известно поклонение ангелам в IV — V вв. получило широкое распространение в Юго-Западной части Малой Азии, во Фригии. Сирии и Палестине.

Находка геммы в Алмалыкском могильнике, возможно, позволяет подтвердить сведения агиографических источников об активном участии в христианизации Юго-Западной Таврики миссионеров, направляемых в Херсонес из Иерусалима [Виноградов, 2010, с. 155-156]. В церковной архитектуре раннесредневековой Таврики давно уже отмечалось доминирование храмов базиликальной конструкции, характерных именно для сиро-палестинского региона [Якобсон, 1959, с. 361].

В связи с нашей геммой хотелось бы обратить внимание на один анахронический артефакт в комплексе «Гладосского сокровища», этнокультурная принадлежность которого остается предметом дискуссии. В Гладоссах (Кировоградская обл.) на склоне берега реки Сухой Ташлык в 1961 г. при случайных обстоятельствах была обнаружена яма диаметром 1 м и глубиной 0,7 м. В ней, по словам находчиков, лежали две кучки пережженных костей. Над одной из них были сложены детали сбруи двух коней (двое удила, три стремени, золотые сбруйные бляхи), а рядом с другой — золотые серьги, три ожерелья с византийскими медальонами, браслеты, перстни, меч и кинжал с золотыми ножнами, копье, обломки четырех серебряных сасанидских

сосудов. По конструкции и обряду захоронения аналогично описанным в китайских хрониках погребально-культурным комплексам тюрков-тупо. Наиболее ранним элементом комплекса являлась античная агатовая гемма с изображением Эрота (Вклейка 1, Рис. 1, 2). В целом же комплекс датируется концом VII — началом VIII в. [Сміленко, 1965, с. 37]. Наличие в этом собрании предметов явно христианского происхождения, резко контрастирующих с этой инталией, позволяет осторожно высказать предположение, что она могла толковаться как изображение ангела, по ряду признаков весьма напоминавшего тип Херувима и, соответственно, переосмысленного как своеобразный апотропей.

Библиография

1. *Виноградов А. Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия...». М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 208 с.
2. *Герцен А. Г.* Раннехристианские памятники из некрополей Мангуна // Культура и искусство христиан-негреков. Тезисы докладов научной конференции памяти А. В. Банк. СПб., Изд-во Гос.Эрмитажа, 2001. С.11-12.
3. *Сміленко А. Т.* Глодоськи скарби. Київ: Наукова думка. 1965. С. 37.
4. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. МИА, №63. М.-Л. 1959, С.361.

Н. Д. Денисенко

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Неизданная рукопись А. А. Васильева¹

Монография Александра Александровича Васильева «Готы в Крыму» вышла в трех частях в Советской России в 1921 и 1927 гг. на русском языке [Васильев, 1921, с. 265-334; Васильев, 1927, с. 179-282] и была дополнена и переиздана в США в 1936 г. на английском [Vasiliev, 1936]. А. А. Васильев рассматривал историю готов как фундамент для описания истории Крыма в византийский период, поэтому его исследование стало одним из самых основательных трудов на эту тему. В том числе автор уделил пристальное внимание изучению и церковных вопросов.

В предисловии к изданию 1936 г. «The Goths in the Crimea» автор сообщает о том, что он обращался в издательство с просьбой о высылке ему рукописи 4-й части, но ему было отказано [Vasiliev 1936, с. vii]. Это говорит о том, что первые три части, изданные в России, легли в основу американской работы почти полностью, а вот четвертую часть, содержащую информацию об истории княжества Феодоро и церковной жизни готов в эту эпоху автору пришлось воспроизводить по памяти. Рукопись же была передана в архив ГАИМК, где Николаю Ивановичу Репникову, хорошо знакомому с А. А. Васильевым, удалось ее скопировать, вероятно из опасения за дальнейшую судьбу этой работы. Именно эта копия, без указания авторства, попала в мемориальный фонд Н. И. Репникова, сформированный после его смерти 25 декабря 1940 г. Долгое время по этой причине, многие исследователи считали эту копию частью рукописи неизданной работы Н. И. Репникова, посвященной истории крымских готов. Только в 1974 г. А. Г. Герцен установил действительное авторство этой работы и определил ее как заключительную часть «Готов в Крыму» А. А. Васильева [Герцен, 1979, с. 191].

Рукопись отличается от издания 1936 г. логикой повествования, приводимыми аргументами и даже теоретическими построениями. В

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ №20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

качестве примера можно привести вторую подглаву последней главы «The Goths in the Crimea» 1936 г., которая носит название «Церковная жизнь в Готии от Тринадцатого до конца Восемнадцатого веков» («Church life in Gothia from the Thirteenth to the end of Eighteenth century»). Она лишь частично соответствует предпоследней главе черновиков «Церковные отношения в Готии с конца XIII века по конец XV века».

При первом сравнении текстов обращает на себя внимание довольно краткое изложение истории готской церкви в издании 1936 г. Скорее всего, это произошло по причине того, что исследователь попытался охватить максимально широкий период, тогда как в черновиках он сосредоточился на периоде до падения княжества Феодоро. Ссылаясь на один и тот же источник, в издании 1936 г. А. А. Васильев констатирует факт, что в конце XIII в. архиепископ Арсений Готский был повышен до ранга митрополита и сразу переходит к истории церкви в XIV в. В черновиках этот пассаж описан следующим образом: «После этого встречается еще одно имя греческого иерарха Готии Арсения, который, однако, не может быть отнесен точно, но лишь с некоторой вероятностью к XIII веку, если вообще таковой иерарх существовал. Дело в том, что единственный источник об Арсении Леклен, автор «Христианского Востока», написал в своем перечне готских иерархов по поводу Арсения следующее: «После этого времени (т.е. после имен XII века), как я нахожу в своих заметках, во главе церкви Готии стоял Арсений, но откуда я это сведение получил, это не знаю каким-образом, ушло из моей памяти». Конечно, подобное сведение может вызвать сомнение; поэтому Арсений, большей частью к определенному столетию и не приурочивается. Не знаю, на каком основании Ю. А. Кулаковский не только относит Арсения к XIII веку, но и утверждает, что при нем готская архиепископия была возвышена в ранг митрополии. В известных мне до сих пор источниках я упоминаний об Арсении Готском не встречал» [Репников, с. 223].

Углубляясь в работу, можно обратить внимание на множество других деталей: в издании 1936 г. А. А. Васильев лишь приводит имена митрополитов XIII-XVII вв. и изредка подмечает интересные особенности, связанные с их именами в истории Готской епархии, в то время как в черновиках довольно подробно останавливается на каждом из них. Например, говоря о том, что в 1587 г. митрополитом был Константин, он даёт развернутую оценку надписи об основании церкви, обнаруженной П. И. Кёппеном в деревне Биясала [Кёппен 1837; Репников, с. 292]. Касательно смены митрополитов в 1652 г. А. А. Васильев

делает интересные выводы об их причинах и о роли «мусульманской церкви» в этих процессах, а конкретнее — о выплатах, которые Готская епархия должна была производить в её пользу, ссылаясь на Гермогена [Репников, с. 295]. Куда более подробно описаны последние годы существования Готской епархии при митрополите Игнатии, а его политическим решениям дан исторический анализ [Репников, с. 297].

Кроме вышеприведенных примеров, архивная копия черновиков А. А. Васильева содержит еще множество размышлений и умозаключений, касающихся церковной истории княжества Феодоро. Они не являются сенсационными и не совершают открытий в исследовании данного вопроса, однако содержат выводы, которые стоит учитывать при проведении крупных исследований по теме истории Готской епархии. Ссылаясь на А. А. Васильева, необходимо владеть его позицией в полноценном виде, что, к сожалению, не может предоставить монография «The Goths in the Crimea» 1936 г., ввиду сокращения масштаба самой работы, упрощения содержательной части, а также изменения отношения автора к целому ряду вопросов по данной теме. Таким образом, можно считать, что архивные копии рукописей А. А. Васильева «Готы в Крыму» являются важным историографическим источником, в том числе и в вопросах изучения истории христианства в средневековом Крыму.

Библиография

1. Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 1 // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 265-344.
2. Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 2-3 // ИГАИМК. 1927. Т. 5, вып. 71. С. 179-282.
3. Репников Н. И. IV. Княжество Феодоро и падение Готии. Научный архив ИИМК РАН. Ф.10. №4.
4. Герцен А. Г. О двух рукописях сочинения А.А. Васильева в Архиве ЛОИА АН СССР // Византийский временник. М: Наука, 1979. Т. 40. С.191-192
5. Кёптен П. И. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Изд-во Имп. Акад. Наук, 1837. 409 с.
6. Vasiliev A. The Goths in The Crimea. Cambridge: The Academy, 1936. 292 p.

Н. В. Жилина

Институт археологии РАН (Москва, Россия)

Классификация византийского растительного орнамента

К настоящему времени преимущественно изучена византийская орнаментация миниатюр рукописей и монументального искусства. Наиболее общей является классификация орнамента рукописей А. Франц [Frantz, 1934]. Обширный орнаментальный материал декоративно-прикладного искусства востребован для изучения в меньшей мере.

Орнаменты получили различные названия, не отражающие в полной мере содержание орнаментальных явлений. В большинстве работ не дается определений орнаментальных мотивов и обоснований для их применения. История важных для византийского искусства орнаментов на основе мотивов виноградной лозы и крина менее всего подвергалась систематическому изучению.

Растительный орнамент — формальный вид орнамента из растительных мотивов; его подразделение на типы целесообразно в соответствии с конкретными мотивами. Названия типов, связанные с восприятием орнамента или отражающие другие его качества, вряд ли логичны. Композиции (структура или расположение мотивов и элементов) отражают этапы и закономерности формального развития орнамента. Для различных типов они во многом совпадают, но для каждого типа могут быть выделены наиболее характерные композиции. Варианты орнамента в рамках типа выделяются по составу из мотивов или элементов, или их частей. Эти формальные характеристики отражают иконографию орнамента.

Характеристика стилистического развития не входит в формальную типологию, это другая сфера измерения и отдельная сфера изучения. Сходные стилистические варианты или этапы могут соответствовать примерам из разных типологических подразделений. Для полной характеристики орнамента перспективно рассмотрение его стилистических тенденций на фоне типологической классификации.

1. Тип «виноградная лоза» — орнамент, использующий мотивы и элементы растения виноградная лоза: многочастный лист, виноградную гроздь.

Этот тип практически не оказался выделенным в предшествующей научной литературе, упоминается крайне единично по поводу конкретных произведений. Тем не менее, обращено внимание на его многовариантность [Frantz, p. 60; Weitzmann, 1935, s. 4, fbb. 15].

Можно выделить композиции: свободную, не связанную жесткими ритмом и симметрией (показ виноградного растения, свисающих гроздей; птиц, клюющих виноград; людей, его собирающих); одиночную; парную с симметрией относительно вертикальной оси (мотивы лоз и птиц по сторонам чаши или растения; крест, проросший лозой); витковую (вьющийся побег).

Обилен по составу вариант так называемой «населенной лозы», включающий множество мотивов помимо растительных, передающих мифологический, предметный и природный мир [Залесская, 2006, с. 51, 52, № 2]. Постепенно количество составляющих убывает, существуют варианты с передачей: виноградного листа и грозди; только виноградного листа или только грозди; листа упрощенной структуры; листа другой формы.

2. Тип «пальметта» или пальметтообразный орнамент — построен на основе веерообразного или полукруглого листа, состоящего из мелких листьев. Основные композиции: а) свободная (передача пальмового растения); б) одиночная в) парная в) розеткообразная; г) бордюрная; д) витковая. Варианты выделяются по использованию: многочастной пальметты; пальметты из минимального количества листьев; разделенной пальметты с симметричным расположением листьев (разорванная или «крылатая» пальметта) [Riegl, 1893, s. 283–286, fig. 145, 148; Frantz, 1934, p. 63; Банк, 1971, с. 137, 138; 1978, рис. 24]; различных видов пальметт; пальметты и аканта.

3. Тип «акант» или акантовый орнамент построен на основе удлиненного листа с древовидным строением, с отходящими от центрального ствола меньшими листьями. Можно выделить композиции: свободную; парную, розеткообразную, витковую; варианты с использованием: многочастного аканта; аканта из меньшего количества листьев.

4. Тип «крин» (лилия) или кринообразный орнамент строится на основе мотива из трех-пяти заостренных листьев или лепестков с более высоким и острым центральным, очерченных симметрично изгибающимися кривыми.

Несмотря на характеристику мотива крина как универсального растительного и обладающего четкой мобильной структурой [Кондаков, 1896. С. 206–208], кринообразный орнамент не оказался должным образом выделен. Ему особенно «не повезло» и с используемыми по его поводу терминами. Кринообразный орнамент смешивается с пальметтообразным и с орнаментом типа «виноградная лоза» [Frantz, 1934, p. 60, tabl. XIII, 2, 4, 19; Weitzmann, 1935, s. 7, 17, 18, 39, abb. 31, 271–273]. Поскольку при восприятии орнамента рукописных миниатюр по-разному зрительно воспринимается декоративная форма написанных элементов (позитив) и промежутков между ними (негатив), такой орнамент получил название «лобзиковый», то есть «выпиленный» [Weitzmann, 1935, s. 17, 18, abb. 132, 133]. Это название используется и в современной научной литературе [Парпулов, 2013, с. 89]. Подобный термин абсолютно не характеризует формальную сторону орнамента, поэтому следует признать его неудачным. Наиболее простой бордюры из завитков называют «бегунок» [Макарова, 1978, с. 370–378.]. Используется и термин «усиковый», отражающий композиционное развитие орнамента [Frantz, 1934, p. 60].

Основной композицией кринообразного орнамента становится витковая. Для характеристики ее вариантов может быть использована часть классификации А. Франц, посвященная завитковому орнаменту [Frantz, 1934, p. 60]. Но для кринообразного орнамента также могут быть выделены композиции: свободная, одиночная, парная, розеткообразная. Обладая стандартностью крин подвергается делению на части, умножению. Варианты орнамента могут быть выделены на основе: пятилистного, трилистного крина; полукрина; парного крина, розетки из кринов.

5. Тип «византийский цветок» строится на основании мотива пропорционально-широкого многолепесткового цветка или многочастного листа (можно назвать также широколистный или широколепестковый орнамент) (Вклейка 2, Рис. 1).

Известный с середины X в. орнамент снискал наибольшее разнообразие названий: лепестковый, цветочный, арабесковидный, эмальерный [Weitzmann, 1935, s. 17, 18, 21, abb. 109, 112, 145, 160; Банк, 1971; Панкова, 2004, с. 185, 186; Парпулов, 2013, с. 91]. Данные термины недостаточны, так как либо характеризуют основной мотив одностронне: просто как цветок с наличием лепестков; либо не характеризуют его, адресуясь к различным сторонам орнамента: композиции, красочности. А. Франц называет основной мотив «сасанидской пальметтой», не решая определенно вопроса о восточном происхожде-

нии; но в дальнейшем такое представление устоялось (Frantz, 1934, p. 55–58; Weitzmann, s. 10, 17, 18, 21, 22, abb. 47, 91, 109, 112, 145, 160; Лазарев, 1966, с. 75; Банк, 1971, с. 131–141). Возник и термин «византийский цветок» [Мокрецова и др., 2003, с. 55, ил. XIV/9, 10]. Иногда его смешивают с трилистником. [Лазарев, 1974, с. 205, 208–210].

При последовательном употреблении термин «византийский цветок» удачен. Он отражает развитие в Византии декоративно сложившегося пропорционально широкого растительного мотива, слившего в себе элементы других, также широких растительных мотивов, ранее известных в византийском орнаменте или привнесенных (пальметты, лотоса, виноградного листа, пятилепесткового крина, завитка) [Банк, 1978, с. 27–29, 35; Орлова, 2007а, с. 331–338; 2007б, с. 541–543] (Вклейка 2, Рис. 1).

С данным типом орнамента связана в основной бордюрная композиция и ее разновидности: симметрично-раздвоенный прямой стебель, витковый. В бордюрах используются круглые и сердцевидные раппорты, реже — треугольные и прямоугольные (ромбические) (Вклейка 3, Рис. 2). Характерно и одиночное использование мотива, поскольку его яркость и величина хороши для постановки акцента, выделения. Варианты орнамента возможно выделять по форме и структуре основного мотива: виноградный лист (Вклейка 2, Рис. 1, 1), сложный крин (Вклейка 2, Рис. 1, 2,4), пальметтообразный (Вклейка 2, Рис. 1, 3), лотосовидный (Вклейка 2, Рис. 1, 5). Поскольку мотив также подвержен дроблению, варианты могут быть выделены и по этому принципу: например, состоящий из четырехчастных розеток из лепестков (Вклейка 4, Рис. 3, 2,3), розеток из мотивов (Вклейка 4, Рис. 3, 4). Структура одиночных цветков усложняется (Вклейка 4, Рис. 3, 1,5).

В работе намечены принципы подхода к классификации византийского растительного орнамента, в деталях она должна уточняться в соответствии с подробным анализом конкретного материала различных видов искусства.

Библиография

1. Банк А. В. Опыт классификации византийских серебряных изделий X–XII вв. // Византийский временник. Т. 32. 1971. С. 131–141. Рис. 1–14.
2. Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX — XII вв. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. 312 с.
3. Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. 272 с.

4. Кондаков Н. П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Том первый. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1896. 214 с. Табл.

5. Лазарев В. Н. Михайловские мозаики. М.: Искусство, 1966. 272 с.

6. Лихачева В. Д. Византийская миниатюра. Памятники византийской миниатюры IX–XV веков в собраниях Советского Союза. М.: Искусство, 1977. 22 с. Табл.

7. Макарова Т. И. Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси // Древняя Русь и славяне. Ред. Т. В. Николаева. М., 1978. С. 370–378.

8. Мокрецова И. П., Наумова М. М., Киреева В. Н., Добрынина Э. Н., Фонкич Б. Л. Материалы и техника византийской рукописной книги (по реставрационной документации осударственного научно-исследовательского института реставрации). М.: Индрик, 2003.

9. Орлова М. А. Орнамент в живописи конца X — середины XI века // История русского искусства. В 22 томах. Т. 1. Искусство Киевской Руси IX — первая четверть XII века. Отв. ред. А. И. Комеч. М., 2007а. С. 331–338;

10. Орлова М. А. Орнамент в живописи второй половины XI — первой четверти XII века. // Там же. 2007б. С. 541–543.

11. Панкова М. М. Эмальерный стиль византийского орнамента греческих рукописей X–XIV вв. // Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь / Отв. ред. Э.Н. Добрынина. СПб, 2004.

12. Парпулов Г. Р. Зарождение византийского лепесткового орнамента // Путем орнамента: Исследования по искусству Византийского мира: Сборник статей / Сост. и от вред. А. Л. Саминский. М.: МАКС Пресс, 2013. 240 с. — общее. Статья С. 88–95.

13. Frantz A. Byzantine Illuminated ornament. A Study in Chronology // Art Bulletin. 1934. Vol. XVI/1.

14. Riegl A. Stilfragen. Grundlegungen zu einer Geschichte der Ornamentik. Berlin: Verlag von Georg Siemens. 1893. 346 s.

15. Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Berlin: Archäologisches Institut des Deutschen Reiches, Abteilung Istanbul, Verlag Gebr. Mann. 1935. S. 4. Abb. 15.

А. Н. Журов

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Россия)

«Черная археология»: юридическая квалификация и проблемы противодействия

Незаконные поиск и изъятие археологических предметов из мест залегания, получившее в просторечье романтическое название «черная археология», является существенной и актуальной проблемой в сфере сохранения историко-культурного наследия нашего Отечества. Осуществление грабительских раскопок на археологических памятниках с целью добычи предметов, представляющих определенную материальную ценность, зачастую приводит к повреждению или уничтожению всей сопутствующей этим артефактам научной информации, обедняет наши представления о прошлом. Однако данная проблема возникла отнюдь не вчера. Можно сказать, что еще власти Древнего Египта были серьезно озабочены проблемой противодействия расхитителям гробниц. А многочисленные скифские курганы, содержащие значительные исторические и художественные ценности, в основной своей массе подвергались разграблению еще в древности.

Отечественное государство сталкивалось с этой проблемой неоднократно. К началу XX века был накоплен определенный положительный опыт борьбы с незаконными раскопками археологических памятников в Российской империи. И залогом успеха в этой деятельности было взаимодействие Императорской археологической комиссии и Министерства внутренних дел Российской империи, которое по инициативе ИАК нацеливала местную полицию на борьбу с так называемыми «бугровщиками» и другими желавшими поживиться за счет незаконной добычи археологических ценностей.

Наиболее проблематичными в плане распространения незаконных археологических изысканий для нашей страны были 90-е гг. XX в. Острый экономический и социальный кризис, ослабление и распад единого государства стали катализатором расцвета грабительских, браконьерских раскопок практически повсеместно. В антикварных магазинах и многочисленных рыночных «развалах» появилось множество

археологических предметов, имеющих большую историческую значимость. Незаконная продажа археологических артефактов стала достаточно прибыльным бизнесом. Все это привело к разграблению многих археологических памятников, которые к этому периоду еще оставались целыми. Казалось бы, государство имело правовую основу противодействия такому хищническому отношению к культурному наследию. Действовали Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях, 2 июля 1991 г. был принят закон «Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры». Однако, правоприменительная практика существенно отставала от развития законодательства в данной сфере, что неоднократно отмечалось исследователями [Михайлова, 1999, с. 195]. Вплоть до последнего времени можно было констатировать практически полное отсутствие прецедентов в судебной практике в отношении «черных археологов». Уголовные дела по фактам разграбления археологических объектов заводились крайне редко. Зачастую, застигнутые на месте совершения правонарушения, отделялись лишь конфискацией инвентаря и небольшими штрафами. Большинство дел закрывалось в связи с отсутствием выявленных следствием подозреваемых. С законодательной точки зрения, важной вехой в усилении противодействия «черной археологии» стало принятие Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» [О внесении изменений..., 2013], которым российское государство усилило уголовно-правовые методы противодействия незаконному поиску и (или) изъятию археологических предметов из мест залегания. Соответствующие дополнения были внесены в Уголовный кодекс Российской Федерации. С момента принятия данного нормативного правового акта сформировалась и определенная практика применения новых норм. Все чаще лиц, виновных в совершении подобных противоправных деяний привлекают к ответственности.

Однако, анализ расследованных уголовных дел и имеющейся судебной практики последних лет показывает наличие определенных проблем в юридической квалификации и практическом противодействии «черной археологии». Во-первых, изменение политики государства в данной сфере меняет и сам характер деятельности «черных копателей». Они переориентируются на поиск и разграбление археологических объектов еще не взятых на государственный учет. Многие нелегальные раскопки проводятся в труднодоступной, удаленной

от населенных пунктов местности, что затрудняет их обнаружение и расследование. Во-вторых, «профессиональные черные археологи» неплохо технически оснащены. Сейчас в их арсенале имеются не только металлоискатели и лопаты, но и мощный транспорт повышенной проходимости, специальная землеройная техника, современные средства связи, оружие. Зачастую они лучше оснащены и вооружены не только официальных археологических экспедиций, но и местных правоохранителей, которые призваны с ними бороться. В-третьих, имеются проблемы с четкой квалификацией данной категории преступных деяний. Ряд исследователей указывают, что нормы статьи 243.2 УК РФ «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания», являются бланкетными «и включают в себя множество неоднозначно толкуемых терминов» [Баграмян, 2016, с. 63]. Такие неясные дефиниции мешают правильной квалификации деяния, вносят определенной сумбур в правоохранительную практику. Зачастую такие разночтения приводят к отказам в возбуждении уголовных дел в отношении незаконных археологических раскопок или переквалификации их в административное правонарушение. В-четвертых, имеются и проблемы с организацией деятельности и наличием необходимых знаний и навыков у сотрудников местных подразделений полиции, которые расследуют данные деяния. В Российской Федерации отсутствуют специализированные подразделения полиции по противодействию преступным посягательствам на объекты историко-культурного наследия, как это имеется в ряде стран, например в Израиле, Египте и ряде других. Квалификации действующих российских полицейских порою просто не хватает на грамотное расследование этой специфической категории дел.

Все эти проблемы актуальны и ждут своего разрешения.

Библиография

1. Баграмян С. Л. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны и расследования незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания / Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2(32).
2. Михайлова Н. В. Культурно-историческое наследие России: проблемы охраны. (Монография). М., изд-во ЮИ МВД РФ, 1999.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ (ред. от 22 окт. 2014 г.) // Российская газета 2013. 26 июля.

И. А. Завадская

*Научно-исследовательский центр Истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)*

О планировочной структуре и методах проектирования Эски-Керменской базилики¹

Базилика, построенная на плато Эски-Кермен в конце VI в. одновременно с византийской крепостью, оставалась кафедральным храмом на протяжении всей истории возникшего там средневекового города, разрушенного в конце XIII в. [Айбабин, 2014, с. 241-250]. Ее руины, которые видел уже Мартин Броневский в 1578 г., были раскопаны в 1930 г. Ф. И. Шмитом (Рис. 1) и доследованы в 1979-1980 гг. Е. А. Паршиной [Паршина, 1988; Лосицкий, Паршина, 2002].

Уникальность Эски-Керменской церкви, сочетающей в себе план простой трехнефной раннехристианской базилики и алтарь с тремя многогранными апсидами, характерный для средневизантийских крестовокупольных храмов, не сразу получила адекватное объяснение. Первый исследователь базилики Ф. И. Шмит считал это сочетание изначальным и, не находя ему параллелей в Крыму и в византийской столице, искал «родину эски-керменской базилики» в далекой области Коммагена, расположенной между Каппадокией и Сирией [Шмит, 1932, с. 224-240]. А. Л. Якобсон, показав неоправданную гипотетичность этой теории, ближайшие аналогии общей композиции и технике кладки здания видел, прежде всего, в ранневизантийских базиликах Херсонеса, признавая, тем не менее, единственную отличительную черту Эски-Керменской базилики — ее трехапсидность [Якобсон, 1940, с. 217-218]. И только доследования 1979-1980 гг. позволили Е. А. Паршиной и Ю. Г. Лосицкому сделать обоснованный вывод о более позднем происхождении восточной части базилики с многогранными апсидами и сопоставить их с трехчастными алтарями крестовокупольных храмов XI-XII вв. [Паршина, 1988, с. 50; Лосицкий, Паршина, 2002, с. 108].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время»)

Таким образом кардинальная перестройка восточной части базилики изменила ее первоначальный облик, реконструкция которого существенно затруднена. Однако, как отмечал А. Л. Якобсон, а впоследствии Е. А. Паршина и Ю. Г. Лосицкий, Эски-Керменская базилика принадлежит тому же архитектурно-планировочному типу, что и базилики Херсонеса. Она также имела три нефа, разделенные двумя колоннадами, один нартекс и была перекрыта деревянными стропилами, что подтверждает соотношение толщины стен и пролетов нефов [Лосицкий, Паршина, 2002, с. 112]. Скорее всего, также, как и херсонесские аналоги, Эски-Керменская базилика изначально была построена с одной выступающей апсидой, которая снаружи могла быть полукруглой или гранной.

Типологическое сходство базилик Херсонеса и Эски-Кермена свидетельствует и об общих принципах их проектирования. Однако способы выявления этих принципов могут быть разными. Так, Ю. Г. Лосицкий при изучении планировочной структуры, а также для реконструкции крымских базилик и других храмов применил модульную систему, согласно которой все параметры здания должны быть кратны базовой величине — модулю. По мнению исследователя, для крымских храмов модуль был равен толщине их стен [Лосицкий, 1990; 1991]. Для Эски-Керменской базилики он определил модуль в 62,5 см (2 греческих фута), в соответствии с толщиной ее стен (62-64 см) [Лосицкий, Паршина, 2002, с. 112-113]. Этот модуль значительно меньше модуля херсонесских базилик, который исследователь определяет в 91-94 см (3 греческих фута). Разница объясняется значительно меньшими размерами Эски-Керменской базилики по сравнению с херсонесскими (ее длина равна примерно 24,0 м, а ширина — 13,0-13,5 м) [там же, с. 104, 112]. Толщина стены, безусловно, была очень важна при проектировании сооружения. Однако ее использование в качестве основного модуля для определения размеров всех частей здания вряд ли было удобным. Модуль столь малого размера, вероятно, было сложно использовать при вычислении сравнительно больших величин, например, таких, как общая длина сооружения.

При проектировании Эски-Керменской базилики, также, как и херсонесских базилик, скорее всего, могли использовать систему числовых пропорций, которую определил архитектор и историк архитектуры Ханс Бухвальд [Buchwald, 2012; Buchwald, Zavadskaia, 2013; Завадская, 2019]. Числовые пропорции состоят из отношений целых чисел, выражающих соотношение разных величин базилики или ее частей. Они могут применяться независимо от бытующей системы

измерения с помощью простых измерительных приспособлений, таких, как веревка или рейка, и элементарной арифметики.

Наос (три нефа) и нартекс Эски-Керменской базилики, составляющие основную часть ее плана, скорее всего, сохранили свои первоначальные размеры и пропорции (Рис. 1, 1). Как отмечал Ф. И. Шмит, зала (наос) базилики имела «вид довольно правильного квадрата» (12x12 м) [Шмит, 1932, с. 216]. Согласно опубликованному им плану [там же, рис. 56], наос имел пропорцию 1:1 (o.c./cl.)², т.е. его ширина и длина были практически равны. Такое же соотношение имели четыре херсонесские базилики с укороченными пропорциями (3-й вариант пропорциональной системы) [Завадская, 2019, с. 152-154, табл. 2]. Наос и центральная апсида вместе, также, как и наос и нартекс вместе имели соотношение 2:3 (cl./o.c.). Такая же пропорция характерна для херсонесских базилик со средними пропорциями (2-й вариант). В Эски-Керменской базилике эта пропорция объясняется сравнительно широким нартексом, соотношение ширины и длины которого равно 1:3 (o.c.). Ширина нартекса Эски-Керменской базилики сопоставима с длиной ее центральной апсиды — 1:1 (ext./o.c.). В большинстве херсонесских базилик пропорция нартекса — 1:4 и только в Восточной базилике — 1:3 (o.c./cl.). Такая же пропорция была у нартексов в базиликах на Мангупе и в Партените [Buchwald, Zavadskaia, 2013, p. 25-26]. Центральный неф и апсида вместе составляли пропорцию 1:3 (ext./o.c.) (Рис. 1, 2). Такая же пропорция характерна и для Западной базилики в Херсонесе. Следовательно, пропорции Эски-Керменской базилики вместе с поздней центральной апсидой соответствуют аналогичным пропорциям некоторых базилик Херсонеса. Это дает основание предполагать, что данная апсида могла быть построена с учетом размеров более ранней апсиды, возможно, на ее фундаменте.

Таким образом числовые пропорции Эски-Керменской базилики вполне сопоставимы с такими же пропорциями некоторых базилик Херсонеса и Юго-Западного Крыма. Однако абсолютно точных аналогий с полным совпадением всех пропорций в других крымских базиликах нет, что может свидетельствовать об индивидуальном подходе к проектированию каждого конкретного здания,

² Сокращения в круглых скобках, введенные Х. Бухвальдом, уточняют способ вычисления пропорции: (cl.) — от внутренней поверхности стены или колонны, т.е. ясное, четкое (clear) измерение, (ext.) — от внешней (exterior) поверхности стены или колонны; (o.c.) — от середины (on centers) стен или колонн (Buchwald, Zavadskaia, 2013, p. 15; Завадская, 2019, с. 140).

при котором числовые пропорции применялись с учетом местных условий и потребностей.

Библиография

1. *Айбабин А. И.* Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240-277.
2. *Завадская И. А.* Числовые пропорции ранневизантийских базилик Херсонеса // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 135-159.
3. *Лосицкий Ю. Г.* До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. 1990. № 2. С. 33-46.
4. *Лосицкий Ю. Г.* Про візантійські базилики Херсонеса // Археологія. 1991. № 2. С. 83-97.
5. *Лосицкий Ю. Г., Паршина Е. А.* Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. К., 2002. С. 99-113.
6. *Паршина Е. А.* Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988. С. 36-59.
7. *Шмит Ф. И.* Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. Готский сборник. 1932. Т. XII. С. 213-253.
8. *Якобсон А. Л.* Из истории средневековой архитектуры в Крыму // СА. 1940. VI. С. 205-226.
9. *Buchwald H.* Christian Basilicas, Proportions, Pythagoras and Vitruvius // SYMMEIKTA: Collection of Papers in Honour of the Fortieth Anniversary of the Institute of Art History of the Faculty of Philosophy, University of Belgrade / Ed. I. Stevovic. Beograd: Filozofski fakultet, 2012. P. 1-26.
10. *Buchwald H., Zavadskaya I.* Early Christian Basilicas in Crimea and their Numeric Proportions // МАИЭТ. — Симферополь; Керчь, 2013. — Вып. XVIII. — С. 14-48.

*Рис. 1. Эски-Керменская базилика после раскопок 1930 г.
1 — общий вид с запада; 2 — центральный неф и апсида, вид
с северо-запада [по Шмит, 1932, с. 218, 220, рис. 58; 61]*

А. А. Зедгенидзе

*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)*

Вклад митрополита Евгения (Болховитинова) в исследование Херсонеса Таврического

Доклад посвящен вкладу в исследование Херсонеса Таврического известного православного церковного деятеля, историка, митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова Евфимия Алексеевича, 1767–1837). Мы вновь обращаемся к вкладу митрополита Евгения в исследование Херсонеса, так как его работа весьма важна для историографии хоры Херсонеса, пользующейся в настоящее время международным вниманием и интересом.

Митрополит Евгений был действительным членом императорской Российской академии, почетным членом всех российских университетов и многочисленных ученых обществ; см. [Сперанский, 1885; Шмурло, 1888а, 1888b; Э.П.Р, 2013, с. 63–68; Зедгенидзе, 2015, с. 58–68]. О его трудах ярко сказано профессором Киевской духовной академии Я. К. Амфитеатовым: «Где только совершал он пастырское служение, везде, среди трудных занятий делами епархиальными, он стремился оживить память времен минувших, выбирал такие предметы, старался пролить на них свет, извлекал из забвения, все готовил для того, чтобы другим облегчить в последствии путь к разысканиям и созданию отечественной истории» [Шмурло, 1888b, с. V]. Мы вносим свою часть в изучение наследия митрополита Евгения, обращаясь к его вкладу в исследование Херсонеса.

Научная значимость Херсонеса заключается прежде всего в уникальной сохранности его сельскохозяйственной территории — хоры. Аграрная система Херсонеса являлась вплоть до 90-х гг. XX века наиболее полно сохранившейся в ареале расселения древних греков в средиземноморском и черноморском регионах. В Херсонесе мы можем исследовать не только город, но и хору; этом смысле Херсонес является археологическим эталоном, моделью греческого полиса. Хора Херсонеса включала в себя систему наделов на Гераклейском полуострове, т.е. на территории, заключенной между Севастопольской

бухтой, Херсонесским мысом и Балаклавой. На пространстве площадью около 100 км² пролегли каменные полосы, пересекавшиеся под прямыми углами и делившие полуостров на земельные участки. Разобраться в этой системе можно было путем нанесения ее элементов на карты и планы. Понимание этой сети сооружений как определенным образом организованной сельскохозяйственной территории херсонесского полиса возникла не сразу, ее интерпретация продолжается до настоящего времени [Зубарь 2007; Зедгенидзе 2019]. Важной составляющей ее изучения является фиксация на карте или плане.

Честь сохранения и первой публикации ценного научного источника — крупномасштабной археолого-топографической карты Херсонеса и его округи принадлежит митрополиту Евгению. Карта с сопровождающей статьей была им опубликована в «Отечественных записках» в 1822 г. и переиздана в «Трудах и летописях Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете» [Е. (Болховитинов Е.А.) 1822, с. 145-163; 1828, с. 102-115]. Название карты: «План развалинам древнего Херсона. Сочинен 1786» (Рис. 1). Митрополит Евгений получил карту от К. И. Габлица, одного из первопроходцев в исследовании древних памятников Крыма. В исполнении карты видна рука высококвалифицированного топографа, работа которого проверялась в XX в.; была отмечена точность фиксации основной планировочной схемы на карте.

История создания карты — яркая, но малоизвестная страница истории культуры России. В рассматриваемую эпоху фиксация и изучение древних памятников в Крыму было целенаправленной политикой правительства Екатерины II. В 1786 г. выполняется топографическая съемка Гераклеяского полуострова и создаются его крупномасштабные карты, явившиеся первыми в Европе археолого-топографическими картами высокой степени точности. Эти карты являются прекрасными образцами научной документации.

К. И. Габлиц называл разделительные линии на Гераклеяском полуострове улицами. Митрополит Евгений отходит от положения о городе, занимавшем весь Гераклеяский полуостров (что считалось ошибкой Габлица), и высказывает предположение об одном из назначений разделительных стен — ирригационном. Существенно, что на карте впервые были зафиксированы не только город («крепость» по К. И. Габлицу), окруженный оборонительными стенами, но и его округа с геометрическим принципом разделения земли. Вследствие названия карты — «План развалинам древнего Херсона» — в историографии возникло представление, что Херсонес на ней занимал весь Гераклея-

ский полуостров. Однако размежевание Гераклейского полуострова, показанное на картах XVIII в., не распространяется на территорию самого Херсонесского городища. Под названием «Херсон» можно было подразумевать не только город, но и прилегающую территорию, которой он владел, то, что теперь мы называем городом и хорой. Единым названием «Херсон» на плане объединялся город и окружающая территория, фиксировалось то, что Херсонес владел всем Гераклейским полуостровом. Фактически была представлена межевая система территории греческого полиса. Кроме того, фиксация размежевки существенна для восстановления общего количества участков на Гераклейском полуострове. Структура размежевания земли, зафиксированная на карте, опубликованной митрополитом Евгением, поставила ряд задач будущих исследований, а именно: принципы размежевания земли в античный период, характеристика площадей размежевания, распределение участков на них, их хронология, обусловленность размежевания историческими обстоятельствами. Таким образом, изучение хоры греческих полисов было начато в Херсонесе.

О значимости работы митрополита Евгения свидетельствует, в частности, то, что спустя 131 год после публикации карты, В. Д. Блаватский со ссылкой на «Отечественные записки», но без упоминания автора статьи — митрополита Евгения — издал карту вторично, после чего она вошла в современный научный оборот [Блаватский 1953, с. 37]. Ввод фактического материала был сделан митрополитом Евгением корректно, без изложения предположений, которые могли бы увести последующих исследователей в бесцельные дискуссии.

К дате, указанной на карте, опубликованной митрополитом Евгением, — 1786 год — следует отнести начало исследования Херсонеса Таврического [Зедгенидзе 2014, с. 160]. Оно осуществлялось в плане выполнения того, что с современной точки зрения можно назвать государственным заказом, поступившим от Екатерины II и генерал-губернатора Новороссийского края князя Г. А. Потемкина-Таврического. До настоящего времени начало изучения Херсонеса связывалось с проведением раскопок на Херсонесском городище в 1827 г. К. Крузе. Это время начала археологических раскопок Херсонеса. Рассматриваемая нами дата — 1786 г. — дата начала общего исследования Херсонеса Таврического.

Библиография

1. Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
2. Зедгенидзе А. А. О начале исследования Херсонеса Таврического // Вестник древней истории. 2014. № 2. С. 151–162.
3. Зедгенидзе А. А. Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало исследования Херсонеса Таврического // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. XI. М., 2015. С. 58–68.
4. Зедгенидзе А. А. Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение укрепления на перешейке Маячного полуострова // Вестник древней истории. 2019. №3. С. 608 – 639.
5. Зубарь В. М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове. История раскопок и некоторые итоги. Киев, 2007.
6. Е. (Болховитинов Е. А.). О следах древнего греческого города Херсона, доныне видимых в Крыму // Отечественные записки. Ч. 9. Кн. 22. СПб., 1822. С. 145–163.
7. Евгений (Болховитинов Е. А.). О следах древнего греческого города Херсона, доныне видимых в Крыму // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете. Ч. IV. Кн. 1. С. 102–115. М., 1828.
8. Сперанский Д. Ученая деятельность Евгения // Русский вестник. 1885. Т. 176–177.
9. Шмурло Е.Ф. Библиографический список литературных трудов киевского митрополита Евгения Болховитинова. Вып. I. СПб., 1888а.
10. Шмурло Е.Ф. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб., 1888б.
11. Э.П.Р. 2013: Евгений // Православная энциклопедия. Т. 17. С. 63–68. М., 2013. Электронный ресурс (<http://www.pravenc.ru/text/186969.html>, 08.05.2020)

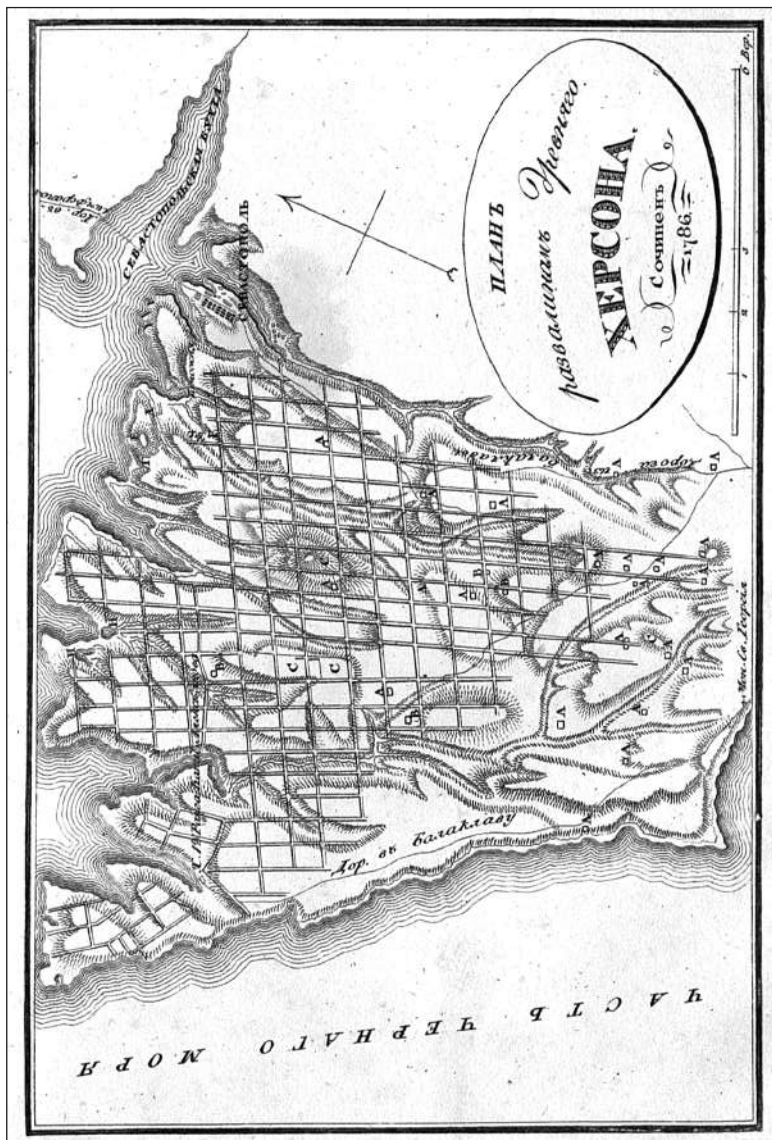

Рис. 1. План размежевания Гераклейского полуострова. 1786 г. Приводится по: Е. (Болховитинов), 1828, приложение

Д. В. Иोजица, В. В. Майко

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Фрески христианского храма у горы Килиса-Кая близ города Судак в юго-восточном Крыму (предварительные результаты анализа сюжетных росписей)

В 2016 г. при раскопках прихрамового некрополя христианского храма у подножия горы Килиса-Кая была изученная двухъярусная плитовая могила 1, пристроенная к внешнему панцирю южной стены храма в районе его юго-западного угла. Могила была двухъярусная, где каменный ящик позднего погребения располагался непосредственно на плитах перекрытия ранней могилы. Эта верхняя могила представляла собой кенотаф, перекрытие которого не сохранилось. Заполнение погребального сооружения в центральной части представляло собой плотный слой серого суглинка с многочисленными фрагментами фресковой росписи, перекрытой фрагментами черепицы-керамиды. На наш взгляд, очевидно, что, ввиду чрезвычайной ситуации, фреска была сознательно сбита со стены и виде фрагментов среднего и мелкого размера намеренно «захоронена» в могиле.

Общее число фрагментов, происходящих из могилы, составляет 1493 шт. В феврале 2020 г. был начат первый этап реставрационных работ. Перед обработкой все фрагменты стеновой росписи были переложены на специальные планшеты красочным слоем вверх, что обеспечивает его максимальную сохранность. При раскладке фрагментов происходило первичное группирование их по цветовой гамме, что позволяет более продуктивно работать. Собираются статистические данные находок. Отметим, что также имеются фрагменты стеновой росписи, непосредственно снятые со стен храма и находящиеся в данный момент на профилактической заклейке. Все фрагменты заклеены клеем ПБМА¹ марлей в один слой с двух сторон, а с лицевой (красочной) стороны дополнительно папиросной бумагой. Всего фрагментов со стен храма 11, размерами в пределах 5×57 см.

¹ Применение клея установлено в камеральных условиях.

До обработки материал стеновой росписи представлял собой хорошо заилненные, плотно закупоренные грунтом, достаточно сухие фрагменты. На сегодняшний день нами обработано 5 планшетов, состоящих из 204 фрагментов. Для чистки торцов и задника фрагментов применялись плоские щетинистые кисти, для обработки красочного слоя широкие нейлоновые кисти. Для сборки и склейки отдельных фрагментов стеновой росписи в композицию торцы каждого элемента трижды обрабатываются 5% клеем ПБМА, затем 10% клеем ПБМА [Бурий, 2019, с. 96–102].

Стеновой левкас двуслойный, состоящий из чернового (нижнего) слоя, обеспечивающий связь с кладкой стены. Сверху на него наносился чистовой (верхний) слой, служащий непосредственно носителем красочного слоя. Толщина нижнего слоя левкаса в среднем равнялась 2 мм и утолщаясь до 4–5-ти мм. Толщина верхнего слоя — 5 мм, утолщалась до 6–7 мм. В общей массе левкаса изредка визуальнo различаются мелкие включения серого цвета, размерами до 0,5 мм. Цветовая гамма левкаса от чуть палевого, грязно-бежевого до белесого. Структура средне пористая, плотная. Лицевая поверхность гладкая. Тыльная сторона неровная, повторяющая естественную рабочую поверхность стен. На некоторых фрагментах присутствуют остатки известкового раствора с вкраплением большого количества мелкого камня (фракция до 0,2 см) черного, серого цветов. Отметим, что на прямолинейную в плане поверхность левкас наносился прямо на кладку, в то время как на криволинейных поверхностях кладка дополнительно выравнивалась кладочным раствором, и лишь потом наносился левкас. Графья на стеновой росписи не прослеживаются. Техника нанесения красочного слоя послойная, в некоторых случаях пастозная имеются утраты и шелушения, трещины. Цветовая гамма росписи носит полихромный характер.

Несмотря на то, что большая часть материала находится в обработке, первый этап исследования позволил выделить несколько сюжетных групп. Отметим, что орнаментальные композиции заслуживают отдельного рассмотрения.

Группа 1. На сегодняшний день выявлено три сюжета с изображением кистей рук.

Подгруппа 1. Наибольший по размеру сюжет (19,8×19,5 см) состоит из 18 фрагментов (Вклейка 5, Рис. 1, 1). Сюжетная композиция содержит фрагменты кистей рук двух святых. Одна кисть, левая, горизонтально обращена ладонью вверх, большой палец оттопырен также вверх. Фрагменты второй кисти, предположительно, правой,

включают лишь кончики фаланг. Цветовая гамма в бежевых тонах. Прописана пастозно. Для выразительности фаланги обеих кистей оконтурены тонкой линией (до 1 мм) красной охрой. Очевидно, что фигуры святых направлены справа налево. Руки облачены в одеяния (тунику) синего и темно-фиолетового цветов, плавность и воздушность которых подчеркивают белые линии толщиной 0,7–1,1 см. Очень осторожно выскажем предположение о схожем расположении рук в композиции Деисус (например, в храме Св. Софии Константинопольской (вторая половина XII в.))

Подгруппа 2. Второй сюжет состоит из 3-х фрагментов, общим размером 7,8×8,8 см. Сюжетная композиция содержит фрагмент одной (правой) кисти руки, обращенной ладонью к зрителю. Большой палец оттопырен вверх. Цветовая гамма кисти аналогична вышеописанному сюжетному фрагменту. Кисть правая, направлена влево. Цветовая гамма фона синего и темно-фиолетового цветов. Не исключено, что оба эти подобранные фрагменты относятся к одному сюжету (Вклейка 5, Рис. 1, 3).

Подгруппа 3. Третий сюжет содержит фрагменты 3-х фаланг правой руки. Общий размер 5,8×5,5 см. Сюжет отображен на Г-образном в плане фрагменте, который имеет линейный рисунок, состоящий из красного, черного и белого цвета полос. Цветовая гамма кисти аналогична вышеописанному сюжетному фрагменту.

Группа 2. Сюжетная группа состоит из многочисленных фрагментов лиц святых.

Подгруппа 1. Содержит фрагменты изображений лиц (Вклейка 5, Рис. 1, 2-10). Лики имеют правильные ярко выраженные черты, тщательно прописанные. Затененность зеленым тоном, дополнительные белильные рефлексы на носу и переносице, губах и под нижними веками придает дополнительный объем и выразительность чертам лиц. Из близких аналогов Лик Пресвятой Богородицы, фрагмент фрески собора Святой Софии в Трапезунде, XIII век. Крупные, слегка навывкате глаза с удлинённым зрачком придают им большое вдохновение и томление. Направления лиц и вправо, и влево. Размеры лиц различные, что указывает на многосюжетность росписи. Такая реалистичность в написании лица характерна для византийского искусства XIII — XIV вв. [Лазарев, 1986].

Подгруппа 2. Содержит фрагменты волос и бороды. Стоит отметить их разное цветовое и техническое исполнение. «Прически» святых либо гладко уложенные, с прорисовкой структуры волос по прядям или общим объемом (Святому Прохору Евангелие. Фреска храма Протатон (Протат) на Святой Горе Афон. Конец XIII века. Ико-

нописец Мануил Панселин. Фрагмент), либо растрепанные темно-коричневого цвета (аналогичное исполнение волос на фреске ангела XIV в. в церкви Св. Николая Орфана в Фессалониках) [Talbot, 1968, p. 104]. Также имеются фрагменты с изображением седых редких еле заметных кудрей, вероятно апостола, затемненные зеленкой и едва уловимыми лобными морщинами. Пряди бороды растрепаны. Цвет темно-коричневый.

Группа 3. Сюжетная группа содержит фрагменты многострочной надписи, нанесенной краской темно-бордового цвета и размещенной на свитке белого цвета. Высота букв 1,5 см. Разворот свитка вправо. С одной стороны свиток граничит с фоном черного цвета (Вклейка 5, Рис. 1, 4).

Группа 4. Сюжетная группа содержит элементы костюма (Вклейка 5, Рис. 1,5). Его цветовая гамма — алый, дополняемый и подчеркивающий фигуру линиями лилового цвета. Элементы костюма представлены в виде нашивок на горловине. Нашивка желтого цвета с контуром и прорисовкой линией темно-красного цвета, с орнаментом в виде оконтуренных красных овалов и лодочнообразных желтых овалов. Нашивка имитирует расшивку жемчугом. Такое решение костюма, предполагает, что персона, вероятно, относится к знатному роду. Единственным обнаруженным на сегодняшний день близким аналогом является персона из сцены фресковой росписи церкви Св. Софии в Трапезунде [Millet, Rice, 1936].

Таким образом, первый этап обработки фрагментов стенописи показал использования традиционного для византийского искусства и способа нанесения левкаса, и использования полихромности красочного слоя. Исходя из первичных аналогий, выделенные сюжетные композиции можно отнести к XIII в., что соответствует общей дате храма. Дальнейшее исследование позволят выявить не только многосюжетность стенописи храма, но и установить палитру пигментации, послышность росписи и способ приготовления левкаса.

Библиография

1. Бурый В. П. Реставрация фрагментов стенописи. История методов: [монография]. М.: МГХПА им. С.Г. Строганова, 2019. — 556 с.
2. Лазарев В. Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986.
3. Millet, G., Rice D. T. Byzantine painting at Trebizond: With plates in colotype. London. Allen & Unwin. 1936. 182 p., 57.ill.
4. Talbot R. D. Byzantine painting. The last Phase. New York, Dial Press. 1968. 223 p.

Т. М. Калинина

Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Известия ал-Мас‘уди о принятии христианства Константином Великим

Ал-Мас‘уди, известный литератор-энциклопедист первой половины X в., в своих двух сохранившихся трудах «Золотые копии и россыпи самоцветов» и «Книге предупреждения и пересмотра» уделил много внимания истории Рима и Византии, перечислив годы жизни и основные вехи деятельности императоров. В числе прочих он писал о Константине Великом. Он считал, что Константин был известен по имени своей матери Елены — «Константин, сын Елены» [Maçoudî, 1863, p. 310] — следовательно, ал-Мас‘уди знал о приверженности Елены христианству. Он упоминал, что Елена нашла в Иерусалиме Крест Господень и воздвигла на этом месте храм. Показательно, что писатель V в. Феодорит называл Елену «питательницей его [Константина] благочестия», показав тем самым, что существовала известная нашему автору традиция о влиянии христианства матери на сына [Лебедев, 1900].

В книге «Золотые копии и россыпи самоцветов» (Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ад-джаухар) ал-Мас‘уди так рассказывал о событиях:

«После смерти Диоклетиана Рим был под властью Константина, который поклонялся идолам. Константин первый из царей Рума перенес свою резиденцию из Рима в Византий, т.е. Константинополь. Он построил этот город и дал ему собственное имя, [которое он носит] до сегодняшнего дня. В то время, как он основывал Константинополь, опасаясь нападения персидского царя рода Сасан[идов], он имел сношения с некоторыми вождами бурджан, доклады которых были бы интересны. Он был на троне в течение года, после чего покинул город Рим и принял христианство [Maçoudî 1863, p. 311] После информации о церковных соборах ал-Мас‘уди продолжил: «Вот причина обращения Константина, сына Елены, в христианскую веру. Он вел войну с бурджанами или каким-то еще народом, и война велась между ними с переменным успехом около года, было убито много спутников его и предан гибели [мог быть] и он сам. А он увидел во сне копьё, спустившиеся с неба. На их концах и знаках на их вершинах — кресты из золота, серебра, железа, меди и разных драгоценностей. В то же

время ему крикнул голос: «Возьми это копьё и сражайся со своими врагами, ты будешь победителем». Действительно, ему приснилось, что он направляет это оружие против врага и что благодаря оказанной помощи ему [надо] положить его на место. Когда он проснулся, Константин приказал, чтобы знак, который он видел во сне, был помещен поверх нескольких копий, и носил их во главе своей армии. Затем он напал на вражескую армию, обратил ее в бегство и истребил ее [Maçoudî, 1863, p. 311, 4–315].

В «Книге предупреждения и пересмотра» (Китаб ат-танбих ва-л-ишраф) ал-Мас'уди писал об этом в разделе о царях Рума, исповедовавших христианство:

«Первый из царей этого разряда — Константин сын Констанция, известный по своей матери Елене, к которой относят его имя, о чем мы писали выше. Он царствовал тридцать два года и три месяца. Он сделал явным [исповедание] христианской веры и боролся за нее до тех пор, пока она не была принята и не распространилась в стране так, что предел ее [распространения есть] и поныне. Мы упоминали в книге «Напоминание о том, что произошло в минувшие века» о разногласиях по поводу причины его перехода в христианство и отказа от языческого толка, которого он придерживался, и об утверждениях язычников, будто на его теле появилась проказа, и они единодушно решили низложить его, так как по основе их вероучения и по заповедям их религии тот, с кем произошло такое, непригоден для царствования. Константин обратился к тем, кто исповедовал христианство, воспользовался их помощью и помощью своих приближенных и слуг против своих противников и принял христианство, так как оно не запрещало становиться владыкой тому, у кого такая [болезнь]. Другие сообщают, что он утаил то, что случилось с ним, и открыл тайну одному из своих везиров, тайно исповедовавшему христианство. Он сообщил ему, что боится низложения. Везир обещал ему помощь, которая была бы достаточной: он отрядил некоторое количество войск, [направив] их против врагов, окружавших Константина, назвав отряды, посылаемые один за другим, именами семи идолов, по названиям семи идолов, представлявших дневное и ночное светила и пять [планет], которым сабии приносили жертвы и усердствовали в их почитании. Они [были посланы], после того он ослабил их до крайности, и они возвратились побежденными и разбитыми. Везир выказал презрение к ним и пренебрежение к тем, кто поклонялся идолам, и посоветовал Константину после этого перейти в христианство, что он и сделал.

[Мы сообщили также], как объясняют христиане причину этого: ему явился во сне сияющий в небе крест, а это было в то время, когда он вел войну с царем бурджан, и ему было сказано: «У Него проси помощи против твоего врага, и победишь его». Тогда он водрузил подобные знаки на верхушках знамен, словно острия, и одолел своего врага, после того как был побежден им. Тогда он обратился [в христианство]. [Мы привели] утверждения тех [христиан], которые считали, что он видел это наяву, и другие мнения [разных групп] с комментарием и разъяснением [Kitab, 1894, p. 137–138].

Информация ал-Мас'уди о крещении Константина совпадает с хорошо известными данными византийских историков о войне Константина с Максенцием, завершившейся битвой у Мульвийского моста в 312 г. и гибелью противника Константина. Византийские историки Лактанций, Евсевий Кесарийский, Созомен, Сократ Схоластик и другие связывают это событие с обращением Константина, до этого поклонявшегося языческим богам [Болотов 2011]. Есть также версия, переданная грамотой «Константинов дар» о принятии христианства Константином от епископа Сильвестра (понтифик в 314–335 гг.) вследствие излечения от проказы по его совету (ряд историков считали документ аутентичным [Болотов 2011], но другие — подложным [Лоренцо Валла, 1963]).

Эти известия ал-Мас'уди до известной степени схожи с данными византийских авторов о войне в 322 г. с Лицинием, ставка которого находилась в Адрианополе, и сражениях с готами, когда в 324 г. Константин выступил навстречу Лицинию из Фессалоник, переправился на азиатский берег Босфора и разгромил войска Лициния при Хрисополе.

Вне всякого сомнения, наш автор имел самые разнообразные сведения о событиях времён Константина Великого. О них упоминают также ат-Табари (839–923), церковный историк Агапий Манбиджский (ум. 941/42), и др. Однако ал-Мас'уди — единственный автор, у которого в качестве врагов Константина названы бурджаны, причем в одном случае сведения могут быть поняты так, как будто цари бурджан были полезны Константину, опасавшемуся нападения сасанидского царя Шапура II (309–379), хотя между ними было соглашение о мире; в другом речь идет о прямой войне с бурджанами.

Этноним «бурджаны» известен арабским географам с IX в. Он имеет разные значения: придунайские болгары, бургунды (Калинина 1913). Возможно, ал-Мас'уди, применяя этноним «бурджаны», имел в виду войны с готами, которые вторгались в задунайские земли в

начале IV в. Но может быть, ал-Мас'уди мог назвать бурджанами сарматов, живших во времена Константина на Дунае, поскольку наш автор считал бурджан одним из придунайских народов, и речь шла о победоносной войне Константина с сарматами на Дунае в 332 г. и во владениях Лициния. А предшественник ал-Мас'уди, ученый первой половины IX в. ал-Хорезми, участвовавший в изготовлении всемирной карты для халифа ал-Ма'муна (813–833), писал, что считает Сарматии землей бурджан [Das Kitab, 1926, S. 105; Калинина, 1988, с. 29, 48]. Ал-Мас'уди же рассказывал, что видел эту карту и, возможно, именно оттуда он мог почерпнуть подобное представление. Впрочем, речь может идти и не о конкретном народе, жившем во времена Константина Великого и связанном с ним событиями, а лишь о применении этнонима «бурджаны» в силу известной ал-Мас'уди устной традиции [Калинина, 2013, с. 192–217].

Библиография

1. Болотов В. Лекции по истории древней церкви Т. I: Введение в церковную историю. Т. II: История Церкви в период до Константина Великого. 2-е изд. Минск, 2011.
2. Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, пер., комментарий. М., 1988.
3. Калинина Т. М. Этноним «бурджан» в сочинениях арабских средневековых географов (варианты соотношения устной и письменной традиций) // Древнейшие государства Восточной Европы. Устная традиция в письменном тексте. 2011 год. М., 2013. С. 192–217.
4. Лебедев А. П. Церковно-исторические повествования общедоступного содержания. Из давних времен Христианской церкви. М., 1900.
5. Лоренцо Валла. Рассуждение о подложности так называемой дарственной грамоты Константина // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. Пер. с лат. И. Перельмуттера. М., 1963. С. 139–154.
6. Kitāb at-tanbīh wa'l-ischrāf auctore al-Masūdī / M. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.
7. Maçoudi. Les prairies d'or / Texte et trad. par C. Barbier de Meynard et A. Pavet de Courteille. Paris, 1863. Vol. II.
8. Das Kitab Şurat al-arđ des Abu Ğāfar Myhammed ibn Musa al-Ĥuwarizmi Ĥuwarizmi / Н. в. Мзик Leipzig, 1926.

В. П. Кирилко

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Верхний храм средневекового поселения «Демерджи-І»

Верхняя церковь укрепленного поселения, располагавшегося на южном склоне г. Южная Демерджи, является малоизвестной культурной постройкой средневекового Крыма [Мыц, 1990, с. 150; Бочаров, Кирилко, 2017, с. 273]. Её остатки находятся в средней части относительно крутого, сложенного конгломератами ската одного из ущелистых кулуаров «Долины привидений», на скальном уступе [Мыц 2010: 313, рис. 15: 1]. Раскопки памятника осуществлены Горно-Крымской археологической экспедицией КФ ИА НАНУ в сентябре 1983 г. Стены строения практически полностью утрачены. От храма, занимавшего выровненную вершину останца, уцелели лишь отдельные камни кладок, монолитное основание апсиды и пол здания. Культурный слой образован отложениями деструктированного известкового раствора с редкими включениями мелкого бута. Его толщина составляла 0,05-0,12 м.

Вероятнее всего, храм был однонефным с прямоугольным в плане наосом. Очертания апсиды многогранные. Пол представляет собой относительно гладкую скальную поверхность, слегка понижается в западном направлении. По отношению к нему алтарная площадка немного возвышалась и имела в южной части небольшой приступок треугольной формы. Церковь ориентирована на северо-восток. Местоположение входа точно не определено, строение доступно спереди и сбоку, соответственно, с западной и северной сторон. Видимо, дверной проём находился на продольной оси здания и располагался напротив престола.

Судя по развалу камней, кладка стен была выполнена из бута местных пород на известково-песчаном растворе. В слое разрушения обнаружены единичные обломки блоков известкового туфа от сводчатых конструкций (Рис. 1) и мелкие фрагменты фресок с остатками декоративной росписи (Вклейка 6, Рис. 2). Там же найден кусок красноглиняной плинфы со следами извести на поверхности. Размеры керамического изделия: ширина — 16,2 см, толщина — 2,8-3,0 см.

Укрепление датировано X-XIII вв. [Мыц, 1990, с. 150]. Время возведения самого храма не известно. Нумизматический материал из раскопок внутри церкви представлен четырьмя монетами бахчисарайского чекана. Определение находок выполнено М. Б. Северовой, старшим научным сотрудником Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Три монеты были обнаружены в зоне предполагаемого входа, непосредственно на скальной поверхности пола. Две из них, со стёртым годом, чеканены Селим Гиреем ибн Каплан II (1743-1748), одна — Менгли Гиреем II (1737-1740). Четвёртая монета найдена в северной части наоса, в слое разрушения на глубине 0,05 м, принадлежит Ислам Гирею III (1644-1654). Полученные при раскопках артефакты свидетельствуют о продолжительном существовании строения и посещении храма православным населением до выхода христиан из Крыма в 1778 г. [Мыц, 2010, с. 313]. Известно также, что в 60-х гг. прошлого века руины здания имели относительно неплохую сохранность и высоту около 1 м. Следовательно нельзя исключать вероятность появления новых, прежде всего, иконографических сведений о памятнике.

Библиография

1. Бочаров С. Г., Кирилко В. П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. Силистра: Регионален исторически музей, 2017. Вып. 32. С. 278-304.
2. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. — 164 с.
3. Мыц В. Л. Феномен двух крымских топонимов: Фуна и Демерджи // Топонимика Крыма 2010: Сб. статей памяти И. Л. Белянского / сост. Беляев Ю.А. Симферополь: Универсум, 2010. — 376 с.

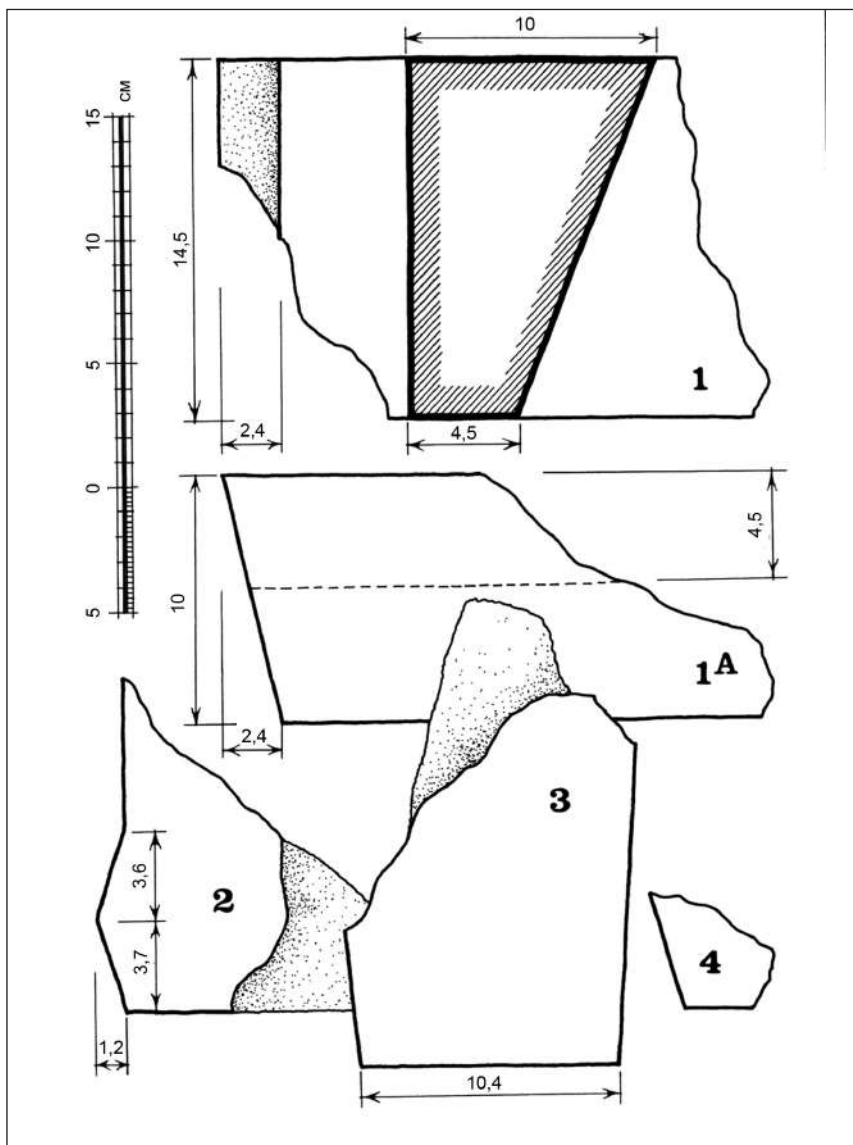

Рис. 1. Фрагменты архитектурно-конструктивных деталей из слоя разрушения храма. Чертёж автора

Д. В. Конкин

*Научно-исследовательский центр Истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)*

Записка барона Б. Б. Кампенгаузена «о древностях Новороссийского края» (1817 г.) В контексте проблемы сохранения памятников старины Крыма¹

С периодом правления в Российской империи Александра I принято связывать первые систематические государственные мероприятия по сохранению крымских древностей, включая законодательные инициативы [Шаманаев, 2018, с. 39–41]. Проблема охраны культурного наследия полуострова в это время становится объектом внимания как регионального руководства, так и столичных государственных деятелей и представителей высшего света империи.

Небезлюбопытно, что важнейшие царские распоряжения по охране памятников Крыма связаны с визитами известного исследователя античности Е. Е. Кёлера на полуостров. В апреле 1805 г. после доклада ученого о своей поездке в Крым, состоявшейся годом ранее, и поднесения Александру I коллекции собранных на полуострове старинных находок, через товарища министра внутренних дел П. А. Строганова было распространено распоряжение императора о запрете «частным вояжерам» собирать «сокровенные в недрах земли того края древние редкости» [РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1805 г. Д. 122. Л. 2; см. также: Стевен, 1891, с. 35; Тункина, 2002, с. 71, 613–614]. Спустя 17 лет Александр I утвердил положение Комитета министров «О сохранении памятников древности в Крыму» [ПСЗРИ-1, т. 38, № 29105], в основу которого был положен отчет Кёлера для Конференции Академии наук по результатам его командировки совместно с архитектором Э. Паскалем в Крым в 1821 г. [Труды Архива...1940, с. 165]. Значимость данного указа подтверждается тем, что он уже при сле-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время»)

дующем императоре Николае I был включен в 1-е Полное собрание законов Российской империи, куда, как известно, попадали наиболее важные и актуальные указы прошедшей эпохи.

В дальнейшем охрана памятников старины, регламентация археологических раскопок в южных провинциях Российской империи неоднократно становились предметом законодательного регулирования [Шаманаев, 2018, с. 39–46]. Появление подобных указов, как правило, было связано или с конкретными случаями разрушения объектов культурного наследия, или являлись проектными инициативами различных ведомств, чиновников и исследователей. В рамках культурологической проблемы осмысления в этот период античных памятников новообретенных северопричерноморских территорий, как части общероссийского наследия, «своей античности» — всегда интересно определить предтечу подобных указов и постановлений, источники формирования общественного запроса на законодательные инициативы. В этой связи особую значимость имеют те проекты, которые исходили от первых лиц государства, столичных сановников и чиновников высшего ранга, имевших возможность донести свои идеи непосредственно до монарха. К категории таких лиц, безусловно, относился Государственный контролер Российской империи барон Бальтазар Бальтазарович Кампенгаузен (1772–1823), записка которого «О древностях Новороссийского края» впервые вводится в научный оборот в данной публикации.

В 1816 г. Кампенгаузен совершил путешествие по южным провинциям России, в том числе посетил и Крым. По итогам поездки барон подготовил обширное обозрение Новороссийского края, в котором изложил многочисленные инициативы по улучшению административной, экономической, культурной жизни региона. Отдельная третья часть была посвящена проблемам сохранения памятников старины [РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2461. 1816. Л. 41–46 об.]. Прославленный российский генерал И. В. Сабанеев в письме М. С. Воронцову сообщал, что в сентябре 1816 г. Кампенгаузен находился в Одессе: «... Здесь живет Бальтазар Бальтазарович фон Кампенгаузен и пр.; живет и думает, как бы лучше. Увидим, что выдумает» [Архив Воронцова, 1893, с. 422]. Свои «думы» барон систематизировал уже к 1817 г. и в преддверии первого визита Александра I в «полуденный край» представил текст обозрения для прочтения монарху [РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1905. 1817 г. Л. 2–3 об.].

Посвященную древностям Новороссии часть Кампенгаузен составил вполне традиционно для подобного рода обзором. В начале

изложил собственную версию истории края. При этом в пояснительном письме, предназначенном для императора, автор вполне убедительно обосновывал необходимость подобного экскурса. «Если я поместил в записках этих некоторые исторические сведения, то без сомнения не для того, чтобы блеснуть ученостью. Я полагал, — пояснял Кампенгаузен, — что описывая край, который был в продолжении двух тысяч лет посещаем народами весьма образованными и просвещенными, небезразлично было бы перенестись мыслью к их деяниям. Если бы лица поставленные во главе управления краем всегда давали себе труд ознакомиться с теми деяниями, то было бы сделано менее ошибок» [Там же. Л. 2–2 об.]. Следует заметить, очень важное пожелание и для современных региональных руководителей, у которых зачастую отсутствует представление о накопленном уникальном историческом опыте и культурном наследии вверенного в их управление края.

В историческом экскурсе акцент сделан прежде всего на античном наследии региона («Новороссийский край есть действительно классическая страна» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2461. 1816. Л. 41]), что продолжало оставаться в России в этот период своего рода стандартом не только в литературе, зачастую монументальные идеалы классицизма распространялись и на российскую историю [Формозов, 1986, с. 131]. Кампенгаузен отмечал, что часть памятников античной эпохи сохранилась даже во время «долговременного владычества турок и татар», и с сожалением констатировал, что «немногих лет было для нас (т.е. для российского периода управления Крымом — Д. К.) достаточно, чтобы разрушить большую часть оных» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2461. 1816. Л. 43 об.].

Кампенгаузен, как и многие очевидцы до и после него, описывал печальную ситуацию уничтожения античных и других исторических сооружений, вторичного использования строительного материала, добытого на археологических объектах для гражданских новостроек: «Если встречается человеку надобность сделать забор вокруг своего сада или двора, этого уже и довольно, чтобы он святотатственными руками своими прикасался к памятникам древности самым драгоценным, какие только ближе к нему. Это очень жалко, ибо область сия есть почти единственная классическая страна, какою мы обладаем, одна, в которой просвещенные народы положили свое основание гораздо прежде нашего летоисчисления...» [Там же. Л. 44–44 об.]. Чиновник отмечал, что в сравнении с крымскими памятниками, сохранность, например, ольвийских древностей значительно лучше.

Но причина этого состояла исключительно в слое земли, покрывавшем городище. Тем не менее, даже там местные крестьяне «открывают не по правилам» древние постройки и продают приезжим «монеты, сосуды, вазы, камни и проч.» [Там же. Л. 44 об.].

Главным коллекционером местных древностей Кампенгаузен называл «таможенного инспектора в Одессе» И.П. Бларамберга, хорошо известного персонажа рассматриваемой эпохи [Тункина 2002, с. 109–110], при этом замечал, что иногда «драгоценные в сем роде» вещи встречаются «в руках черни, которая и сама не понимает, что стоят они». Кроме частных лиц в качестве мест хранения археологических находок упомянуты музейные собрания в Николаеве (при Черноморском депо карт), организованный С.М. Броневским музей в Феодосии, содержащий, по утверждению барона, древности, «которые принадлежат к эпохе генуэзцев и венециан» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2461. 1816. Л. 45].

Подобная разобщенность хранения вещей, бессистемность в формировании коллекций частных и государственных, утрата многих находок в результате грабительских раскопок обеспокоила Кампенгаузена, и поэтому чиновник предложил, в предназначенном к прочтению императором послании, объединить все находки в одной структуре: «Весьма желательно было бы иметь возможность соединить все сии коллекции, сохранить более системы и продолжительности в разысканиях и собрании сих древностей, и наконец, сберечь то, что еще у нас осталось» [Там же. Л. 45 об.].

В качестве регионального центра, способного систематизировать и квалифицированно изучить найденный материал, Кампенгаузен назвал Харьковский университет и высказал идею учредить при учебном заведении «Ученое Общество, подобное Академии истории и древностей, в Стокгольме существующей» [Там же. Л. 46], обязанность которого состояла бы в приобретении частных коллекций древностей Новороссийского края, а также в пополнении фондов с помощью собственных археологических исследований. «Оно (т.е. Общество — Д. К.) отряжало бы ежегодно некоторых из своих членов на самые места для произведения новых изысканий» [Там же]). Также важной обязанностью будущего Общества должна была стать регулярная публикация «к общему сведению» результатов собственных исследований и открытий, для чего Кампенгаузен предлагал учредить периодическое издание в виде «Комментариев» [Там же. Л. 46 об.].

Необходимо отметить, что данные предложения во многом пересекаются и точно созвучны со знаменитой запиской И. А. Стемпковского «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» [Стемпковский, 1827], поданной несколько позднее, в 1823 г., новороссийскому и бессарабскому губернатору М. С. Воронцову [Формозов, 1961, с. 44; Тункина, 2002, с. 137], и которую по праву расценивают как «первую научно-исследовательскую программу русской науки о классических древностях» [Тункина, 2002, с. 139]. Как известно, результатом записки Стемпковского стало учреждение двух археологических музеев в Одессе и Керчи. Несколько позже, уже в конце 30-х гг. XIX в. было организовано Одесское общество истории и древностей, начавшее издавать собственные одноименные Записки [Тункина, 2002, с. 138; Формозов, 1961, с. 44].

Таким образом, имперская власть, равно как и региональное общество с готовностью откликнулась на инициативу Стемпковского. Но нужно иметь в виду, что позитивная реакция высших администраторов государства на обращение, в общем-то, мало кому известного ученого-энтузиаста, последовала, в том числе и потому, что сама власть, включая царскую семью, уже была хорошо знакома с проблемой и готова предпринимать конкретные шаги по сохранению и изучению античного наследия. Квалифицированная осведомленность, желание реагировать появились как в результате личного опыта императора Александра I, в 1818 г. непосредственно осмотревшего крымские античные древности [Шаманаев, 2014], так в немалой степени и благодаря прочтению и анализу обращений и проектов, подобных изложенному в записке барона Кампенгаузена.

Библиография

1. Архив князя Воронцова. Кн. 39. М.: Университетская типография, 1893.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). СПб., 1830.
3. *Стивен А.* Дела архива Таврического Губернского Правления, относящихся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 33-54.
4. *Стемпковский И. А.* Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае. СПб.: Типография Карла Крайя, 1827.
5. Труды Архива Академии наук СССР. Вып. 4: Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В. Ф. Гнучева. М.-Л.: АН СССР, 1940.

6. *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002.

7. *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М.: Издательство АН СССР, 1961.

8. *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986.

9. *Шаманаев А. В.* Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 130. № 3. С. 79–89.

10. *Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю.* Охрана культурного наследия в Российской империи: учебное пособие / науч. ред. А.С. Мохов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.

А. М. Лидов

*Институт мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова,
Научный Центр восточнохристианской культуры (Москва, Россия)*

От алтарной преграды к высокому иконостасу. Некоторые проблемы эволюции иконической структуры

При всем обилии археологической, искусствоведческой и литургической литературы картина происхождения, эволюции и символики иконостаса далека от полной ясности [Лидов, 2000]. Под иконостасом мы понимаем систему иконных изображений на алтарной преграде. Важно, что в этом смысле история иконостаса фактически совпадает с историей самой преграды, что подтверждает пример Латеранского фастигиума IV в. как древнейшей предалтарной структуры. Воплощение в иконных образах самых значительных идеологем эпохи было, по всей видимости, изначальной задачей алтарных преград. Это подтверждают иконографические программы доиконоборческой эпохи, среди которых главное место занимает алтарная преграда VI в. в Софии Константинопольской, дошедшая до нас в описании Павла Силенциария. Хотя реконструкция иконографии этого памятника является предметом научных дискуссий, не подлежит сомнению значимость программы, приобретшей характер главного символа, важность которого подчеркивалась полным отсутствием иконных изображений на стенах юстиниановской Св. Софии.

Знаменательно, что уже в доиконоборческую эпоху мы можем заметить сочетание в декорации алтарных преград двух основных смысловых функций. С одной стороны, иконографические программы воплощают важнейшие символично-догматические идеи, сопоставимые по значению с темами куполов и алтарных апсид, с другой — образы алтарной преграды имеют поклонный характер, связанный с молениями верующих, остановленных на границе «святая святых». В этой связи можно вспомнить вотивные композиции (мозаичные иконы) базилики Св. Димитрия в Салониках или реконструированную декорацию темплона VII в. в константинопольской церкви

Иоанна Крестителя, где образ Христа фланкировали изображения патрональных святых. Эти два источника символики, подчас активно взаимодействуя, сохранили свое значение до появления высокого иконостаса, когда закрепляется двучастная символическая структура «поклонного» местного ряда и «доктринальных» верхних чинов.

Кульминационным моментом истории иконостаса, определившим его дальнейшее развитие, стало закрытие алтарной преграды, превращение ее из прозрачной и во многом символической границы в сплошную завесу, закрывшую богослужение в алтаре от верующих и тем самым создавшей потенциальную возможность для появления многоярусной иконной стены. По всей видимости, это событие произошло в XI в. В научной литературе уже было обращено внимание на литургический комментарий Николая Андидского (вторая половина XI в.), в котором говорится о закрытии алтарных дверей завесами, «как принято в монастырях», после перенесения святых даров на алтарь. Однако существуют и более важные свидетельства, говорящие о том, что закрытие алтарной преграды завесами во время литургии было актуальной темой обсуждения для константинопольских иерархов и богословов в середине XI в. Известно письмо Никиты, хартофилакса и синкела Софии Константинопольской, к Никите Стифату, известному богослову и монаху Студийского монастыря. В нем, как о редкой практике некоторых монастырей, сообщается о закрытии всего алтаря завесами во время таинств так, что даже священников нельзя разглядеть снаружи. При этом автор письма ссылается на патриарха Евстафия (1019–1025), совершавшего литургию таким образом. Никита Стифат, в свою очередь, богословски обосновывает необходимость полного закрытия алтаря от мирян, поскольку только священнослужители достойны созерцать таинство.

Как позволяют думать сохранившиеся источники, закрытие алтарной преграды не имело характер канонического правила и не было общеобязательным в течение долгого времени, вплоть до XV в. Однако эта практика получает распространение уже в XI в., когда она поддерживается в монашеской среде видными богословами и даже некоторыми патриархами. Завешивание преграды создавало возможность для размещения икон в интерколумниях. Идея системы икон, компенсирующей закрытый вид на алтарь и декорацию апсиды, становилась все более актуальной. Примечательно, что в XI в. возникают развитые иконографические программы эписти依илов — иконостасных тябел, расположенных над архитравом алтарной преграды. Они включают Деисус, двенадцать праздников, композиции богородично-

го и страстного циклов, образы святых и житийные сцены. Если добавить появляющиеся там же изображения «Причащения апостолов», образы «Благовещения» и создателей литургии на царских воротах, иконы Христа, Богоматери и святых патронов церкви в интерколумниях, то становится ясно, что вся храмовая декорация концентрируется в одном многосоставном иконном образе, воплощающем идею евхаристического таинства через зримую историю спасения.

Как кажется, К. Уолтер справедливо связал развитие иконостаса, обращенного к мирянам, с появлением в XI в. литургических тем в алтарной апсиде («Причащение апостолов», «Служба св. отцов»), ориентированных, главным образом, на священнослужителей. Однако можно пойти еще дальше и поставить вопрос о влиянии на этот процесс богословских идей, возникших в связи с Великой схизмой 1054 г., которая, согласно нашей гипотезе, оказала решающее воздействие на сложение структуры византийской храмовой декорации. Эти идеи, как явствует из сохранившихся текстов, доминировали в церковной жизни второй половины XI в., когда в результате полемики об опресноках возник особый интерес к евхаристической жертве в ее связи с домостроительством Святой Троицы. Акцентация мистической природы таинства, выразившаяся в закрытии алтаря, и понимание Евхаристии как истории спасения, отразившееся в программах иконостасов, могут быть объяснены как две взаимосвязанные части одного духовного процесса. Примечательно, что известные нам защитники закрытых преград Никита Стифат и Николай Андидский были в то же время виднейшими участниками антилатинской полемики и толкователями литургии. Конечно, высказанное суждение имеет характер догадки, которая может быть подтверждена или опровергнута в ходе детального исследования иконографии алтарных преград XI–XII вв. в контексте богословия эпохи. Но само направление поисков представляется перспективным.

Для понимания принципиального вопроса о возможности появления иконных образов в интерколумниях алтарных преград XI–XII вв., на наш взгляд, необходимо расширить ограниченный круг греческих источников за счет славянских, грузинских и даже латинских как письменных, так и археологических свидетельств. Плодотворность подобных поисков можно проиллюстрировать одним примером, обнаруженным в хорошо известном латинском тексте «Liber Pontificalis» (деяния римских пап), который никогда не рассматривался в истории византийской алтарной преграды. В этом аутентичном источнике IX в. говорится, что папа Пасхалий I (817–824) подарил

для украшения «арок алтаря» (*per arcus presbiterii*) собора Св. Петра в Риме два комплекта по 46 вышитых золотом пелен-завес, в одном случае, с изображениями «чудес апостолов», в другом — с иконными образами страстей и сцен Воскресения. По всей видимости, эти златотканые иконы сменяли друг друга в интерколумниях алтарной преграды: второй комплект, вероятно, использовался в пасхальный период. Характерно, что речь не идет о чем-то исключительном, но скорее о типичном для Рима IX в. votivном даре. Тот же папа Пасхалий I подарил в базилику Санта Мария Маджоре два комплекта по 26 вышитых золотом икон-пелен с «историей Господа нашего Иисуса Христа от Рождества» и с «историей Господних страстей и воскресений», также предназначавшихся для украшения арочных проемов алтарной преграды.

Несомненно, авторитетная и древняя римская литургическая практика использования иконных завес в алтарной преграде была хорошо известна в Византии, хотя, как показывает дискуссия середины XI в., не являлась общепринятой. Традиция вышитых икон в алтарной преграде, по всей видимости, имела в восточнохристианском мире широкое распространение. На Руси она зафиксирована монастырскими описями XVI–XVII вв. Сравнение этих позднесредневековых текстов с описаниями драгоценных икон-пелен в *Liber Pontificalis* демонстрирует парадоксальную близость и принадлежность к единой древнехристианской традиции храмового убранства, сохранявшейся на протяжении многих столетий. На наш взгляд, в истории иконостаса должно быть учтено это важное и до сих пор неизвестное звено — златотканая иконная декорация, которую можно попытаться реконструировать по ряду косвенных, археологических и письменных, свидетельств.

Для понимания процесса превращения византийской алтарной преграды в многоярусный иконостас необходимо привлечь данные грузинских средневековых памятников, которые до последнего времени, насколько нам известно, не рассматривались в византийском контексте, несмотря на то, что они довольно давно введены в научный оборот. На редкость многочисленные и разнообразные грузинские свидетельства, по преимуществу археологические и иконографические, отразили древнейшую восточнохристианскую, а в некоторых случаях и константинопольскую, практику украшения алтарной преграды. В грузинских памятниках, к примеру, сохранились иконные программы парпетов алтарной преграды, которые в известных византийских памятниках обычно декорировались изображениями

крестов. Наибольшей известностью пользуются четыре рельефные иконы первой половины XI в. из ц. Иоанна Крестителя в монастыре Шио Мгвиме около древней грузинской столицы Мцхета. Прославленные как шедевры средневековой пластики, эти иконы слева направо представляют «Гостеприимство Авраама», «Распятие», «Моление св. Марфы перед Симеоном Столпником» и «Сцену из жития св. Шио», располагаясь попарно по сторонам от врат в нижней части алтарной преграды и образуя замкнутый цикл. Легко заметить символично-догматический характер первых двух сцен (Св. Троица, Искушительная жертва) и монашески-вотивный характер правой группы, связанной с прославлением основателя обители св. Шио, являвшегося учеником Симеона Столпника Младшего, особо почитавшегося в Грузии. Двучастная, догматическая и вотивная, структура этого раннего памятника со временем станет базовым принципом иконной декорации восточнохристианской алтарной преграды. Характер надписей, детали иконографии и стиля, первоклассное качество рельефов из Шио Мгвиме позволяют предполагать византийский образец и устойчивую иконографическую традицию.

Другой важный грузинский пример дает расписанная алтарная преграда второй половины XIII в. в пещерной церкви Св. Николая монастыря Удабно в Давид-Гареджийской пустыне. Вверху над алтарным входом изображен трехчастный Деисус, полуфигурные изображения которого выделены рамками, имитирующими иконы. Деисус фланкируют полуфигуры фронтальных архангелов. Ниже на столбах преграды изображены сцены праздников («Воскрешение Лазаря», «Вход в Иерусалим», фрагменты «Вознесения»). Под этими сценами был еще один ярус практически несохранившихся сюжетных изображений. Таким образом изображенная во фреске иконная декорация состояла, как минимум, из трех регистров. Примечательно, что среди дошедших до нас грузинских живописных икон можно выделить группу памятников XII–XIII вв., некогда составлявших располагавшийся на алтарной преграде деисусный и праздничный чины. В церкви селения Хэ в Верхней Сванетии сохранились иконы подробного деисусного чина, изначально предназначенные для алтарной преграды и созданные одновременно с фресками во второй половине XIII в. В той же церкви имеются иконы XIII в., сделанные в размер интерколумниев алтарной преграды. В целом, грузинский материал позволяет заметно уточнить существующие представления о формировании восточнохристианского многоярусного иконостаса.

Наряду с обращением к малоизвестным археологическим данным, другим перспективным направлением является использование нетрадиционных письменных источников. Такой уникальный документ дошел до нас в новгородской берестяной грамоте рубежа XII–XIII вв., которая представляет собой заказ на изготовление икон алтарной преграды: «Поклоняние от попа къ Грьциноу. Напиши ми шестокрыленая ан(г)ела 2 на довоу икоуноу, на верхо деисусоу. И цюлоую тя. А б(ог)ъ за мездоу, или лади вься». С этим заказом связан текст другой грамоты, найденный на территории той же усадьбы художника: «От попа от Минь ко Грициноу. А боуди семо ко Петрову дени сы икоунами сер(а)фімо». Священник Мина просит иконописца Олисея Гречина, известного по другим грамотам и летописным упоминаниям, написать две иконы с образами шестикрылых ангелов (херувимов или серафимов) для размещения наверху (над тяблом) алтарной преграды и принести их заказчику к Петрову дню (29 июня). Подобный заказ кажется на первый взгляд иконографически странным, однако он находит подтверждение как в художественной практике XII в., так и в византийских литургических толкованиях. Наиболее близкая параллель обнаруживается в иконографической программе новгородской церкви Спаса Нередицы (1199), в росписи которой, по всей видимости, участвовал Олисей Гречин. Как было недавно показано, алтарную преграду этого храма фланкировали изображения херувимов, написанные на внешних гранях предалтарных столбов.

Речь идет о древней византийской иконографической традиции. О серебряном темплоне, украшенном образами святых и «шестокрылов», сообщает Типикон константинопольского монастыря Богородицы Кехаритумену (1118), основанный императрицей Ириной Комниной. По всей видимости, шестикрылые ангелы украшали верхнюю часть алтарной преграды, созданной константинопольскими мастерами в 1071 г. для итальянского монастыря Монте Кассино. Об этом позволяет судить сохранившееся деревянное повторение этой преграды, сделанное для маленькой церкви S. Maria in Valle Porclaneta около селения Рапиоло в Абруццо, с XI в. принадлежавшей монастырю Монте Кассино. Резные большие изображения шестикрылов фланкируют аркаду верхнего регистра с девятью живописными образами ангелов, которые располагались над Деисусом и расположенным еще ниже чином святых в сложной многоярусной композиции, напоминающей высокий иконостас. Есть все основания полагать, что уникальный романский памятник отразил византийскую традицию декорации алтарной преграды. Знаменательно, что резные

изображения шестикрылых херувимов по сторонам от центрального «Распятия» появляются на древнерусском иконостасном тягле XIII в., происходящим из Олонецкой губернии и сейчас хранящемся в ГИМ. Несколько более поздний византийский пример — украшенная фресками алтарная преграда «Белой церкви» в Каране (Сербия, 1340-1342). В верхней части столбов, фланкирующих царские врата, представлены большие шестикрылые херувимы, которые воспринимаются как программный иконный образ.

Природу символического замысла позволяет понять важнейшее византийское литургическое толкование св. Германа Константинопольского (VIII в.), пользовавшееся широчайшей известностью в Древней Руси. Согласно этому тексту, космит (балка перекрытия алтарной преграды) «соответствует подзаконному и святому космию», то есть символически представляет очистилище — золотую крышку Ковчега Завета, украшенную изображениями херувимов. В данном контексте знаменательно, что в храме Соломона херувимы изображались также на завесе (преграде) Святая святых (2 Пар. 3:14). Шестикрылы на алтарной преграде акцентировали смысл алтаря как Святая святых и Ковчега, хранящего святыню. Очевидно, именно эту идею хотел воплотить в своем храме священник Мина, заказывая Олисею Гречину две иконы шестикрылов наверх алтарной преграды, которые в скромной деревянной церкви могли быть и единственными иконами, расположенные по краям иконостасного тябла. Берестяные грамоты представляют редчайшее раннее свидетельство о взаимоотношениях заказчика и иконописца, вместе создающих иконную декорацию храма. Рассматриваемый текст позволяет поставить важный и малоизученный вопрос о терминологии алтарной преграды, и в частности, об использовании в данной связи понятия «деисус», который в Древней Руси мог обозначать весь иконостас, отдельный регистр изображений или особую иконографическую тему.

По своему значению в истории иконостаса с изменениями XI в. может быть сопоставлена лишь реформа рубежа XIV–XV вв., вызвавшая к жизни русский высокий иконостас. Возникает закономерный вопрос о степени оригинальности явления. Византийское происхождение символической структуры достаточно очевидно. При этом несомненно, что на русской почве была осуществлена серьезная редакция, имевшая программный характер. Современная картина знаний не позволяет объяснить произошедшее как результат постепенной эволюции, связанный с рядом новых, чисто иконографических решений. Исследователи указывали, что наиболее оригинальным

новшеством, лежащим в основе высокого иконостаса, является многосоставный ростовой Деисус с образом «Спаса в силах» в центре, который не известен в декорациях византийских темплов. Однако это не вполне справедливо, поскольку подобный Деисус с тронным Христом в центре был хорошо известен в программах византийских эпистилий (иконостасных тябел) уже в XI–XII вв., характерный пример — эпистилий из афонского монастыря Ватопед. Можно смело утверждать, что практически все иконографические темы русского иконостаса были хорошо известны в Византии, и не в сфере чистой иконографии находит свое объяснение произошедшие изменения.

На наш взгляд, важнейший смысл русской реформы состоит в самой идее унификации иконной декорации алтарной преграды. Как становится ясно в свете опубликованных данных, в Византии XIV в. такая унификация отсутствовала в принципе. Даже литургически важный момент закрытия интерколумниев преграды иконами не регламентировался высшей иерархией. Одновременно и бесконфликтно существовали и открытые, и закрытые преграды. При этом, как можно догадываться, существовали преграды и вовсе не имевшие икон. Аналогичная пестрая картина имела место и в русской художественной практике XIV в. На этом фоне первые высокие иконостасы отличаются редким единообразием. Новый тип иконостаса почти сразу получил статус канонического образа, что, по-видимому, заметно отличало русскую ситуацию от византийской. Такая редакция могла быть проведена только на вершине церковной иерархии. Ее наиболее вероятным автором считают московского митрополита Киприана (1390–1406), одним из основных направлений деятельности которого была всесторонняя унификация литургической практики. Как органичная часть этой глобальной реформы обрядовой сферы может быть рассмотрено и появление высокого иконостаса.

Размышляя о духовных истоках реформы, нельзя не вспомнить о тесных связях митрополита Киприана с исихастским Афоном и его особой близости с константинопольским патриархом Филофеем (1353–1355; 1364–1376), который, еще будучи игуменом афонской Лавры, составил новое литургическое чинопоследование (Diataxis), при митрополите Киприане введенное в русскую богослужебную практику. Речь идет о заключительном этапе трансформации византийской литургии, названном Р. Тафтом «неосавваитским синтезом», выразившимся в новой, по отношению к Студийской версии, адаптации Иерусалимского устава (Лавры св. Саввы Освященного), осмысленного в контексте мистического опыта исихастов XIV в. Мож-

но думать, что поднятая как знамя идея унификации литургической сферы была призвана объединить распадающийся православный мир. В эпоху гибели византийской империи она имела глобальный религиозно-политический и историко-культурный смысл. Как кажется, подробное исследование иконостаса в связи с этим важнейшим духовным процессом способно ответить на многие вопросы, относящиеся как к происхождению русского иконостаса и принципам его иконографического развития в XV–XVII вв.

Перспективным представляются сопоставление иконографических особенностей высокого иконостаса и конкретных литургических нововведений. К примеру, наиболее оригинальная центральная композиция «Спас в силах» может быть рассмотрена в связи с появлением в русских служебниках XV в. особого возгласа в чинопоследовании Великого входа: «Возьмите врата князи ваши и внидет царь славы. Господь сил той есть царь славы» (парафраз пс. 23:9-10). Эти слова произносились непосредственно перед царскими дверями, после чего священник входил в алтарь и полагал святые дары на престоле. Знаменательно, что в реальной богослужебной практике XV в. новый возглас был как бы прямо адресован новой иконе «Спаса в силах» над царскими дверями. Он раскрывал евхаристический и теофанический смысл важнейшего изображения, устанавливая терминологическую, образную и литургическую связь. В контексте наших рассуждений важно, что чинопоследование появляется в уставе Филофея Коккина и, по-видимому, приходит на Русь в контексте его литургической реформы.

Отдельный малоизученный аспект темы русского иконостаса составляет его связь с высокими иконостасами на Балканах, насчитывающих, как правило, три или четыре регистра изображений. Такие балканские иконостасы хорошо известны в XV–XVI вв., однако ранние, точно датированные примеры пока не выявлены. Распространено мнение, что балканский вариант сложился под влиянием русского высокого иконостаса. Однако это суждение вызывает сомнение, поскольку при внешнем сходстве имеется ряд принципиальных отличий, в том числе в порядке расположения деисусного и праздничного рядов. Кроме того, такое кардинальное влияние Руси на Балканах в XV в. кажется исторически весьма маловероятным. До появления детальных исследований можно лишь догадываться, что русская и балканская традиции, развивавшиеся параллельно и независимо, имели общие афонские истоки и отразили единый замысел, вероятнее всего, возникший в среде Филофея Коккина, возможно, в период его пребы-

вания на Афоне и разработки нового Устава. В этой связи становится более понятен исихастский смысл концепции — понимание преграды как сплошной иконной стены, скрывающей таинство и одновременно дающей его новый мистический образ.

Углубляя проблему и отвлекаясь от восточнохристианской конкретики, можно взглянуть на тенденцию превращения преграды в иконную стену иконостаса на фоне глобальных изменений в христианской храмовой декорации Востока и Запада. Несложно заметить, что оно созвучно основному направлению движения духовной культуры. И в византийском мире, и на латинском Западе стержнем развития был амбивалентный процесс постепенного обособления, закрытия алтарного пространства от верующих, с одновременным усилением частного богослужения, выразившегося в умножении числа приделов и капелл, а также вотивных и поклонных образов. Увиденный в этой перспективе многоярусный иконостас представляет собой прямой аналог архитектурно развитым и богато украшенным преградам готических храмов XIII–XVI вв., большинство из которых были разрушены в век просвещения и известны по гравюрам и рисункам. Создание архитектурно-иконной стены, закрывшей алтарь и одновременно воплотившей его идею в образах, могло быть обусловлено реакцией христианской церкви на нарастающий процесс десакрализации мира, в разной форме актуальный и на Востоке, и на Западе. Не претендуя на окончательный ответ, заметим, что эта перспектива позволяет рассмотреть иконостас в контексте самых крупных явлений средневековой культуры.

Библиография

1. Лидов А. М. Иконостас: итоги и перспективы исследования // Иконостас. Происхождение — Развитие — Символика / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000.

М. А. Лидова

Иконописная школа (Серияте, Италия)

«Благовещение у источника» в искусстве IV-V вв.

Данная работа посвящена одному из наиболее знаковых сюжетов, связанных с фигурой Богородицы в раннехристианском искусстве, а именно «Благовещению». Благовещение представляет собой один из главных христианских праздников и относится к наиболее часто воспроизводимым в искусстве Евангельским сюжетам [Papastavrou, 2007]. С раннего времени диалог Марии и небесного посланника Гавриила, предвещающего рождение Христа, оказался в центре внимания богословов и проповедников. Тем не менее, в искусстве IV-V вв. изображения «Благовещения» встречаются довольно редко [Taylor, 2018; Лидова, 2020]. Особого внимания заслуживает тот факт, что наравне с каноническим описанием в Евангелии от Луки (Лк. I: 26-38), художники часто обращались к текстам апокрифических сказаний, в частности к Протоевангелию Иакова, как правило, датируемого II в. н.э. Именно этим объясняется появление такого сюжета, как «Благовещение у источника», или, как впоследствии он будет именоваться, «Благовещение у колодца, или у кладезя». Это событие описывается в Протоевангелии так: «И, взяв кувшин, пошла за водой; и услышала голос, возвещающий: Радуйся, благодатная! Господь с тобою; благословенна ты между женами. И стала оглядываться она, чтобы узнать, откуда этот голос. И, испугавшись, возвратилась домой, поставила кувшин и, взяв пурпур, стала прясть его» (11: 1-4).

Одно из самых ранних воспроизведений этого сюжета мы находим на шелковой ткани, посвященной истории Богородицы, из собрания Абегг-Штифтунг в Берне [Kötzsche, 1993, p. 183–194; Schrenk, 2004, p. 185–189] (Вклейка 7, Рис. 1), на которой повторяется череда из четырех композиций: «Мария в храме перед первосвященником», «Избрание Иосифа», «Благовещение у источника» и «Рождество». Сохранившийся фрагмент, скорее всего, некогда являлся частью драгоценного одеяния, предположительно, туники. Среди отличительных особенностей ткани, помимо изящного художественного решения и техники

батик, стоит отметить обилие надписей, присутствующих практически в каждой сцене. В интересующей нас композиции «Благовещения у источника», Богоматерь предстает в характерной позе, стоящей на коленях перед водным ключом, расположенным справа от нее. Рядом с ней на земле находится кувшин, приготовленный для воды. За спиной Марии можно увидеть мужскую фигуру, изображающую Ангела, к которому она поворачивает голову, потревоженная его приветствием.

Начальные слова ангельского обращения располагаются поблизости и поддаются прочтению: ΧΕΡΕ ΜΑΡΙΑ [sic] — Радуйся, Мария! При этом надпись так расположена на ткани, что имя оказывается прямо над головой Богоматери. Датировка ткани из собрания Абегг-Штифтунг основывается на технических особенностях и археологических данных, которые позволяют отнести это произведение ко времени около 400 г. Описываемый повествовательный цикл является одним из самых ранних, дошедших до наших дней, примеров развернутых программ, посвященных истории матери Спасителя. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что «Благовещение у источника» выступает здесь наравне со сценой «Рождества» и, по сути, замещает традиционное «Благовещение».

Еще один пример «Благовещения у источника» мы находим на крышке так называемого саркофага Адельфии из музея в городе Сиракузы, относящегося к IV в. [Sgarlata, 1998, p. 15–54] (Рис. 2). На узком горизонтальном фризе одна за другой располагаются четыре композиции, каждая из которых включает фигуру Богоматери. История разворачивается слева направо и начинается со сцены «Благовещения у источника», который представлен в виде струи воды, вытекающей из небольшой горы. На ее вершине можно видеть голову бородатого мужчины, представляющего собой, по-видимому, аллегория реки или водного ключа. Мария, преклонив колено, подставляет под бьющую из горы воду кувшин, изысканная форма которого была тщательно воспроизведена мастером. За ее спиной можно увидеть ангела, представленного без крыльев, но с жестом *adlocutio*, свидетельствующем о прямой речи, обращенной к Богоматери. Отдельно стоит остановиться на одеяниях Богоматери. Платье ее перетянато поясом на талии, а волосы оставлены на виду и не скрыты под покровом.

Цикл продолжается двумя необычными сценами. В первой из них Мария представлена стоящей в трехчетвертном развороте в сопровождении двух девушек, которые, взяв ее под руки, будто направляют ее шаг направо. Далее следует уникальная композиция, в которой мы видим Марию с покрытой тканью головой, восседающей на троне в

окружении несколько женских фигур, сложивших руки в молитвенном жесте и будто внимающих словам Богоматери. Завершается весь цикл композицией «Рождества», совмещенной с «Поклонением волхвов», где Богоматерь показана сидящей на камне, расположенном в композиции на самом краю резного фриза.

Одним из наиболее сохранных раннехристианских воспроизведенений анализируемого сюжета является сцена, представленная на драгоценном костяном окладе из сокровищницы миланского собора, создание которого, согласно недавним исследованиям, относится к 460 гг. [Frantová, 2014] (Рис. 3). Она развернута зеркально по отношению к аналогичной сцене на сиракузском саркофаге. Источник, вытекающий из высокой горы, показан здесь с правой стороны. Колонопреклоненная Мария подставляет сосуд под струю воды, однако ее внимание отвлечено назад, туда, где расположена крылатая фигура Архангела, жест руки которого указывает на момент обращения. Мария облачена в дорогое одеяние, на плечах можно видеть драгоценное украшение, ее платье перетянута поясом, а волосы собраны в пучок [Лидова, 2017, с. 7–21]. Близкую по иконографии сцену можно найти на одной из сторон так называемой коробки Вердена из собрания музея Виктории и Альберта, считающейся в настоящее время каролингской копией с оригинала V в. [Williamson, 2010, p. 156–158]. Повествовательный цикл, разворачивавшийся по продольным боковым сторонам прямоугольного ящичка и посвященный Детству Христа, открывался сценой «Благовещения у источника».

Важнейшим примером существования этой сцены на Востоке является глиняный сосудик в собрании собора г. Монца в Северной Италии. По аналогии с другими произведениями, в первую очередь, так называемыми ампулами, ему приписывают палестинское происхождение, а сам предмет, как правило, датируют VI в. Данный артефакт имеет большое значение, так как свидетельствует о том, что сюжет «Благовещения у источника» мог быть не только частью цикла, но и существовать как самостоятельный образ. Помимо этого, воспроизведение данного сюжета на паломнических сосудах может косвенно свидетельствовать о его популярности. Весьма вероятно, что эта традиция брала свое начало из Назарета, ставшего центром паломничества уже в раннехристианский период. Более того, исследуемый в данной работе материал позволяет предположить, что именно произошедшие в Назарете преобразования могли повлиять на видоизменение анализируемой иконографии [Yardenna, 2012]. По всей видимости, в какой-то момент конкретное место, почитавшее-

ся в связи с историей апокрифического благовестия, было отмечено появлением колодца, который либо сменил находившийся там источник, либо появился в новоизбранной локации.

Эти преобразования могли повлиять на последующую трансформацию художественного образа и появление мотива колодца, заменившего собой более традиционный, описанный в апокрифическом повествовании, источник. Данное обстоятельство позволяет выявить две стадии в формировании иконографии «Благовещения у источника». На первом этапе, продлившемся, как минимум до VI в., предпочтение отдавалось изображению водного ключа, что отражало более точное следование тексту. Однако впоследствии данный сюжет начинает изображаться именно перед колодцем.

Особое внимание следует уделить сакральному значению воды в данной композиции, которая могла быть связана как с темой Крещения, так и с представлениями о христианском учении как источнике живой воды. Николас Костас отмечает, что в христианской традиции мотив колодца часто выступал в сюжетах, связанных с поворотными моментами в судьбе Библейских или Евангельских героев, в частности в связи с обручением и деторождением [Constas, 2014, p. 113–124], что находит подтверждение у Кесария Арелатского (468/470–542) и многих других богословов.

Исходя из сохранившихся материальных свидетельств, можно сделать вывод о том, что в период становления христианства сюжет «Благовещения у источника» был не менее популярен, чем каноническое «Благовещение». Эти сцены не столько дополняли друг друга, как это будет характерно для развернутых циклов палеологовского времени, сколько являлись взаимозаменяемыми. Если тема основного «Благовещения» была прямо связана с сюжетом Боговоплощения, то Благовестие у источника не предполагало такого богословского прочтения и популярность этой иконографии не может быть объяснена лишь историей Христа и споров о природе Спасителя.

Изучение данного сюжета позволяет не только выявить особенности использования темы «Благовещения» в раннехристианский период, но и указать на неверность некоторых существующих интерпретаций. Так, несколько лет назад было высказано смелое предположение, что фрагмент росписей из Баптистерия в Дура Европос может представлять собой сцену «Благовещения Марии у кладезя», что, учитывая датировку серединой III в., сделало бы эту композицию самым ранним образом Богоматери в искусстве [Peppard, 2016, p. 155–201; пересказ основных тезисов на русском Штутина, 2016]. Однако имен-

но присутствие колодца, а не источника, в этой сцене, не позволяет согласиться с данной интерпретацией.

Библиография

1. Лидова М. А. Образ Богоматери Патрицианки в раннехристианской иконографии // Труды Государственного Эрмитажа. № 89. 2017. С. 7–21.
2. Лидова М. А. Тема Благовещения в раннехристианском искусстве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. (в печати)
3. Штутина Ю. Дева у колодца. В Йельском университете нашли древнейшее изображение Богородицы // Meduza. 2016. <https://meduza.io/feature/2016/02/02/deva-u-kolodtsa>
4. Constan N. The Art of Seeing. Paradox and Perception in Orthodox Iconography. Alhambra, 2014. P. 113–124.
5. Frantová Z. Heresy and Loyalty. The Ivory Diptych of Five Parts from the Cathedral Treasury in Milan. Brno, 2014.
6. Kötzsche L. Die Marienseide in der Abegg-Stiftung. Bemerkungen zur Ikonographie der Szenenfolge // Begegnung von Heidentum und Christentum. Riggisberg, 1993. P. 183–194.
7. Papastavrou H. Recherche iconographique dans l'art byzantine et occidental du XIe au XVe siècle: l'Annonciation, Venise, 2007.
8. Peppard M. The World's Oldest Church: Bible, Art, and Ritual at Dura Europos, Syria. New Haven-London, 2016. P. 155–201.
9. Schrenk S. Textilien des Mittelmeerraums aus spätantiker bis frühislamischer Zeit. Riggisberg, 2004. P. 185–189.
10. Sgarlata M. Il Sarcofago di Adelfia // Et lux fuit. Le catacombe e il sarcofago di Adelfia / A cura di G. Greco, S. Capella. Palermo, 1998. P. 15–54.
11. Taylor C. G. Late Antique Images of the Virgin Annunciate Spinning: Allotting the Scarlet and the Purple. Leiden; Boston, 2018.
12. Williamson P. Medieval Ivory Carvings. Early Christian to Romanesque. London, 2010. P. 156–158.
13. Yardenna A. et al. Mary's well, Nazareth: The Late Hellenistic to the Ottoman Periods. Jerusalem, 2012.

Рис. 2. «Благовещение у источника», IV в., мрамор, саркофаг Адельфий, Археологический музей г. Сиракузы (© David Mauro Wikimedia Commons)

Рис. 3. «Благовещение у источника», V в., оклад Евангелия, сокровищница миланского собора (© фото автора)

Д. А. Ломакин

*Научно-исследовательский центр Истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)*

Мусульманская мечеть и христианский храм: историография последней четверти XVIII — начала XX века о купольном здании на территории Судакской крепости¹

Судак, согласно пакту «Partitio Romaniae» (1206 г.) находившийся под управлением Венецианской Республики, начиная с первой четверти XIII в., в результате изменившейся политической и экономической ситуации в регионе, был вынужден регулярно контактировать с мусульманским миром. Одним из результатов подобного «соседства» стало строительство мечети, здание которой в настоящее время расположено на территории Судакской крепости. В 10–20-х гг. XIII в. Судак был захвачен малоазийскими сельджуками. Это событие нашло отражение в хронике современника событий Насир-Эд-Дина Яхья ибн-Мохаммеда, более известного под именем Ибн-Биби. Автор сообщил о возведении в городе крупной мечети [Якубовский, 1928, с. 59]. В 20-х гг. XIV в. город был опустошен ордынскими войсками. Согласно записям, сделанным на полях т. н. Сугдейского синаксаря, 8 августа 1322 г. «пришел Толактемир и гонец Озбека, имя его Караболат, и захватили Сугдаю без боя (войны) и спустили все колокола и сняли иконы и кресты и отомкнули ворота, и была скорбь, которой никогда прежде не было...» [Могаричев и др., 2009, с. 290]. Есть основания предполагать, что после описанного события одна из церквей Судака была приспособлена под мечеть.

О каких именно мечетях идет речь в приведенных выше ранних источниках в настоящий момент достоверно не установлено. О судьбе купольного здания, расположенного на современной территории Судакской крепости, с полной уверенностью можно гово-

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ №20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

ритель лишь начиная с последней четверти XVIII в. По свидетельству А. Л. Бертье-Делагарда, после присоединения Крыма к России, мечеть некоторое время продолжала функционировать. В. Н. Юргевич указал точную дату прекращения ее деятельности — 1795 г. [Юргевич, 1875, с. 398]. Когда на территории Судакской крепости были размещены части русской армии, мечеть была освящена в полковую православную церковь Святого Апостола Матвея. При этом «все имущество перенесено в новую, посреди долины построенную, большую греко-русскую церковь Покрова Пресвятой Богородицы» [Кеппен, 1827, с. 125]. В таком положении, в «полуразрушенном виде» она просуществовала до вывода российских воинских частей из крепости в 1817 г. [Карпович, 1951, с. 123], когда была превращена в церковь немецких колонистов. К середине XIX в. здание оказалось заброшенным, о его содержании заботиться стало некому. К 1863 г., судя по публикации В. Н. Юргевича, «на ней не было крыши и уже разрушилось преддверие» [Юргевич, 1863, с. 175]. Позже «совершенно заброшенная, начала обрушаться, оставаясь без малейшего присмотра и даже без окон и дверей служа загоном скоту. В таком положении было это здание, когда в 1883 г. армяне-католики Феодосии и Карасубазара надумали обратить его в свою церковь, починив и подделав кое-что разрушенное. Это и было им разрешено для спасения редкого памятника от конечного разрушения» [Бертье-Делагард, 1918, с. 23]. В этом значении застал здание А. Л. Бертье-Делагард в 1918 г.: «Мечеть ныне приспособлена, но без переделок, под армяно-католическую церковь с алтарем на месте михраба. Ее стены много раз белены известью, заливая орнамент. <...> Внутренние стены мечети <...> гладко оштукатурены во время приспособления ее для армянской церкви. Сколько помню — на них не было следов какой-либо иной работы» [Бертье-Делагард, 1918, с. 22]. В 1926 г. здание перешло в ведение КрымОХРИС, где был размещен археологический музей, действующий до настоящего момента.

Первое детальное описание мечети представлено в путевых записях швейцарского натуралиста Ф. Дюбуа де Монпере, посетившего Судак летом 1834 г. Путешественник отметил «настолько органичный сплав церкви с мечетью, что очень трудно сказать, какая предшествовала другой» [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 109]. Склоняясь к последнему предположению, он отнес возведение мечети к началу XIV в., когда «татары-фанатики изгнали греческих христиан из Судака» [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 109]. Путешественником были обнаружены фрагменты латинских надписей. Одну из них, забеленную над михрабом, разобрать не удалось. На блоках обрамления южного окна восточно-

го портика он различил окончания двух строк текста: «Edeo» и «Soldaya» [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 110].

Упомянул памятник в своих путевых записях Н. Н. Мурзакевич, побывавший в Крыму в 1836 г. [Мурзакевич, 1837, с. 644]. Выполняя одно из поручений ООИД, летом 1870 г., он вновь посетил Судак. Осмотрев в течение двух дней крепость, предложил вариант прочтения надписи над михрабом, которая была датирована 1424 г., рядом с ней обнаружены два герба в виде башни и льва [Мурзакевич, 1872]. О запущении памятника к середине XIX в. свидетельствуют записи А. Н. Демидова, маршрут экспедиции которого в 1837 г. пролегал через Судак [Демидов, 1853, с. 499].

Первые обстоятельные попытки прочтения надписи над михрабом относятся к подвижничеству В. Н. Юргевича, опубликовавшего на страницах ЗООИД в 1863 г. ее перевод [Юргевич, 1863, с. 174]. Надпись была обнаружена в 1861 г. «в развалинах крепостной церкви над углублением в стене, в котором стоял алтарь. Она была покрыта толстым слоем извести от частого беления и почти незаметна» [Юргевич, 1863, с. 174]. В 1873 г. В. Н. Юргевич вновь был командирован в Крым с целью осмотра Судакской крепости и выработки мер по ее поддержанию. Была отмечена необходимость ремонта здания мечети [Юргевич, 1875, с. 398]. В результате повторного осмотра, исследователь был вынужден признать неверным выполненный им ранее перевод и предложить новый вариант [Юргевич, 1875, с. 398]. В 1875 г. на страницах ЗООИД В. Н. Юргевичем приведены замечания к переводу надписи члена Лигурийского общества истории отечества (г. Генуя) К. Десимони, которые сводились к прочтению даты. Последний был склонен связывать появление надписи с 1473 г. В. Н. Юргевич отметил, что такой вариант вполне вероятен [Юргевич, 1875, с. 398].

2 октября 1883 г. бывший храм Св. Матфея на территории Судакской крепости был освящен как армяно-католический храм во имя Успения Божьей Матери — «многовековой храм Божий, который еще четыре месяца тому назад представлял собой груды развалин, теперь, по крайней мере внутри, сиял чистотой и приличной обстановкой» [Кушнерев, 1885, с. 8]. Результатом смены конфессиональной принадлежности памятника стал ряд архитектурных изменений, частично воссозданных Е. Ф. Карповичем [Карпович, 1951, с. 120].

Летом 1886 г. Судак посетил В. Д. Смирнов. Он подверг критике выводы Ф. Дюбуа де Монпере о первоначальном назначении здания. Исследователь был склонен считать, что «сооружение этой молельни было делом рук греков, или, может быть, еще турок-сельджуков, но

никак только не татар» [Смирнов, 2008, с. 504]. На момент осмотра востоковед отметил наличие близ мечети мусульманских захоронений, одно из которых особо почиталось.

Детальный анализ архитектурного стиля мечети представлен А. Л. Бертье-Делагардом в 1918 г. на страницах «Известий Таврической ученой архивной комиссии». Считая ее уникальной и «по своим особенностям единственной в Крыму» [Бертье-Делагард, 1918, с. 20] он поддержал доводы Ф. Дюбуа де Монпере о первоначальном назначении здания в качестве мечети: «Достаточно небольшого представления о мусульманской архитектуре, чтобы видеть здесь только мечеть, временами обращаемую в христианскую церковь, а потому многочисленные доводы в защиту этого положения, за полной его очевидностью, не стоит и приводить» [Бертье-Делагард, 1918, с. 20]. А. Л. Бертье-Делагард видел аналогии памятника в архитектуре Ешиль-Джами г. Изник (Турция). При этом отмечено, что и турецкая мечеть, возведенная в конце XIV в., и более ранняя судакская «строены по какому-то общему им прототипу, вероятно распространенному у турок-сельджуков» [Бертье-Делагард, 1918, с. 22]. Исследователь предположил, что строительство мечети могло быть остановлено вследствие каких-либо серьезных политических изменений в регионе, и здание осталось недостроенным. Возведение объекта было отнесено к началу второй половины XIV в. [Бертье-Делагард, 1918, с. 23].

С начала научного освоения памятника во второй половине XIX в. зародились научные споры о времени возведения здания, его первоначальном назначении. Часть исследователей предполагала мечеть, построенную в начале XIV в. (Ф. Дюбуа де Монпере, Д. Кушнерев) или во второй половине столетия (А. Л. Бертье-Делагард). Тогда же возникла идея о том, что христианская церковь была обращена в мечеть (Ш. Ж. Ромм, П. И. Сумароков). В. Д. Смирнов видел в архитектуре памятника православный храм или сельджукскую мечеть, возведенную до XIV в. Острым вопросом, вызвавшим массу споров и противоречий, стала датировка надписи над михрабом. Начиная с рассматриваемого периода, мнения исследователей по этому вопросу серьезно отличаются: 1422 г. (В. Н. Юргевич, 1863), 1423 г. (В. Д. Смирнов, В. Н. Юргевич, 1875), 1424 г. (Н. Н. Мурзакевич), 1473 г. (К. Десимони), 1422 г., 1423 г., 1424 г. или 1473 г. (А. Л. Бертье-Делагард). При этом надпись рассматривается либо в качестве непосредственного указателя на дату возведения памятника, либо на момент его кардинальной перестройки или реставрации. Оставляет множество разночтений сам текст надписи.

Выше представлен лишь ряд наиболее спорных вопросов, возникших при исследовании здания. Следует учитывать обширное количество других, не менее запутанных и проблемных нюансов истории возведения и функционирования памятника: почему мечеть оказалась недостроенной, когда и при каких обстоятельствах строительство было прервано? и др. Массу вопросов вызывает архитектоника строения. Данные вопросы своими корнями восходят ко второй половине XIX — началу XX века — времени его первоначального научного освоения. В дальнейшем, несмотря на неугасающий интерес к зданию, большинство из них до настоящего момента остаются без твердо аргументированных ответов. Для поиска конкретных исчерпывающих решений представленных сюжетов требуется комплексное всестороннее исследование объекта культурного наследия, продолжение археологических работ на территории Судакской крепости, качественная архивная и историографическая эвристика.

Библиография

1. *Бертье-Делагард А. Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. Вып. 55. С. 1–44.
2. *Демидов А. Н.* Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное под руководством г-на Анатоля Демидова гг. Сансоном, Гюйо, Левелье, Раффе, Руссо, Нордманом и Дю Понсо. М.: Типография Семена, 1853. 543 с.
3. *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5–6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
4. *Карпович Е. Ф.* Судакская капелла: история одного архитектурного памятника // Известия Крымского отдела географического общества СССР. 1951. Вып. 1. С. 119–123.
5. *Кёптен П. И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1837. 409 с. Назв. обл.: «Крымский сборник».
6. *Кушнерев Х.* Судакская долина и вновь освященная Гунузская древняя капелла. Феодосия: Типография общества Де-Лобель, 1885. 18 с.
7. *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени / Крымский филиал Института археологии НАН Украины. Симферополь: Антикава, 2009. 334 с.
8. *Мурзакевич Н. Н.* Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. 1837. Ч. 13, № 3. С. 625–691.

9. *Мурзакевич Н. Н.* Поездки в Феодосию, Судак и Керчь // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 318–322.

10. *Смирнов В. Д.* Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // *Непомнящий А. А.* Подвижники крымоведения: в 2-х т. Симферополь, 2008. Т. 2: «TAURICA ORIENTALIA». С. 499–529. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 12).

11. *Юргевич В. Н.* Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 157–177.

12. *Юргевич В. Н.* Донесение о поездке в Крым // ЗООИД. 1875. Т. 9. С. 397–403.

13. *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей) // ВВ. 1928. Т. 25. С. 53–76.

Ю. М. Могаричев

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

К проблеме миссионерской деятельности крымских епархий в эпоху раннего средневековья

В эпоху раннего средневековья на Крымском полуострове функционировали пять епархий. Древнейшие — Боспорская и Херсонская, вероятно, были образованы в IV в. Появление Сугдейской, скорее всего, следует относить к середине VIII в., Готской — к концу VIII — началу IX в. Фульская епархия, очевидно, была образована в начале X в. Впервые все пять крымских церковных административно-территориальных единиц зафиксировала Not. VII (начало X в.) [Darrouzes 1981: 273–274]. Соответственно, до середины VIII в. на Таврическом полуострове действовали две епархии — Боспорская и Херсонская.

Отдельный аспект ранней истории Боспорской епархии — возможное активное участие или неучастие боспорских иерархов в миссионерской деятельности среди соседних народов. Источники позволяют говорить о существовании таких традиций в Херсонской епархии. Например, очевидно, в задачу херсонского иерарха, несомненно, входила деятельность по христианскому просвещению населения соседней страны Дори. Не случайно, в конце VII в. местный церковный глава именовался как епископ Херсона и Доранта [Могаричев и др. 2012: 356]. Через херсонского епископа Византия пыталась осуществить мероприятия по организации жизни христианских приходов в Хазарии. Сведения об этом содержатся в письмах константинопольского патриарха Николая Мистика [Сорочан 2012: 179–201].

Однако, в отношении миссионерской деятельности Боспорской епархии источники, как минимум прямые, отсутствуют.

Правда А. В. Гадлю и В. Н. Чхаидзе [Чхаидзе 2008: 290] отмечали, что в начале VI в. епископская кафедра в Фанагории была создана при посредничестве Боспорской епархии. Конечно такое предположение выглядит, в определенной степени логичным, но источники по данному вопросу молчат. Как нам представляется, появление кафедры в Фанагории свидетельствует именно об определенной слабости на тот

момент боспорской церковно-административной единицы. С большой долей вероятности можно утверждать, что Фанагория, являвшаяся частью Боспорского царства и центром Азиатского Боспора, с момента образования Боспорской епархии стала ее неотъемлемой частью. Выделение земель на азиатском берегу Боспора Киммерийского в отдельную церковную единицу скорее всего свидетельствовало или о невозможности боспорских епископов тогда контролировать эту территорию или о неверии Константинопольского патриархата в способность боспорских иерархов эффективно управлять христианскими общинами Азиатского Боспора. Конечно, вопрос: что заставило патриарха вычленить отдельный епископский центр в Фанагории (как вариант, необходимость формирования отдельной епархии для готов-тетракситов?) требует особого исследования всего комплекса исторических и религиозных процессов, протекавших в начале VI в. на Боспоре, однако выглядит очевидным, что в результате данного решения боспорская епархия лишилась значительной части своих приходов.

Напомним несколько сюжетов. Согласно Прокопию Кесарийскому (Война с готами. Кн. VIII. 4): «Рядом с теми местами, откуда начинается устье «Болота», живут так называемые готы тетракситы. ... Незадолго перед этим, а именно когда исполнился двадцать один год единодержавного правления Юстиниана, они прислали в Византию четырех послов, прося дать им кого-либо в епископы, потому что тот, который был священнослужителем, незадолго перед тем умер; они узнали, по их словам, что и абасгам император прислал священника. Император Юстиниан, очень охотно исполнил их просьбу, отпустил их. Эти послы вследствие страха перед гуннами-утигурами открыто, в присутствии многочисленных слушателей, говорили довольно туманно, из-за чего они пришли, и ничего другого не объявляли императору кроме просьбы о назначении священнослужителя» [Прокопий Кесарийский 1996: 20–24]. Как видим, у Прокопия нет даже намек, что в деле направления к готам-тетракситам, равно как и авасгам, священников какую-то роль играли церковные лица соседней с этими народами Боспорской епархии. По источнику выходит, что контакты между Константинополем и указанными племенами осуществлялись напрямую.

Вспомним историю гуннского правителя Грода, владения которого находились вблизи Боспора, отраженной в нескольких византийских источниках (основные — Иоанн Малала, Феофан, Иоанн Эфесский). Как известно, данный правитель, вероятно под влиянием византийских эмиссаров, решил стать христианином. Он прибыл в Константинополь, где был с почетом принят императором и крещен. Разумеется,

приняв новую религию, Грод стал вассалом империи. Недовольные действиями Грода гунны организовали заговор, убили его, напали на Боспор и перебили прибывший из Константинополя вместе с Гродом там византийский гарнизон. В ответ Юстиниан I отправил на берега Боспора Киммерийского карательную экспедицию, которая изгнала гуннов и утвердила византийский суверенитет над Боспором. Произошло это между 527 и 534 гг. Она получила достаточное освещение в историографии, что лишает нас необходимости ее детального разбора. При этом, из текстов явно следует из текстов: епископ Боспора, находившийся вблизи этих гуннов, никакого участия в их христианизации не принимал.

Отметим также, что Николай Мистик поручает заботу по обустройству христиан Хазарии не главе ближайшей к каганату Боспорской епархии, а более отдаленной — Херсонской.

Как нам представляется, молчание источников о миссионерской деятельности боспорских иерархов, во многом связано с тем, что территория епархии периодически попадала под власть неприятеля (гунны, тюрки, хазары?), соответственно, выходила из-под непосредственного контроля Константинополя и приходила в определенный упадок. В этом плане епископ Херсона, а город постоянно оставался византийским и стал центром имперских владений на полуострове, а иногда и на противоположном берегу Боспора Киммерийского, представлялся имперским политическим и религиозным функционером куда надежнее и перспективнее главы пусть и географически более близкой к потенциальным неофитам и даже не менее древней и авторитетной церковно-административной единицы. В этой связи отметим: источники позволяют предполагать изменение административно-территориального устройства (в данном случае мы не говорим о церковном) Боспора в конце VI в. Возможно, избавившись от тюркской угрозы (вторая половина 70-х — начало 80-х гг. VI в.), византийская администрация Таврики несколько корректирует свою систему управления территорией бывшего Боспорского царства. В юго-восточном Крыму место разрушенного тюрками города Боспора занимает новая крепость Сугдея. Управление же землями на Азиатском Боспоре осуществлялось с Таманского полуострова. Вероятно, вернуться к Боспору как административному центру византийцы были вынуждены, когда хазары закрепились на Азиатском Боспоре, то есть не ранее начала VIII в., а скорее всего, в середине этого столетия [Могаричев, Сорочан 2015: 161–162]. Более того, эпиграфические источники однозначно информируют, что в 590 г. земли Европейско-

го и Азиатского Боспора входили в состав дуката с центром в Херсоне [Могаричев, Сорочан 2015: 155]. Напомним, в середине IX — X вв., скорее всего, территория Боспора, до образования фемы Боспор (около 971–976 гг.), входила в состав именно фемы Херсон [Могаричев и др. 2017: 647].

Библиография

1. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Нартекс. *Byzantina Ucrainensis*. Т. 1. — Харьков: Антиква, 2012.
2. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б. Крым в «хазарское» время (VIII — середина X вв.): вопросы истории и археологии. — М.: Неолит, 2017.
3. Могаричев Ю.М., Сорочан С.Б. К вопросу об административно-территориальном устройстве Боспора во второй половине VI–VIII вв. // Добруджа. Вып. 30. — Добрич: Силистра, 2015. С. 161–162.
4. Прокопий Кесарийский. Война с Готами. О постройках / Пер. С. П. Кондратьева. — М.: Арктос, 1996.
5. Сорочан С. Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика // Хазарский Альманах. Т. 10. — Киев: Харьков, 2012. С. 179–201.
6. Чхаидзе В. Н. Тамарарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. — М.: Таус, 2008.
7. DARROUZES J. *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. — Paris: Institut Francais d' Etudes Byzantines, 1981.

В. Е. Науменко

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)*

Некоторые наблюдения над топографией и погребальной практикой христианских некрополей Мангупского городища (по материалам современных раскопок памятника)¹

На протяжении большей части средневековой истории Крыма, фактически до его османского завоевания в конце XV в., на территории Мангупского городища располагался кафедральный храм и резиденция иерарха Готской епархии (митрополии), объединявшей под своим началом христианское население всей горной части полуострова. Статус кафедрального центра Готской епархии стал одной из главных причин появления на городище множества христианских культовых объектов, раскопки которых всегда составляли особое направление археологического изучения памятника. На сегодняшний день, в пределах Мангупского плато, на его склонах и на территории близлежащих горных долин, всего известно 9 скальных и 18 наземных храмово-монастырских комплексов (Рис. 1). Безусловно, все они имеют разную степень изученности и опубликованности. Тем не менее, результаты этих раскопок позволяют довольно определенно судить об общей периодизации храмового строительства на памятнике [Герцен, Науменко, 2019, с. 150-158, 162-163].

Территория всех христианских церквей использовалась с момента их сооружения как место для совершения погребений. Рядом практически со всеми наземными храмами располагались внутригородские

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Основные этапы христианизации Мангупского городища в Юго-Западном Крыму: синтез исторических и архитектурно-археологических исследований» (проект №19-49-910007). Выражаем признательность А. Г. Герцену, руководителю Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В. И. Вернадского, за возможность самостоятельной публикации результатов раскопок памятника.

некрополи, которые являются важными источниками для изучения социокультурной истории памятника и в целом Юго-Западного Крыма в эпоху средневековья, а также реконструкции погребального обряда местной христианской общины.

Мангуп в этом смысле является своего рода эталонным археологическим памятником, так как здесь археологически изучены христианские погребальные конструкции значительного периода времени, от VI до XVI вв., и разных типов, которые, очевидно, характеризуют погребальные традиции и практику христианского населения всего региона. Однако, говоря об обилии известных погребальных сооружений на городище, необходимо сформулировать и главную проблему их современных исследований — слабость источниковой базы, что связано с низким уровнем полевой фиксации погребений в ходе раскопок второй половины XIX–XX вв., отсутствием системных исследований антропологического материала, вещественных находок и дальнейшей слабой опубликованностью результатов раскопок. В качестве примера отметим отсутствие до сих пор полной публикации результатов раскопок двух крупнейших некрополей Мангупского городища — вблизи Большой трехнефной базилики и церкви св. Константина, а также всех скальных гробниц на месте пещерных храмов и монастырей.

В этой связи настоящий доклад представляет собой первую попытку общей систематизации и анализа имеющихся данных о погребальных сооружениях и обряде христианского населения Мангупа. Представленные в нем выводы носят, очевидно, предварительный характер, основываясь, в том числе, на результатах современных исследований отдельных храмово-погребальных комплексов городища.

В ходе проведенного источниковедческого анализа установлено, что в процессе многолетних раскопок Мангупа были изучены либо просто описаны не менее 922 погребальных сооружений, которые можно соотнести с погребальной практикой местной христианской общины (Табл. 1). Несколько условно их можно разделить на четыре группы погребальных конструкций: склепы, в том числе мемориальные; гробницы; плитовые и грунтовые могилы. Общими для всех типов могил являются, пожалуй, два момента: традиционное для погребений христиан положение умершего — вытянутое трупоположение на спине с ориентацией головы на запад и многократность захоронений в одной и той же могиле.

Склепы. Открыты на площади четырех памятников — рядом с надвратной церковью в районе Главных крепостных ворот в балке Ка-

пу-дере и пещерной церковью на так называемой «площадке со склепами», а также в ходе раскопок «церкви 1967 г.» и «церкви 1968 г.». В последних случаях, очевидно, они носили мемориальный характер, так как были сооружены под апсидами храмов. В целом, все склепы являются внутрискальными археологическими объектами, прямоугольными либо овальными в плане, с коробовым сводом; вход всегда плотно закрывался каменной плитой.

Наиболее изученным, как представляется, на сегодняшний день, является мемориальный склеп под апсидой «церкви 1967 г.», состоящий из трех компонентов: прямоугольного дромоса, перестроенного из скальной гробницы-костницы; погребальной камеры с двумя нишами-лежанками с полуарочным сводом и дополнительного входа со стороны обрыва, закрывавшегося каменной плитой. Датировка склепа совпадает с общей хронологией церкви — конец XIII — начало XV в. [кратко о раскопках памятника см.: Герцен, Науменко, Душенко, Ганцев, Иожица, Набоков, 2019, с. 81-82].

Гробницы. Всего на территории Мангупа сейчас известно 186 погребальных сооружений этого типа, из которых примерно половина (88 гробниц) обнаружена на некрополе Большой трехнефной базилики и еще, по большей части, не издана [Бармина, 2017; здесь же приводятся статистические данные об исследованных погребальных конструкциях на территории памятника]. С базиликой связана еще одна терминологическая проблема. В публикациях авторы называют гробницами, скорее всего, погребальные конструкции, обложенные по периметру и перекрытые крупными известняковыми плитами, что внешне напоминает тип плитовой могилы. Трудно также сказать, возвышались ли такие гробницы над уровнем окружающей дневной поверхности или нет.

На всех других христианских могильниках Мангупа, в том числе внутри храмовых комплексов, большинство гробниц представляли собой вырубленные в скале сооружения с рельефными или в виде пониженной полки заплечиками для составных плит перекрытия. Их размеры, чаще всего: длина от 1,80 до 2,00, ширина от 0,50 до 0,70 м, глубина до 0,60-0,80 м. Преобладает прямоугольная форма гробниц, со скругленными углами. Однако, на некрополе церкви св. Георгия выявлены также гробницы «склепного типа» — с коротким дромосом-входом и погребальной камерой с коробовым сводом. Здесь же во время раскопок самого храма, по обеим сторонам от его входа, открыты гробницы с частичной каменной обкладкой их контура [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 78, 87-107, 115-136].

Еще один редкий тип скальной гробницы на Мангупе — отдельные крупные сооружения глубиной и шириной более 1,00 м, расположенные вблизи храмов или на территории их прихрамовых некрополей. Возможно, они выступали в роли «костниц» для перезахоронения извлеченных из могил костей.

Плитовые могилы. Одна из наименее изученных групп погребальных сооружений на городище. Всего на различных памятниках раскопано 17 подобных комплексов, из которых опубликована только одна плитовая могила из притвора крестообразного храма на юго-восточном склоне Мангупского плато [Мыц, 1990, с. 240, рис. 11,9]. Автор раскопок относит ее к периоду XIV-XVI вв., когда на территории заброшенного первоначального храма была построена однефная часовня и функционировал христианский некрополь с плитовыми и грунтовыми могилами. Плитовые могилы этого времени ориентированы по оси Ю-З — С-В, имеют прямоугольную форму (размеры: 0,60-1,95 x 0,27-0,55 x 0,15-0,20 м); стенки и перекрытия обложены плитками песчаника или мергеля. В каждой похоронено от 1 до 3 индивидов.

Грунтовые могилы. Составляют самую многочисленную группу христианских погребений на Мангупе (708 из 922 известных комплексов). К сожалению, большая часть из них (667 комплексов) происходит из некрополей вблизи Большой базилики и церкви Св. Константина, сведения о которых, как уже говорилось, пока не систематизированы [об общих итогах раскопок церкви Св. Константина см.: Герцен, Науменко, 2015]. Тем не менее, даже их отрывочный характер, вместе с новыми участками таких захоронений, открытых в последние годы на других памятниках городища, позволяет предварительно отметить ряд важных наблюдений об особенностях погребального обряда и его эволюции.

Прежде всего, надо сказать, что, с учетом особенностей формирования культурного слоя на Мангупском плато, маловероятным кажется активное использование данного типа погребальных сооружений на раннем этапе истории христианской общины Мангупа. Скорее всего, мощность слоя не позволяла совершать такие захоронения ранее X-XI вв. Позднее грунтовые погребения активно применяются в погребальной практике населения городища вплоть до начала XVII в., когда местная христианская община прекратила свое существование.

Раскопки на некрополе кафедральной базилики 1938 г. показывают широкое применение практики захоронений в деревянных гробах в XIII-XIV вв. [Тиханова, 1953, с. 354, 359, рис. 24].

Помимо этого, контуры могильной ямы традиционно обкладывались разномерным камнем либо крупными фрагментами керамики (обычно черепицы). Об этом ясно свидетельствуют исследования 2017 г. на грунтовом могильнике к юго-западу от «церкви 2015 г.», отличительной особенностью которого также являются полная безынвентарность погребений и преобладание детских (до 2-х лет) и юношеских (от 17 до 25 лет) погребений, без каких-либо следов насильственных повреждений и массовых патологий [Герцен, Науменко, Душенко, Ганцев, Набоков, 2018, с. 38]. Могильник датируется в пределах XV-XVI вв. и связан, вероятно, с маргинальной в социальном смысле группой христианского населения Мангупа, совершавшей свои захоронения в округе уже заброшенного храма.

Еще один необычный обряд погребений в грунтовых могилах зафиксирован в 2016 г. во время раскопок «базилики Маркевича» X в. в соседней с Мангупом Адым-Чокракской долине [общие итоги ее раскопок см.: Науменко, Иोजица, Набоков, 2017]. Здесь в северном нефе с колоннадой открыты три захоронения в возрасте от 6-7 месяцев до 16 лет, совершенные в период строительства храма и перекрытые затем плитовой вымосткой. В качестве обкладки одной из таких могил использовались целые формы керамид; в другой могиле на руке умершего найден медный филактерий и железный ключ.

В заключение, несколько слов об инвентаре христианских погребений. Безусловно, в целом он немногочислен; многие комплексы являются безынвентарными. Тем не менее, анализ этих находок требует постоянного совершенствования наших знаний об их узкой хронологии и назначении.

В этой связи, обратим внимание на группу целых керамических сосудов закрытых форм, обнаруженных в ходе раскопок скальных гробниц на площади некрополей у церкви св. Георгия и «церкви 2015 г.» [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, илл. 73,3; 81,3; 83,а,2; 83,б]. Все они происходят из нижних ярусов погребений, не тронутых во время более поздних подзахоронений или ограблений, и представляют собой до сих пор малоизвестный элемент погребальной обрядности, известный не только в Крыму, но и в целом из раскопок городских некрополей крупных византийских центров (Фессалоники, Афины и др.) [см., например: Poulou-Papadimitriou, Tzavella, Ott, 2012, p. 387, 400, 404, fig. 3, 7, 11, 1]. Датируются эти ярусы погребений на Мангупе, по сопутствующим находкам, в пределах конца XIII-XIV вв.

Таблица 1. Церковно-монастырские комплексы Мангунского городища с погребальными сооружениями

№ п/п	Церковный комплекс	Годы исследований	Дата	Погребальные сооружения			
				Склепы	Гробницы, в том числе костницы	Плитовые могилы	Грунтовые могилы
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Большая трехнефная базилика	1890, 1912-13, 1938, 1967-2005 гг.	VI-XV вв.		88	7	500
2	Церковь св. Константина	1853 (?), 1992-2000 гг.	XV-XVI вв.		2	6	167
3	Церковь св. Георгия	1890 (?), 1912-13, 2015-16 гг.	XV-XVI вв.		12		
4	Октагональный храм	1890, 1913, 1997-99 гг.	XV в.		1		
5	Крестообразный храм	1981 г.	X-XVI вв.		6	4	12
6	«Базилика Маркевича»	2012-16 гг.	X в.				3
7	Малая Южная Базилика	1967-68, 2016 гг.	конец XIII — XIV вв. (?)		9		
8	«Церковь 1967 г.» с некрополем на эспланаде цитадели	1853, 1912, 1933, 1966-67, 2018 гг.	конец XIII — XIV вв.	1	29		
9	«Церковь 1968 г.»	1968, 2019 гг.	конец XIII — XIV вв. (?)	1	10		
10	«Церковь 2005 г.»	2005 г.	конец XIII — XIV вв. (?)		1		

1	2	3	4	5	6	7	8
11	«Церковь 2015 г.» с грунтовым некро- полем XV-XVI вв.	2015-17 гг.	конец XIII — XIV вв.		5	1	26
12	«Церковь 2019 г.»	2019 г.	конец XIII — XIV вв. (?)		2		
13	Надвратная церковь со скальны- ми усыпальницами (склепами) в районе Главных крепостных ворот	1912-14, 1973, 2019 гг.	?	6			
14	«Гарнизонная церковь»	1912, 1973, 2019 гг.	2-я пол. XIV — сер. XV вв. XIV в.		9		
15	Северо-восточный пещерный монастырь	1938 г.			1		
16	Южный пещерный монастырь	1913, 1971-72, 2008 гг.	XV в.		4		
17	Северный пещер- ный монастырь	1912, 1975, 2019 гг.	XIV в.		4		
18	Пещерная церковь на «площадке со склепами»	1993-94 гг.	XII/XIII — XV вв.	2			
19	Дозорно-культурный комплекс под оконечностью м. Тешкли-бурун	1999 г.	X — XV вв.		3		
Всего: 922				10	186	18	708

Библиография

1. Бармина Н. И. Погребальные памятники Мангупской базилики // Причерноморье. История, политика, культура. Севастополь, 2017. Вып. XXII (VII). С. 91-97.
2. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К исторической топографии Мангупского городища: церковь Святого Константина // Международная научная конференция «II Свято-Владимирские чтения», посвященная 1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2015. С. 16-18.
3. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса-Федоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): коллективная монография /отв. ред. А.И. Айбабин. М.-СПб., 2017. 272 с., ил.
4. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Набоков А. И. Археологические исследования Мангупского городища // История и археология Крыма. Симферополь, 2018. Вып. VIII. С. 37-40.
5. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Сакральная топография Мангупа: история изучения, каталог и периодизация культовых памятников городища // Миры Византии. ХЕРСОНОС ТНЕМАТА. Вып. 2. Сборник научных трудов. Симферополь, 2019. С. 115-176.
6. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1967 г.», могильник Южный II // ИАК. Симферополь, 2019. Вып. XI. С. 79-90.
7. Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. №1. С. 224-242.
8. Науменко В. Е., Иожица Д. В., Набоков А. И. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012-2016 гг.) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича. Материалы конференции. Севастополь, 2017. С. 50-55.
9. Тиханова М. А. Базилика // МИА. №34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.-Л., 1953. С. 334-389.
10. Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial practices in Byzantine Greece: archaeological evidence and methodological problems for its interpretation // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe/ Archaeological and Historical Evidence. Kraców-Leipzig-Rzeszów-Warszawa, 2012. Vol. I. P. 377-428.

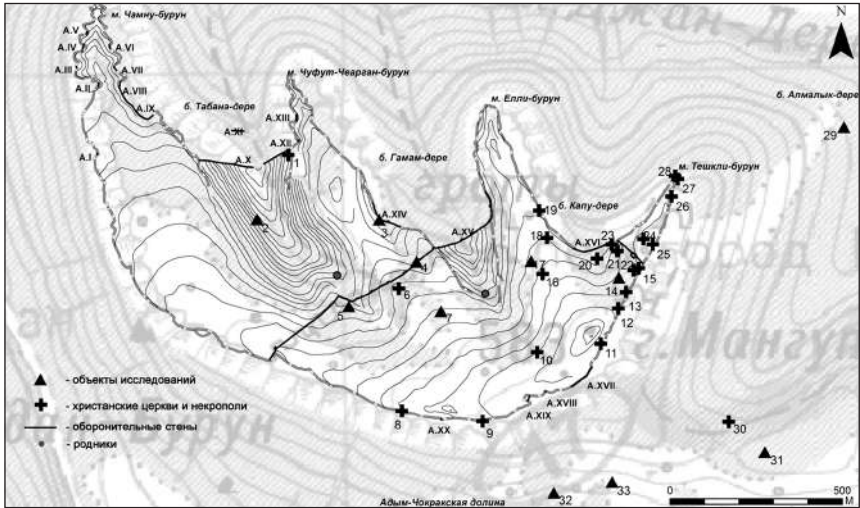

Рис. 1 - 1 - Северный пещерный монастырь; 2 - Караимский некрополь; 3 - Позднеримский некрополь в устье Лагерной балки; 4 - поселение в Лагерной балке; 5 - Синагога; 6 - Большая трехнефная базилика; 7 - Дворец правителей княжества Феодоро 1425-1475 гг.; 8 - алтарь в карстовой пещере МК-2; 9 - Южный пещерный монастырь; 10 - церковь Св. Константина; 11 - «Малая базилика»; 12 - «церковь 1968 г.»; 13 - пещерная церковь на «площадке со склепами»; 14 - Главная мечеть; 15 - «церковь 1967 г.»; 16 - «церковь 1969 г.»; 17 - мусульманское кладбище в верховьях Гамам-дере; 18 - церковь Св. Георгия; 19 - «церковь 2015 г.»; 20 - безымянная церковь в верховьях Капу-дере; 21-22 - скальный некрополь на эспланаде цитадели; 23 - надвратная церковь С усыпальницами в Капу-дере; 24 - октагональный храм; 25 - «церковь 2005 г.»; 26 - «Гарнизонная церковь»; 27 - пещерная церковь под оконечностью мыса Тешкли-бурун; 28 - Северо-восточный монастырь; 29 - Алмалыкский могильник; 30 - крестообразный храм; 31 - мусульманское кладбище на Мазар-тепе; 32 - могильник Южный-I; 33 - могильник Южный-II

Л. Ю. Пономарев

Благотворительный фонд «Деметра» (Керчь, Россия)

К изучению христианских некрополей ранневизантийского Боспора (по результатам охранных раскопок в 1986 г. на ул. Свердлова в Керчи)

Во второй половине VI — начале VII вв. на окраинах Боспора сформировалось несколько новых могильников, где в отличие от старых городских некрополей стали хоронить не в семейных склепах, а в плитовых и грунтовых могилах [Айбабин, 1993, с. 128, 130].

Первый могильник занимал обширную территорию на восточной оконечности г. Митридат, между скальными массивами Первое и Второе кресло Митридата на ее вершине и ул. Эспланадной и ул. Рыбакова на северо-восточном склоне. Возможно, он охватывал и южный склон горы, по крайней мере его верхний участок между Первым и Третьим Босфорскими раскопами В. Д. Блаватского, где были обнаружены небольшие группы погребений. А. И. Айбабин датирует некрополь второй половиной VI / началом VII — IX вв. [Айбабин, 1999, с. 141, 189], что, впрочем, не исключает в дальнейшем выделения более ранних его участков.

Второй могильник располагался на северном склоне г. Митридат, в районе ул. Крупской и прилегающего к ней участка ул. 23 Мая 1919 г. В 1950-е — 1990-е гг. здесь было выявлено несколько участков с плитовыми погребениями, инвентарь из которых (стеклянные сосуды и пряжки) позволяют датировать его в пределах второй половины VI — VII вв. [Засецкая, 2005, с. 112, кат. 35; Мацкевой, 1968, с. 99; Зинько, Пономарев, 2016, с. 123–124].

Два других плитово-грунтовых могильника (или, что вероятнее, два одновременных участка одного могильника) располагались на юго-восточной окраине Боспора. Наиболее ранний его участок локализуется в районе пересечения ул. 1-я Митридатская и пер. Клабукова, где в 1976 г. напротив Портовой больницы (ул. 1-я Митридатская, 47а) были открыты три плитовых могилы. Две из них оказались ограбленными, а одна — содержавшая богатое женское захоронение, да-

тируется инвентарем (серебряные браслеты, пальчатые фибулы типа Удине-Планис и орлиноголовая боспорская пряжка, золотые серьги с витым кольцом и многогранником, инкрустированным гранатами, пять бусин и стеклянный колбообразный сосуд) второй половины VI в. [Холодков, 1991, с. 35; Айбабин, 1999, с. 100].

Второй, более поздний участок этого некрополя локализован у юго-восточной подошвы г. Митридат примерно между пер. 2-й Босфорский и зданием Керченского музея по ул. Свердлова, 22. Занимаемая им территория находится под современной городской застройкой и предварительно маркируется в пределах ул. Свердлова (между домами № 22 и № 44), северо-восточной оконечности ул. Айвазовского, пер. 1-й Босфорский и прилегающего к нему участка ул. 1-я Митридатская. Обнаружен он в 1956–1957 гг. во время прокладки городских коммуникаций по ул. Свердлова. На изголовной плите одной из разрушенных могил была вырублена ниша с крестом. В 1958 г. 14 плитовых и грунтовых могилы обнаружены С. А. Семеновым, В. П. Азаровым и В. Э. Куниным в котловане под дом № 9 на углу ул. Свердлова и ул. Айвазовского. В 1959 г. более десятка плитовых могил обнажилось в траншее, на пересечении ул. Свердлова с пер. 1-й Босфорский и ул. Айвазовского. Еще 12 погребений были исследованы во дворе Керченского музея. В 1971 г. две грунтовые могилы с плитовым перекрытием открыты Н. В. Молевой на ул. Свердлова недалеко от здания музея [Зинько, Пономарев, 2016, с. 124]. В 2007 г. по ул. 1-й Митридатской (на месте дома № 26) А. Л. Ермолиным были раскопаны еще 26 могил, датированных второй половиной VII в. [Ермолин, Столяренко, Федосеев, 2011, с. 331–332].

В 2007–2009 гг. обширный участок могильника был раскопан экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А. И. Айбабина в пер. 1-й Босфорский. В процессе раскопок было открыто 99 могил, в том числе плитовых — 27, грунтовых — 33, грунтовых погребений, борта которых частично выложены камнями или плитами — 16. На некоторых плитах были высечены кресты [Айбабин, Хайрединова, 2015, с. 354–378; Айбабин, Хайрединова, 2018, с. 33–53]. Большая часть погребенных ориентирована головой на запад и юго-запад, в остальных случаях зафиксировано положение на север, восток и северо-восток. В мужских погребениях обнаружены железные трапециевидные пряжки, бронзовые пряжки типа «Сиракузы», кресала, кремни, шилья, монеты, бронзовые крючки, перстни, серьги, браслеты и другие мелкие изделия. В женских погребениях — пряжки типа «Сиракузы», браслеты,

серьги, кольца, перстни и бусы [Хайрединоva, 2013, с. 287–295; Хайрединоva, 2014, с. 442–460; Хайрединоva, 2016, с. 242–265]. Погребальный инвентарь, включая фоллис Юстина II (577–578) и пряжки типа «Сиракузы», позволил датировать могильник VII–VIII вв.

К сожалению, исследованные ранее участки могильника опубликованы не были. К их числу относится и небольшой его участок, раскопанный в декабре 1986 г. сотрудниками Керченского музея В. Н. Холодковым и С. А. Шестаковым. Могилы были обнаружены в траншее водопровода по ул. Свердлова между домами №№ 26 и 44. Всего удалось расчистить 11 плитовых могил, часть из них были частично разрушены экскаватором. Ниже погребений залегал культурный слой с находками позднеантичного и ранневизантийского времени.

За исключением могилы № 2, ориентированной в направлении запад-восток, остальные плитовые могилы были ориентированы в направлении ЮЗ-СВ. В плане они имели прямоугольную или трапециевидную форму и за исключением количества использованных в конструкции плит, ничем не отличались друг от друга. С торцевых сторон обычно устанавливали по одной плите, а с продольных от двух до семи плит. В одной из могил в изголовье было установлено две плиты. С лицевой стороны и по граням их отесывали, а с тыльной стороны иногда ограничивались грубой обколкой. Изредка вместо плит использовали необработанные уплощенные камни. В продольных плитах одной из могил были вырублены вертикальные пазы для установки в них торцевой плиты. Перекрытие полностью сохранилось только в одной могиле (№ 1). Состояло оно из четырех плохо обработанных плит.

За исключением одного погребения, в остальных могилах совершены одиночные захоронения мужчин, женщин и детей. Они уложены головой на юго-запад, на спине в вытянутом положении. В могиле № 2 погребенный был уложен головой на восток, что также практиковалась христианами в это время, в том числе и на Боспоре [Амброз, 1994, с. 67; Блаватский, 1962, с. 32–38, 49–51, 65, 72, 73]. В тех случаях, когда скелеты сохранились полностью и позу погребенных удалось проследить, их нижние конечности были вытянуты по оси туловища, иногда слегка согнуты в коленных суставах. Верхние конечности, обычно, были вытянуты вдоль туловища, и только в одном случае согнуты в локтевых суставах и сложены на тазовых костях. В могиле № 1, раскопанной С. А. Шестаковым, было совершено коллективное (последовательное) захоронение. В анатомическом порядке частично сохранились два скелета. Погребенные были уложены друг на друге

в вытянутом положении, на спине (Рис. 1). Помимо них в изголовье могилы были уложены еще пять черепов и отдельные кости, принадлежащие другим индивидам. Очевидно, эта могила использовалась одной семьей на протяжении длительного времени.

Несколько могил оказались безинвентарными, но в одну из них попала черепица VI–VII вв. В женских погребениях найдены аксессуары одежды и украшения. К примеру, в могиле № 3 оказались два бронзовых браслета и янтарные бусы, а в могиле № 2 — два железных браслета и ожерелье, состоящее из стеклянных бусин, колокольчиков и подвески из медного сплава. В мужских захоронениях (могилы №№ 4, 7) обнаружены бронзовая пряжка типа «Сиракузы», железная трапециевидная пряжка и плохо сохранившийся железный предмет в виде топорика. Кроме того, в могиле № 9, половую принадлежность погребенного в которой определить не удалось, среди остатков ткани были найдены три монеты Тиберия Маврикия (582–602), одна из них с надчеканкой императора Ираклия (610–641) [Иванина, Куликов, Холодков, 2006, с. 156–157, № 16]. Находки из могил позволяют датировать исследованный в 1986 г. участок некрополя VII в.

Библиография

1. Айбабин А. И. Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
2. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Плитовые могилы с высеченными крестами из раннесредневекового могильника Боспора // БИ. 2015. Вып. XXXI.
4. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Ранневизантийский некрополь Боспора // АДСВ. 2018. Вып. 46.
5. Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
6. Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. 1962. № 103.
7. Ермолин А. Л., Столяренко П. Г., Федосеев Н. Ф. Охранные исследования под строительство здания музея по ул. Свердлова, 24 // Научный сборник Керченского заповедника. 2011. Вып. III.
8. Засецкая И. П. Хронология стеклянных колбообразных сосудов из боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов // БИ. 2005. Вып. X.

9. *Зинько А. В., Пономарев Л. Ю.* К топографии ранневизантийского Боспора и его плитово-грунтовых могильников // БИ. 2016. Вып. XXXII.

10. *Иванина О. А., Куликов А. В., Холодков В. Н.* Византийские монеты VI–VII вв. в собрании Керченского заповедника (к истории денежного обращения в Таврике в эпоху раннего средневековья) // Научный сборник Керченского заповедника. 2006. Вып. I.

11. *Мацкевой Л. Г.* Из археологических работ Керченского музея // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. Вып. 2.

12. *Хайрединова Э. А.* Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // БИ. 2013. Вып. XXVIII.

13. *Хайрединова Э. А.* Перстни и кольца раннесредневекового времени из Керчи // БИ. 2014. Вып. XXX.

14. *Хайрединова Э. А.* Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // БИ. 2016. Вып. XXXIII.

15. *Холодков В. Н.* Комплекс раннесредневековой могилы из Керчи // Проблемы археологии и истории Боспора. К 165-летию основания Керченского музея древностей. Тезисы докладов юбилейной конференции 13–19 октября 1991 года. Керчь, 1991.

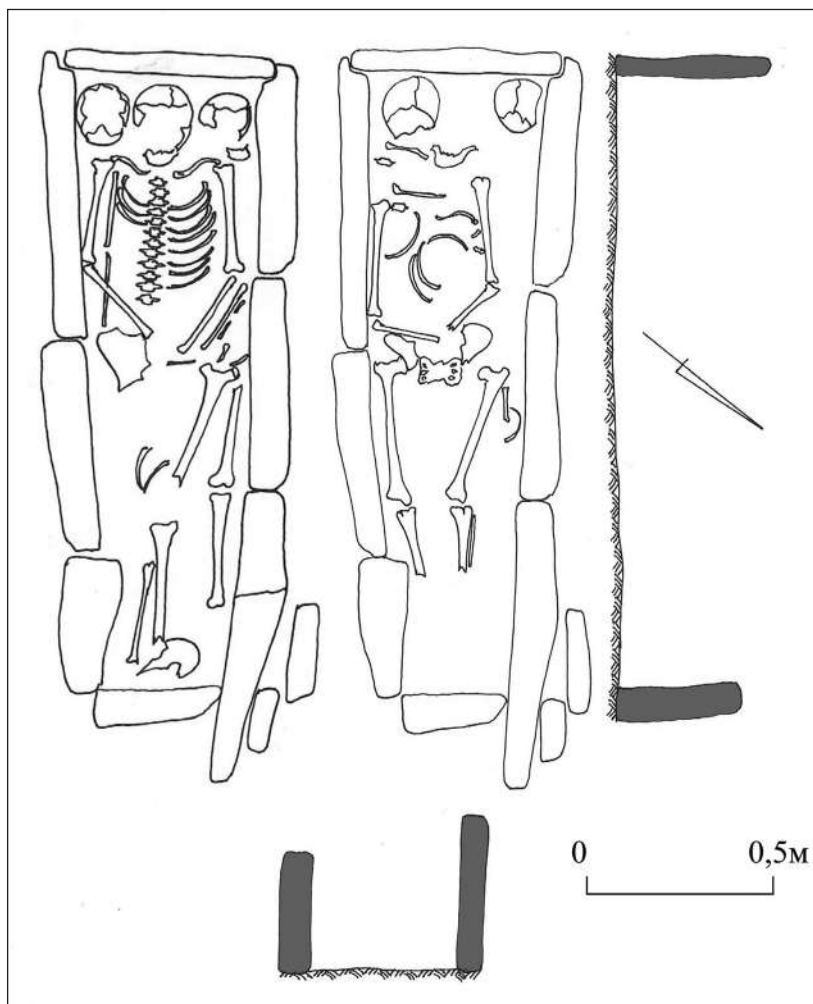

Рис. 1. Могила № 1. Планы и разрезы

Т. А. Прохорова

ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия)

**Об одном снимке из фотофонда
государственного музея-заповедника
«Херсонес Таврический»: к истории
отношений П. А. Виноградова
(архимандрита Порфирия)
и К. К. Косцюшко-Валюжинича**

Жизнь и деятельность первого заведующего раскопками и музеем в Херсонесе Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича (1847–1907) являет собой пример беззаветного служения избранному ремеслу. В истории исследований и музейного дела было немало преданных Херсонесу людей – тех, кто не только безусловно был верен ему, но и сохранял с Херсонесом связь до конца. Благодаря деятельности К. К. Косцюшко-Валюжинича последнее десятилетие XIX века стало тем временем, когда окончательно были сформулированы и получили воплощение основные положения «херсонесской идеи», а именно: систематические раскопки под государственным контролем, сохранение и защита памятников, и, что особенно важно, — формирование локального археологического собрания, создание и развитие местного музея.

Среди многочисленных заслуг перед Херсонесом, коими знаменательна деятельность Карла Казимировича в должности заведующего раскопками и музеем, многие исследователи отмечали непростые, граничащие с противоборством, отношения с администрацией и братией Херсонесского монастыря, область хозяйствования которого находилась непосредственно на руинах древнего города. В некоторых работах, посвященных истории раскопок и музея, разногласия между руководством монастыря и руководителем раскопок названы войной [Гриневиц, 1927, с. 23–38; Романчук, 2007, с. 22–25, 349–352, 364–365]. Справедливо будет заметить, что выявление новых архивных материалов и их детальное изучение доказывают обратное – далеко не всегда и далеко не со всеми церковниками у К. К. Косцюшко-Валюжинича складывались откровенно враждебные отношения. Напро-

тив, руководитель раскопок обнаруживает дипломатические способности в решении острых конфликтных ситуаций. Так было и в период 1895–1896 гг., когда ситуация в отношениях с монастырем достигла критического накала из-за запрета К. К. Косцюшко-Валюжинича разбивки монастырского виноградника в 1895 г. и в связи с его раскопками на площади у Владимирского собора в 1896-м. Достигнутый компромисс доказал состоятельность добрососедских отношений между 1411 сторонами и продемонстрировал их заинтересованность в благополучном решении спорных вопросов [Шаманаев, 2008, с. 301–314]. Более того, у Карла Казимировича сложились приятельские отношения с некоторыми членами монастырской братии. Ярким примером тому служила его дружба с Павлом Александровичем Виноградовым (отцом Порфирием), который проживал в Херсонесском монастыре в течение пяти лет – с 1899 по 1904 годы.

Павел Александрович был одним из 14 детей протоиерея Владимирского Успенского собора Александра Ивановича Виноградова. В 1884 г. он окончил Владимирскую духовную семинарию, в 1889 г. – Московскую духовную академию, а уже в 1890 г. принял постриг с именем Порфирий с благословения и от руки Высокопреосвященного Феофоста, Архиепископа Владимирского. Тогда же иеромонах Порфирий обнаруживает и интерес к познанию древностей, изучает историю Владимирских храмов, работает над книгой «Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и погребенные в них князья и святители». Следующие четыре года иеромонах Порфирий пребывал в должности инспектора Орловской и Тульской духовных семинарий, после чего в 1894 г. он получил сан архимандрита и был направлен на должность ректора Таврической духовной семинарии в г. Симферополь, где оставался в течение последующих четырех лет. А уже в 1899 г. он поселился в Херсонесском Свято-Владимирском монастыре.

Здесь, надо полагать, он завязал знакомство с руководителем раскопками и музеем в Херсонесе Карлом Казимировичем Косцюшко-Валюжиничем, который, в свою очередь, был знаком и с отцом нашего героя, протоиереем Успенского собора г. Владимира А. И. Виноградовым. В семейном архиве Виноградовых по сей день хранятся старинные фотографии, три из которых были сделаны в Севастополе, в Херсонесском монастыре. Интерес вызывает фотография, где на фоне разрушенной стены запечатлен архимандрит Порфирий. На оборотной стороне этого фотоснимка сделана надпись: «Глубокоуважаемому и сердечно-любимому отцу Архимандриту Порфирию от

заведующего раскопками в Херсонесе К. Косцюшко-Валюжинича». И ниже: «Херсонес 12-го ноября 1903 г. Драгоценные руины древнейшего в Херсонесе баптистерия. Подробное описание с планом и рисунками помещено в вып. 4-м «Извест[ий] Импер[аторской] Археол[огической] Комиссии», с. 73–96»¹.

Непродолжительные поиски в фонде фотодокументов позволили выявить вышеупомянутое фото и в архивном собрании музея-заповедника. Фотография была сделана со стеклянного черно-белого негатива, размерами 13 × 18 см. Автор снимка — Вадим Николаевич Рот, приходившийся зятем К. К. Косцюшко-Валюжиничу и делавший для Херсонесского музея фото предметов и раскопок. Описываемый объект был внесен в учетные документы музея в ходе инвентаризации архива, которая проводилась в послевоенные годы, негативу был присвоен номер 24 по первой книге негативов. Личность монаха, изображенного на снимке, так и не была идентифицирована. Снимок датирован 1901-м годом. Как видно, налицо расхождение в научной атрибуции данного снимка, исправить которые позволил сохранившийся семейный архив Виноградовых.

В 1904 г. архимандрит Порфирий покинул Крым и поселился в Боголюбовском монастыре. Среди материалов переписки К. К. Косцюшко-Валюжинича, отложившихся в научно-архивном отделе Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», сохранилось также письмо Павла Александровича Виноградова (отца Порфирия), отправленное из Боголюбова монастыря и датированное 30 августа 1904 г. Писал он следующее: «Площадь монастырская вся может быть вскрыта с соблюдением, конечно, постепенности в этом, чтобы не было препятствия движению жизни в монастыре. Физиономия монастыря только бы выиграла от того, если бы повсюду в монастыре обнаружены были древние постройки, т. е. остатки их. [...] Дивную бы воистине картину представлял Херсонесский монастырь среди раскопок древнего города!». Исходя из этого небольшого отрывка и общего содержания письма, становится понятным, что же послужило возникновению добрых дружеских чувств между этими двумя людьми.

---

¹ Благодарим заместителя генерального директора по развитию Владимир-Суздальского музея-заповедника КАПУСТКИНА Александра Сергеевича за помощь в подготовке данной статьи и за предоставление сведений из семейного архива Виноградовых во Владимире. Особую благодарность выражаем членам семьи Виноградовых и генеральному директору Владимир-Суздальского музея-заповедника МЕЛЬНИКОВОЙ Светлане Евгеньевне за привлечение нашего внимания к данной теме.

ми — человеком науки и человеком церкви, а именно: единый взгляд на проведение раскопок в Херсонесе, уважительное отношение к делам обоих ведомств – археологического и духовного, и, наконец, единое понимание общемирового значения Херсонеса как христианской святыни и памятника древней истории. В заключении Порфирий пишет: «А у нас мелочная амбиция (лиц, обязанных бы учесть смиренности) не щадит ни научных трудов, ни почтенной седины. На Херсонес они смотрят как на место своих дачных прогулок, коим, впрочем, иногда москиты препятствуют. Ну, уже ради этих строк не полагайте мое письмо это с документами, или вычеркните их. Я, впрочем, особенно-то ничего не боюсь...» [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 44. Л. 92–93].

В 1905 г. архимандрит Порфирий (Павел Виноградов) задумал совершить путешествие к местам прежней службы и посетить Тулу, Орел, Симферополь, Херсонес. Однако смерть в результате несчастного случая помешала исполнить задуманное. Он умер 18 марта 1905 г. и был похоронен в Харькове.

Не подлежит сомнению, что основание монастыря в Херсонесе, на месте крещения киевского князя Владимира, в большой мере определило судьбу обители; явным было и то, что начало регулярных археологических исследований Херсонеса явилось естественным проявлением возросшего интереса в русском обществе к историческим местам, в том числе памятникам и предметам старины, которые были обнаружены на территории древнего города. К осознанию этого пришел не только руководитель раскопок, но и члены монастырской братии, и среди них – Павел Александрович Виноградов (отец Порфирий).

Библиография

1. *Гриневич К.Э.* Сто лет Херсонесских раскопок. (1827–1927): Исторический очерк с экскурсионным планом. Севастополь, 1927. 51 с.
2. Письмо Архимандрита Порфирия К.К. Косцюшко-Валюжиничу по поводу раскопок на монастырской площади. 30 августа 1904 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 44. Л. 92–93.
3. *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы : [в 2 частях]. Ч. 2. Византийский город. Екатеринбург, 2007. 664 с.
4. *Шаманаев А. В.* Раскопки Херсонеса и монастырь Св. Владимира: компромисс интересов (на примере Согласительного акта 1896 г.) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 9. Екатеринбург, 2008. С. 301–314.

Д. Пьери

Французский институт Ближнего Востока (Бейрут, Ливан)

М. Казанский

Национальный центр научных исследований (CNRS, Париж, Франция)

А. В. Мастыкова

Институт археологии РАН (Москва, Россия)

Ранневизантийский монастырь Святого Симеона Столпника (Северная Сирия): металлические предметы из сооружений на *Via Sacra*

В 2007 — 2010 гг. французская археологическая миссия проводила раскопки в монастыре Святого Симеона Столпника в Северной Сирии (Кал'ат Сам'ан / Qal'at Sem'an) [Pieri, 2009; о работах предыдущих лет см.: Biscop, Sodini, 1983; 1989; Blanc, Biscop, Orssaud, Sodini, 1996]. Основные работы велись в термах и на улице, ведущей в монастырь, *Via sacra*, по которой паломники поднимались к санктuariю. У входной арки (построена на рубеже V–VI вв.) примерно в 400 м от санктuariя, в «торговой» зоне, где располагались лавки и базар, была исследована часть улицы, застроенная сооружениями, располагавшимися плотно одно к другому. Эти прямоугольные каменные здания под черепичной крышей — одноэтажные, с небольшим палисадником при входе и с задним огороженным двором, состоят из одного помещения, реже из двух. Всего в 2007 — 2010 гг. раскопано шесть таких комплексов (VS 01 — VS 06). Это были, видимо, лавки, обслуживавшие паломников, в них обнаружено большое количество монет (в сооружении VS 03 — 363 экз., в VS 05 — 553 экз.), что дает надежную опору для хронологии найденных в них предметов из металла [металлические находки из раскопок предыдущих лет опубликованы: Kazanski, 2003]. Наибольшее количество металлических вещей происходит из сооружений VS 01 и 02, располагавшихся непосредственно около арки.

Сооружение VS 01, судя по находке африканской лампы типа IB и монетам Анастасия и Юстина I, было построено на рубеже V–VI вв., когда была воздвигнута и входная арка. Сооружение погибло в большом пожаре в конце VI в. или, скорее всего, в первые

десятилетия VII в., о чем свидетельствуют обнаруженные в верхних слоях сооружения монеты Маврикия, чеканенные в Антиохии в 586 — 587 гг., а также золотая серьга (Рис. 1, 8), имеющая параллели в известном кладе в Ламбусе (клад № 2) на Кипре, в котором подобные серьги находились вместе с монетами 602 — 605 гг. и 613 — 629/630 гг. [Stylianou, 1969, fig. 45]. Не противоречат такой дате и находки пряжек в помещении VS 01 (Рис. 1, 1–4), типичные для развитого VI — раннего VII в. Показательно, что в помещении найдены культовые христианские подвески (Рис. 1, 6, 7) и браслет с христианскими изображениями (Рис. 1, 9). Наличие в помещении VS 01 грузиков-экзагивов (Рис. 1, 11–13) может свидетельствовать о его торговом назначении. Не исключено, что пожар и прекращение функционирования данного сооружения связаны с какими-то военными событиями, поскольку здесь был обнаружен наконечник стрелы — находка редкая для *Via sacra* (Рис. 1, 10).

Сооружение VS 02, соседнее с предыдущим, функционировало, судя по находкам (в том числе 78 монет), с начала VII в. и по начало VIII в., сперва как место приема паломников, затем, уже в исламское время, как стойло для животных. Это сооружение использовалось дольше, чем соседняя постройка VS 01, вплоть до эпохи Аббасидов. К ранней фазе существования помещения, помимо монеты Ираклия 613 — 614 гг. и керамики (африканская краснолаковая керамика, местные северосирийские амфоры, *Late Roman Amphora 1B*) относятся металлические предметы, в том числе связанные с христианским культом — две подвески и два нагрудных креста (Рис. 2, 1–4). Такие кресты с пятью циркульными композициями на ветвях и перекрестье, иногда с более широкими концами ветвей, как в нашем случае (кресты с такой формой еще называют мальтийскими), широко распространены в Восточном Средиземноморье. Они известны в Палестине (Иерохон, Бейт Анун / Beit' Anun, Анаб эль-Кабир / 'Anab el-Kabir, Кесарии Приморской / Caesarea Maritima), в Малой Азии (Элеуса Себаста / Elaiussa Sebaste), в материковой Греции (Азорос / Azoros) и т.д. Подобные кресты с циркульным декором распространялись и в Крыму (Херсонес, Горзувиты, Эски-Кермен, Судак-II) [Мастыкова, 2019, с. 66–68, там же библиография].

Сооружение VS 03 функционирует с первой трети VI в., о чем свидетельствуют монеты Юстиниана из ателье Антиохии, Карфагена и Константинополя. Второй уровень помещения дал монеты Маврикия Тиберия 593 — 594 гг. Наконец, в слое разрушения были найдены явно более ранние монеты Юстиниана и вандалов (король Хильде-

рих — 523–530 гг.), а также керамика конца VI — первой половины VII в., в частности кипрская краснолаковая Hayes 10B. Показательно, что среди металлических предметов был найден еще один нагрудный крест (фрагментированный), аналогичный двум крестам из сооружения VS 02 (Рис. 2, б).

Скорее всего, все эти сооружения были оставлены и частично подверглись разгрому во время сасанидского нашествия 612 — 613 гг., когда все византийские территории на Ближнем Востоке были на долгое время захвачены Ираном. Значительное количество предметов христианского культа, найденных здесь, например, евлогии (Рис. 3), вне всякого сомнения, связано с функционированием сооружений на Via sacra, как места приёма паломников.

Библиография

1. Мастыкова А. В. О находках металлических крестов на средневековом могильнике Горзувиты на Южном берегу Крыма // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 6. С. 64–80.
2. Biscop J.-L., Sodini J.-P. Travaux récents au sanctuaire syrien de Saint-Syméon-le Stylite // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres. 1983. Vol. 127/2, P. 335–372.
3. Biscop J.-L., Sodini J.-P. Travaux à Qal'at Sem'an // Actes du XIe Congrès International d'Archéologie Chrétienne. Rome, 1989. P. 1675–1694.
4. Blanc P.-M., Biscop J.-L., Orssaud D., Sodini J.-P. Découvertes récentes à Qal'at Sem'an // Actes du XIIe Congrès International d'Archéologie Chrétienne. Bonn, 1996. P. 348–368.
5. Kazanski M. Qal'at Sem'an. IV: Rapport final, 3: Les objets métalliques (Bibliothèque archéologique et historique). Beyrouth, 2003.
6. Pieri D. Saint-Syméon-le-Stylite (Syrie du Nord): les bâtiments d'accueil et les boutiques à l'entrée du sanctuaire (note d'information) // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2009. Vol. 153/4. P. 1393–1420.
7. Stylianou A., Stylianou I. The Treasures of Lambousa. Nicosia, 1969.

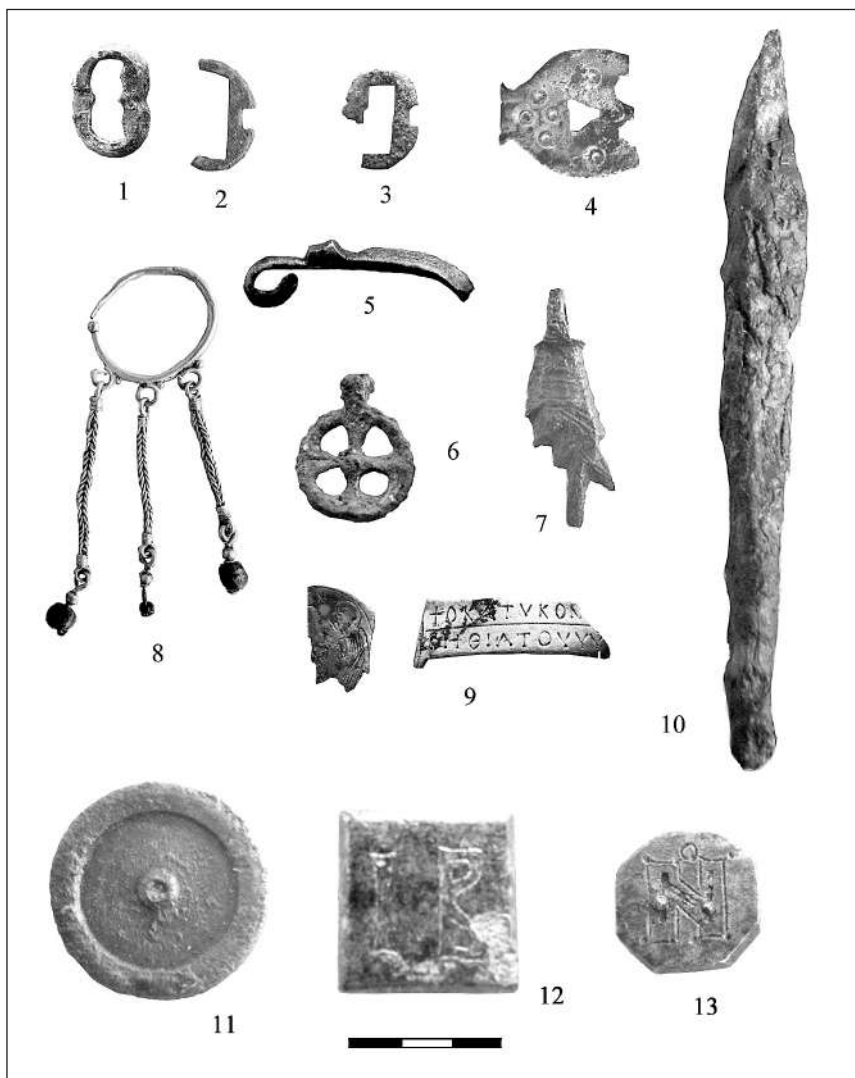

Рис. 1. Некоторые находки из сооружения VS 01

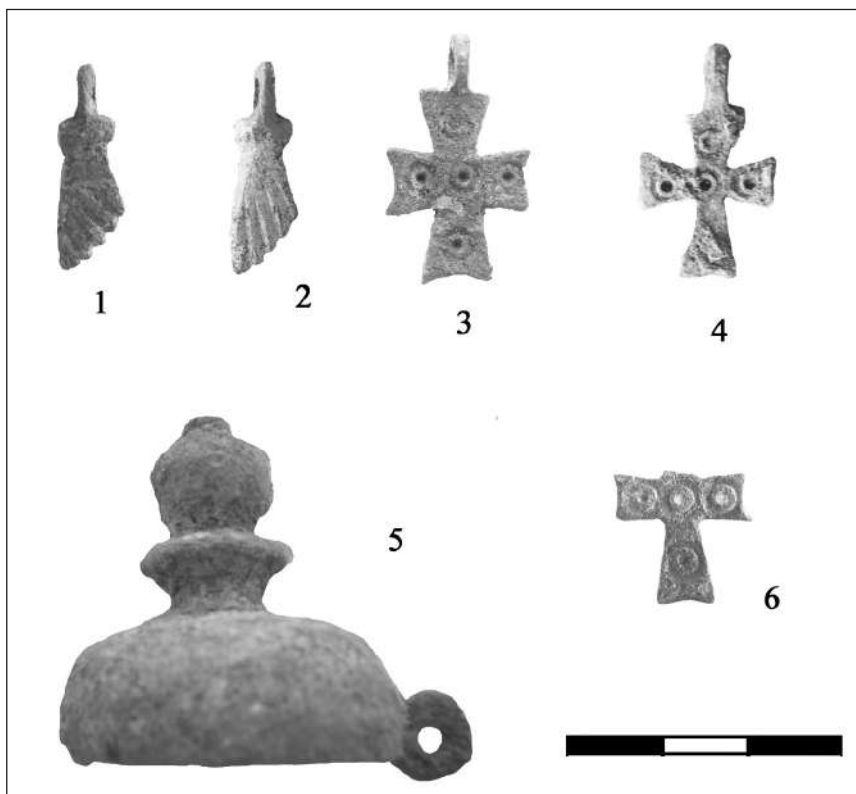

Рис. 2. Некоторые находки из сооружений VS 02 (1-5) и VS 03 (6)

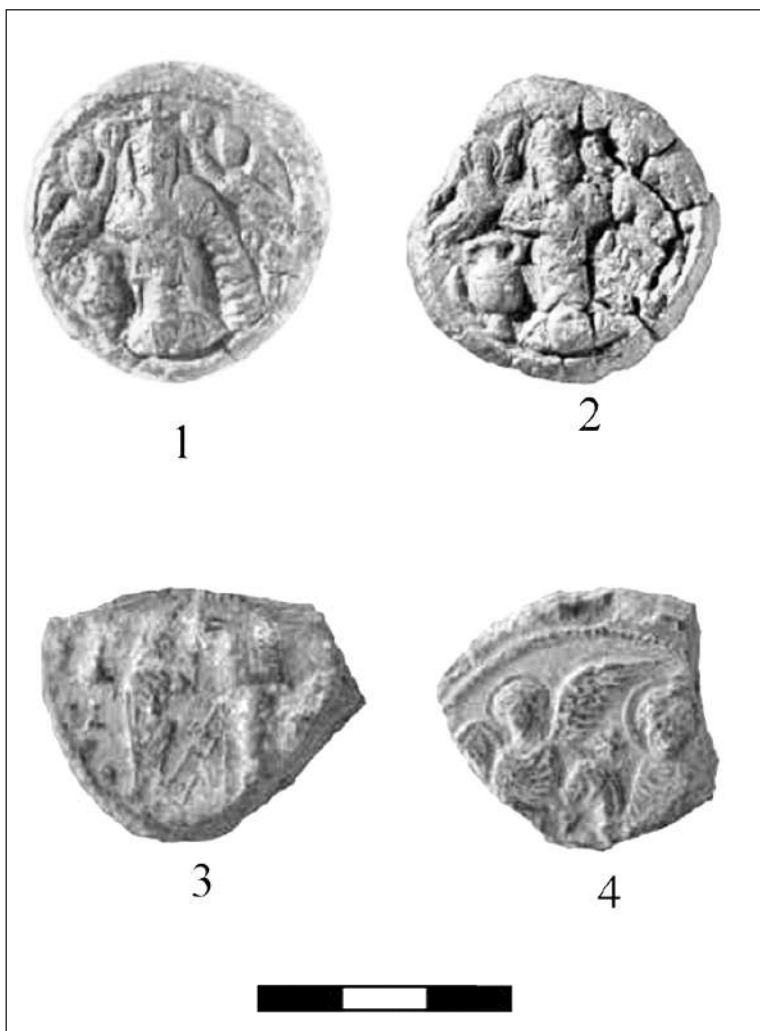

Рис. 3. Евлогии из раскопок на *Via sacra*

В. Ю. Радочин

*Научно-исследовательский центр Истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)*

К вопросу о населении Эски-Кермена по материалам раскопок позднесредневековой часовни (антропологический аспект)¹

Городище Эски-Кермен, площадью 8,5 га, находится в Бахчисарайском районе, в 5 км юго-западнее села Залесное, на плато столовой горы.

Впервые результаты антропологических исследований из погребений Эски-Кермена были опубликованы Григорием Ивановичем Петровым по результатам экспедиции 1928-1929 гг. под руководством Николая Ивановича Репникова. В работе содержатся данные, полученные из погребений VI в. на могильнике и из средневековых захоронений, найденных на городище [Петров, 1935, с. 12-16]. В исследовании, посвященном антропологическому составу населения средневековых городов Крыма, Георгий Францевич Дебец, наряду с другими данными, использовал краниологические материалы из усыпальниц Эски-Кермена [Дебец, 1949, с. 333-386]. В 1973 г. Галина Пантелеймоновна Зиневич в своей работе «Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма», приводит данные исследованной ею серии черепов из могил XII — XIII вв., находившихся в жилых кварталах Эски-Кермена [Зиневич, 1973, с. 93-139]. В перечисленных публикациях авторы сосредоточили свое внимание на морфологическом облике жителей городища и выяснении удельного веса различных этнических компонентов, вошедших в состав населения крымских средневековых городов.

В 2007 г. в ходе археологических исследований позднесредневековой часовни под руководством Александра Ильича Айбабина и Эльзары Айдеровны Хайрединовой на плато Эски-Кермен был получен

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ №20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

антропологический материал из четырех погребальных сооружений.² Часовня, возведенная в IX в., располагается в одном из жилых кварталов, примыкающих к главной улице, напротив пещерного каземата V (Рис. 1) [Айбабин, Хайрединова, 2011, с. 422].

Могила 1 была вырублена в скале с небольшим подбоем под основанием южной стены и ориентирована по оси СЗ-ЮВ. Из могилы получены костные останки, соотносящиеся с 13 погребенными (2 взрослых индивидуума и 11 детей). Восемь погребенных детей умерло в возрасте до 1 месяца, костные останки троих соотносятся с возрастом 5-6 месяцев. Нужно отметить, что детские костяки, находящиеся в верхних ярусах могилы, не сохранили анатомического положения. На фрагментах одного детского черепа отмечен поротический гипертрофиз внутренних стенок глазниц. Два взрослых индивидуума были захоронены в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. У обоих погребенных правая рука была вытянута по продольной оси, левая согнута в локтевом суставе. Пол одного из погребенных определяется, как мужской, возраст соотносится с 45-50 годами. Из патологических изменений отмечены утрата зубов, кариозные поражения, энтезопатия надколенников, остеофитоз грудных позвонков, спондилоз и узлы Шморля на поясничных позвонках.

Степень сохранности костного материала не позволила определить пол второго взрослого индивидуума, возраст которого соотносится с 25-35 годами. Из патологических изменений отмечены утрата нескольких зубов на обеих челюстях, узлы Шморля и остеофитоз поясничных позвонков.

Могила 2 была вырублена в скале и ориентирована по оси СЗ-ЮВ. В могиле, головами на северо-запад в вытянутом положении на спине, были захоронены три индивидуума. У всех погребенных обе руки были согнуты в локтевых суставах. Пол одного погребенного определяется как мужской, возраст соотносится с 17-18 годами. Из патологических изменений отмечено О-образное искривление бедренных костей. Пол второго, с большой вероятностью, определяется как мужской, возраст соотносится с 35-40 годами. Из патологических изменений отмечен спондилоз поясничных позвонков и тяжелый деформирующий артроз тазобедренных суставов. Сохранность костного материала третьего погребенного позволила лишь по одонтологическим признакам определить приблизительный возраст захороненного, который соотносится с 20-25 годами.

² Автор выражает глубокую признательность А. И. Айбабину и Э. А. Хайрединовой за тщательно собранный и переданный для изучения материал.

В могиле 5 (в пифосообразной хозяйственной яме) на глубине 0,3 м был зачищен костяк ребенка, соотносящийся с возрастом 4-6 месяцев. Захоронение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад, правая рука была согнута в локтевом суставе. Ниже слоя погребения были зачищены мелкие и сильно фрагментированные кости посткраниальных скелетов взрослых индивидуумов.

Округлая в плане и ориентированная входом на юго-восток костница была вырублена под абсидой часовни. На момент зачистки часть свода была обрушена. Диаметр камеры составлял 2,1 м, высота до уровня свода 2,3 м. На глубине 0,8 м был зафиксирован полутораметровый слой человеческих костей, перемешанный с мелким камнем и известняковым отесом (Рис. 2) [Айбабин, Хайрединова, 2011, с. 425].

В подавляющем большинстве костные останки не сохранили анатомического положения и, наиболее вероятно, были перезахоронены из других погребальных сооружений. Однако отмечено несколько случаев, когда удалось проследить частично сохранившийся анатомический порядок отдельных костей, к примеру, находящиеся в сочленении фрагменты позвоночного столба, длинных костей рук и ног. Остается неясным, были в костнице ингумации, или перенос некоторых останков происходил до полного истления мягких тканей.

Состояние краниологического материала и костей посткраниальных скелетов исключало возможность установки комплектности костяков. В ряде случаев было возможно соотнести верхние и нижние челюсти с черепными коробками, установить парность длинных костей рук и ног и в некоторых случаях установить комплектность длинных костей рук и ног.

Используя методики подсчета разрушенных краниологических и остеологических останков и коррелируя полученные результаты между собой, удалось определить минимальное и максимальное возможное количество погребенных.

Полученная детская серия насчитывает не менее 64 индивидуумов по данным краниологии и 36 индивидуумов по костям посткраниальных скелетов. Количество захороненных детей составило 30,7% от общего числа погребенных.

Серия взрослых индивидуумов составила не менее 144 погребенных по данным краниологии и 138 по костям посткраниальных скелетов. Удалось установить половую принадлежность и возраст для 86 половозрелых индивидуумов, из них достоверно 37 мужских и 49 женских. Достаточно большой процент (58%) погребенных с неопре-

деленной половой принадлежностью обусловлен степенью сохранности материала.

Показатели количественного состава детской серии и ее смертности вполне соответствуют показателям нормальной популяции (Рис. 3). Резкое увеличение количество смертей в интервале 1-2 года имеет объективные причины, однако требует более тщательного анализа.

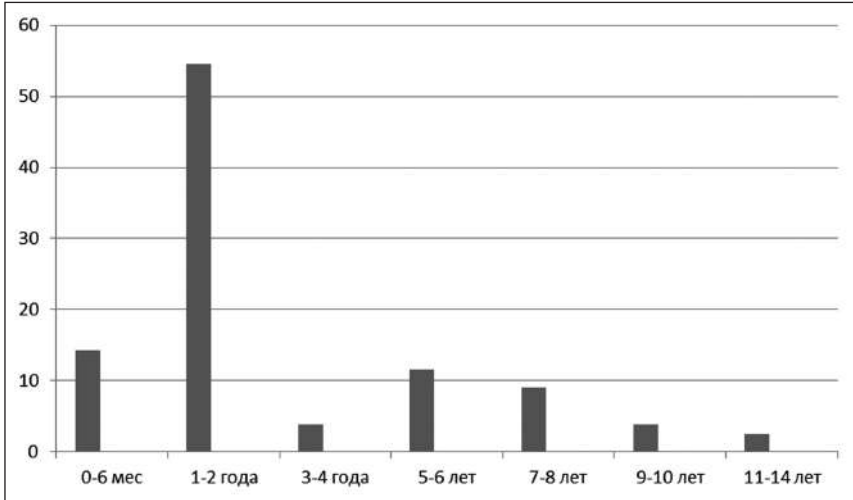

Рис. 3. Процент умерших детей по возрастному интервалу

Процент умершего взрослого населения по возрастному интервалу, без учета детской кагорты, представлен на Рис. 4. Полученные показатели, в целом, отражают схожую картину для средневековых городов.

Дифференцированное распределение мужской и женской серий населения по возрастным интервалам представлено на Рис. 5.

Мужская серия черепов, в основном, средневысокая брахикранная. Мезокранные черепа составили около трети. Формы черепов овоидные и пентагоноидные. Орбитный указатель, в основном, лежит в средних пределах. По носовому указателю, серия лепторинная и мезоринная. Лоб преимущественно узкий. Вертикальные и горизонтальные профилировки преимущественно лежат в средних величинах. Вся серия ортогнатная. Формы нижних челюстей округлые и треугольные, крайне редко встречаются квадратные.

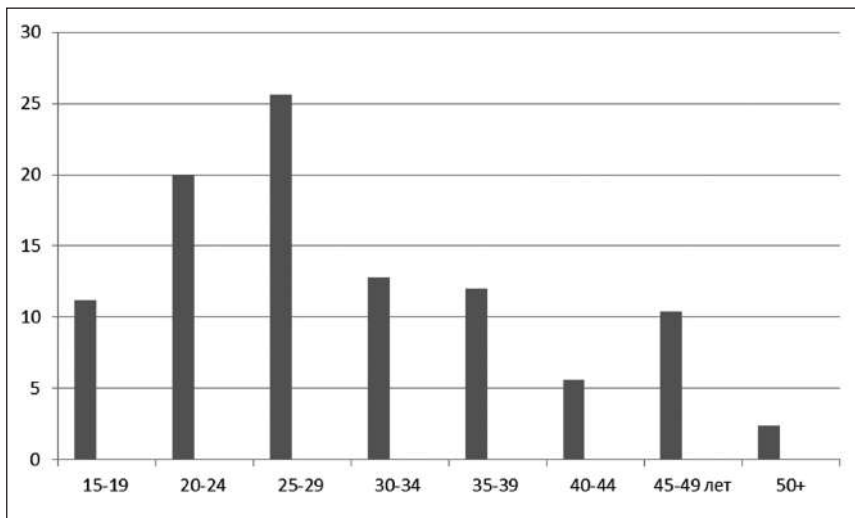

Рис. 4. Процент умершего взрослого населения по возрастному интервалу

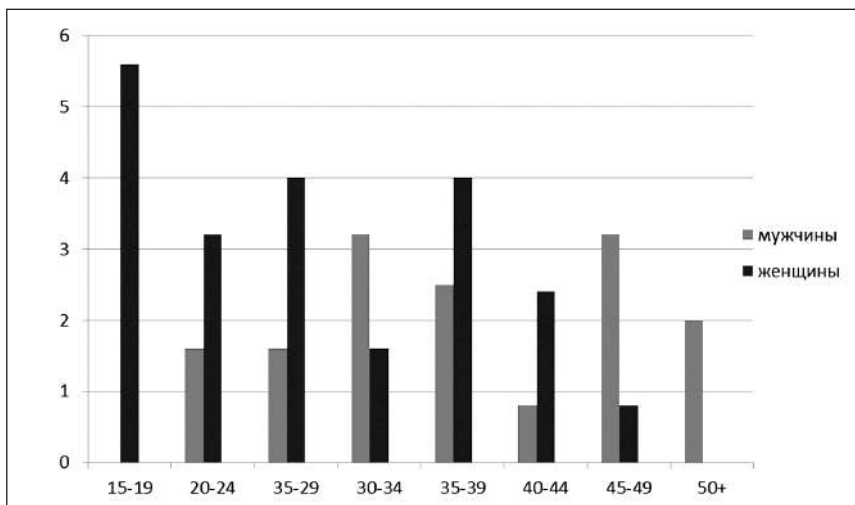

Рис. 5. Процент умершего взрослого населения по половозрастному интервалу

Женская краниологическая серия в подавляющем большинстве брахикраная. Череп в основном высокие. Лоб узкий или умеренно широкий. Все черепа ортогнатные. Орбиты преимущественно высокие. По носовому указателю женская серия лепторинная и хамэринная. Формы черепов в женской серии отличаются большим разнообразием. При преобладании овоидных и пентагоноидных форм, отмечены сфероидные, сфероидные и, в единичных случаях, бурзoidные и ромбоидные. Профилировки лицевого отдела в основном лежат в границах средних показателей. Формы нижних челюстей, в основном округлые и треугольные.

Анализ генетических признаков показал, что наиболее частыми генетически обусловленными маркерами, отмеченными на краниологическом материале, были добавочные косточки на черепе, вариации черепных швов, надглазничных вырезок, форма нижнего края грушевидного отверстия, зубные аномалии развития и форма затылочной кости. Среди генетически наследуемых признаков на костях посткраниального скелета наиболее часто отмечались межмышечковые отверстия и надмышечковые отростки на плечевых костях и варианты развития позвонков. Генетические стигмы имели большее разнообразие и отмечались в два раза чаще на женских костях.

Комплексный анализ показал, что патологические изменения, связанные с зубо-челюстным аппаратом, составили 36,2% от всех патологических изменений. Наиболее частыми, отмеченные практически поровну у мужчин и женщин, были утраты зубов и отложение зубного камня. Случаи кариеса отмечены всего в 14 случаях. Учитывая соотношение числа кариозного поражения зубного аппарата и зафиксированные случаи прижизненной утраты зубов, можно предположить их преднамеренное удаление. Все случаи абсцесса на челюстях были сочетаны с кариесом или разрушением зуба.

Поражения крупных суставов рук и ног определялись у 37,5% посткраниальных скелетов и отмечались в два раза чаще на костях верхних конечностей. В основном это проявления артроза разной степени выраженности.

Заболевания позвоночника отмечены у 59% взрослых индивидуумов. Патологии фиксировались преимущественно в нижнем грудном и поясничных отделах. Наиболее частыми были остеофитоз позвонков, узлы Шморля, спондилоз.

Признаки воспаления на костях отмечены у 37% погребенных. В основном, это проявления поротического гиперостоза на костях черепа, реже воспалительные процессы отмечены на костях рук и ног.

В целом, на исследуемом материале отмечена низкая степень травматизма. Вероятно, процент травм несколько выше, однако сохранность материала не позволила это установить. Практически поровну на мужских и женских черепах зафиксировано 9 травм. В основном это компрессионные травмы без смертельного исхода. Травмы на костях посткраниальных скелетов зафиксированы в 7 случаях, преимущественно, это зажившие переломы длинных костей рук и ног.

Изменения костной ткани, в следствии чрезмерных нагрузок, известны как энтезопатии, отмечены у 18,7% взрослых погребенных. В основном фиксировалась энтезопатия надколенников.

Полученные результаты позволят дополнить уже имеющуюся информацию по истории Крыма, а также помогут реконструировать некоторые демографические и социально - бытовые особенности жизни средневекового городского населения.

Библиография

1. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
2. *Дебец Г.Ф.* Антропологический состав населения средневековых городов Крыма. // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. XII. 1949. С. 333-386.
3. *Зиневич Г.П.* Антропологические материалы средневековых могильников юго-западного Крыма. Киев 1973.
4. *Петров Г.И.* Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции (Предварительная информация) // ИГАИМК. М.;Л., 1935. Вып.117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 гг.

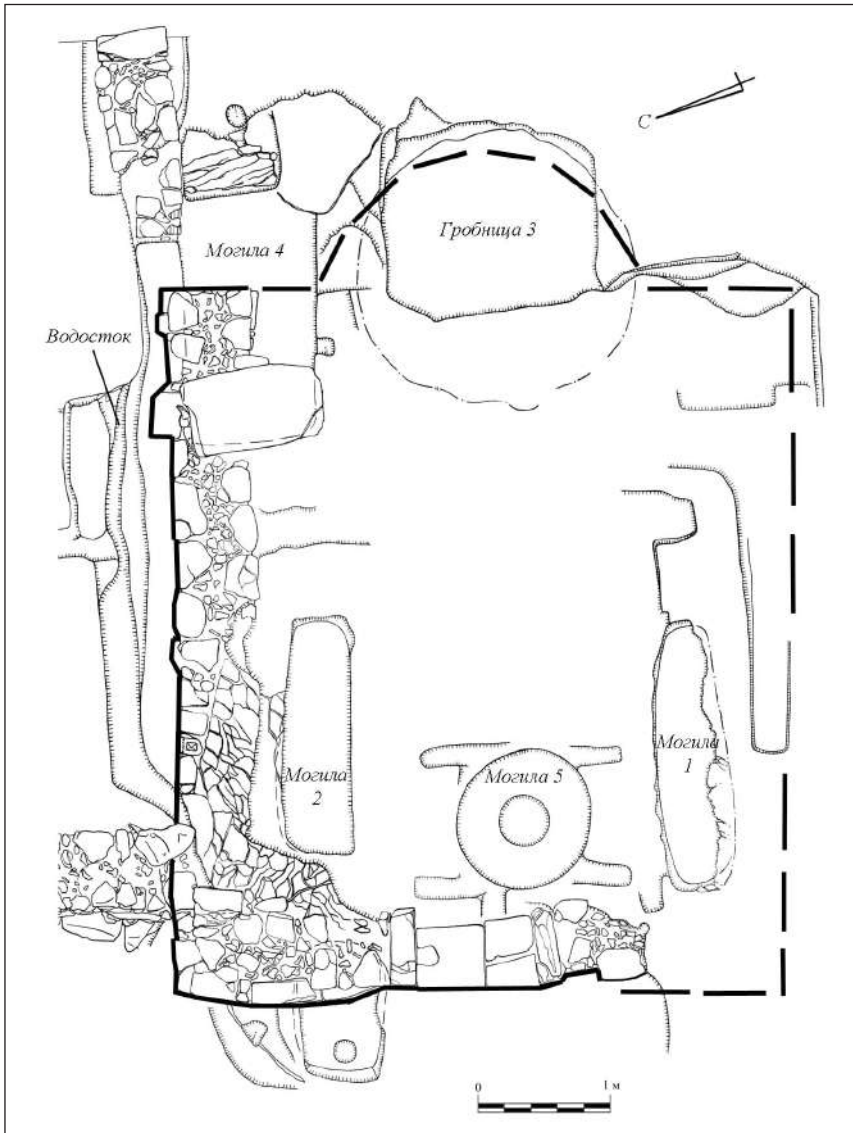

Рис. 1. Городище на плато Эски-Кермен.
План часовни в квартале 1 [по Айбабин. Хайрединова, 2011]

Рис. 2. Костница 3 под апсидой часовни. Общий вид с юго-востока. Фото А.И. Айбабина

А. А. Роменский

ГИИМЗ «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия)

К интерпретации изображения Богородицы Оранты на солидах Льва VI

В исторической памяти ромеев василевс Лев VI Мудрый приобрел несвойственную себе изначально репутацию мага и прорицателя, а приписываемые ему пророчества приобрели популярность столетия спустя [Mango, 1960, p. 70–90]. Между тем это был один из самых благочестивых правителей Византии, предписывавший руководствоваться прежде всего императивами христианства в военном деле, законодательстве и административных делах [Riedel, 2018, p. 56–73, 95–121]. Почитание василевсом Богоматери, традиционное для византийских императоров, приобрело в период его правления особенные черты и стало индикатором не только его личной религиозности, но и показателем продолжающейся внутренней трансформации всего общества.

Неслучайно именно в правление Льва VI образ Богородицы впервые появляется на византийских монетах. На аверсе этого, крайне редкого солида, изображение Богородицы в молитвенном жесте (Оранты). По сторонам от лика — монограмма MR ΘΥ, над головой — латинская надпись +MARIA+. Богоматерь изображена традиционно, в тунике и мафории [DOC, 1973, vol. 3/1, p. 170]. На реверсе представлено потретное изображение Льва VI анфас, в хламиде с жемчугом, скрепленной фибулой на правом плече, увенчанного диадемой; с державой в руке и надписью, «LEONEX · Ω ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΟΜΩΝ или LEONENCRISZO ΒΑΣΙΛΕΥΣΡΟΜΕΩΝ» («Лев, во Христе василевс ромеев»). Это один из редких примеров реалистичных изображений в византийской нумизматике [Бутырский, Заикин, 2005, с. 83]. Богоматерь Оранта занимала особое место в иконографии эпохи Македонской династии, но какой из конкретных почитаемых образов стал прототипом для монеты Льва VI, в точности неясно. Чаще всего тип Оранты без медальона идентифицируют с Влахернитиссой, что, безусловно, верно для монет Константина IX Мономаха,

Феодоры и Михаила VI, однако может быть небесспорным для более раннего времени [Шандровская, 2019, с. 389–390]. Иногда полагают, что Оранта на солиде повторяла черты почитаемого византийскими императорами образа Богородицы Фаросской [Grierson, 1982, p. 179].

Остаются дискуссионными вопросы о причинах появления образа Богородицы на солиде и его датировке. Обычно его связывают с обстоятельствами личной жизни Льва — признанием его четвертого брака и легитимацией сына Константина Багрянородного [Πέννα, 2000, σ. 210; Бутырский, Заикин, 2005, с. 83]. Ф. Грирсон считает маловероятной связь чеканки с памятью о чудесах Богородицы, касающихся исцеления супруги василевса; выпуск этой монеты он крайне осторожно относит ко времени между четвертым браком Льва VI в 906 г. и коронацией сына Константина в 908 г. [DOC, 1973, vol. 3/2, p. 509; Grierson, 1982, p. 179]. По мнению В. С. Шандровской, это нововведение скорее обусловлено политикой Льва VI, чем его личными вкусами [Шандровская, 2019, с. 403].

Представляется, что чеканку солида с образом Оранты можно связать с конкретными событиями из жизни василевса Льва VI. В своей гомили, посвященной Успению Богородицы, венценосный автор вспоминал, что около этого дня заступничество Божией Матери помогло сохранить ему жизнь вопреки несбывшимся замыслам злоумышленников [Antonopoulou, 2008, p. 179.311–316]. По наиболее вероятному предположению, речь идет о предотвращении покушения в окрестностях монастыря Дамиана [Antonopoulou, 1997, p. 58–60]. Когда василевс возглавил процессию в эту обитель, его хотели убить ночью родственники протомагистра и василеопатора Стилиана Заутцы во главе с его сыном Цантцем; Лев VI был спасен только благодаря дочери Заутцы, своей любовнице Зое, которая разбудила самодержца. После раскрытия заговора василевс отправляется в район Пиги, а затем, возвратившись поутру во дворец, отстраняет сторонников мятежа [Wahlgren, 2006, p. 278]. События той ночи надолго охладили отношения Льва с всеильным временщиком [Tougher, 1997, p. 105]. Нельзя исключить, что выпуск монеты был вызван благодарностью Богородице за ее заступничество. Датировка заговора в монастыре Дамиана остается дискуссионной: исследователи относят его к 894/895, 895/896 гг. либо к промежутку между августом и ноябрем 897 г. (отталкиваясь от времени кончины императрицы Феофано, здравствующей на тот момент), однако сведения гомили позволяют утверждать, что спасение ва-

силевса случилось около 15 августа, в праздник Успения Богородицы [Antonopoulou, 1997, p. 59–60]. Наиболее вероятной представляется дата 895 г. В этот же период разворачивались события войны с болгарским царем Симеоном, поначалу принесшие византийцам временные успехи. После поражения войск стратилата Кринита Лев VI поручил Никите Склиру ведение переговоров с венграми, с целью спровоцировать их нападение на Болгарию. В осмыслении василевса, именно покровительство Божией Матери позволило ромеям избежать катастрофы в борьбе с внешними и внутренними врагами.

Образ Богородицы, прикрепляющей жемчужину к диадеме василевса, представлен и на оборотной стороне загадочного артефакта из берлинского Музея византийского искусства. Композиция состоит из поясных фигур самого императора в лоре и диадеме, со скипетром и державой, Богородицы и архангела Гавриила [Evans, Wixom, 1997, No 138, p. 201–202].

Внимание к христианским символам и концептам прослеживается в законодательстве Льва Мудрого, его «Тактике» и литературном творчестве в целом. Использование образа Богородицы соответствует духу эпохи и личным умонастроениям благочестивого самодержца.

Библиография

1. *Бутырский М. Н., Заикин А. А.* Золото и благочестие. Мир в зеркале византийского солида. М.: Индрик, 2005. 158 с.
2. *Шандровская В. С.* Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери // Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской / Под ред. Е. В. Степановой. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2019. С. 387–405.
3. *Antonopoulou T.* The Homilies of the Emperor Leo VI. Leiden; New York, Köln: Brill, 1997. X, 310 p.
4. *Antonopoulou T.* (Ed.). Leonis VI Sapientis imperatoris byzantini homiliae. Turnhout: Brepols and Publishers, 2008. CCXXX, 689 p.
5. *Evans H. C., Wixom W. D.* (Eds.). The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A. D. 843–1261. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1997. XXVII, 574 p.
6. *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 3. Part 1/2. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1973. X, 887 p., 70 pl.

7. *Grierson Ph.* Byzantine Coins. London: Methuen and Co., Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1982. XIII, 411 p.

8. *Mango C.* The Legend of Leo the Wise // ЗРВИ. 1960. Кн. 6. P. 59–64.

9. *Riedel M. L. D.* Leo VI and the Transformation of the Byzantine Christian Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 219 p.

10. *Tougher S.* The Reign of Leo VI. Politics and People (886–912). Leiden; New York, Köln: Brill, 1997. 264 p.

11. *Wahlgren S.* (Ed.). Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon // CFHB. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2006. Vol. 44. VII, 431 p.

12. Πέννα Β. Η απεικόνιση της Θεοτόκου στα νομίσματα και τα μολυβδόβουλλα // Βασιλάκι Μ. (Επ.). Μήτηρ Θεού. Απεικονίσεις της Παναγίας στη βυζαντινή τεχνη. Μιλάνο: Skira, 2000. Σ. 209–218.

Д. Э. Сейдалиева

Научно-исследовательский центр Истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Византийская керамика с монограммами группы “Elaborate Incised Ware” из раскопок караван-сарая Солхата¹

Христианская община Солхата сформировалась в конце XIII — начале XIV в., о чем свидетельствуют памятники материальной культуры, обнаруженные на Солхатском городище и в ближайшей округе. Город XIII-XIV вв. состоял из кварталов трех общин: христианской, иудаистской и мусульманской [Крамаровский, 1993-1994, с. 4]. О существовании христианской общины свидетельствует однефный храм базиличного типа в северо-западном секторе городища, рядом с армянскими кварталами [Крамаровский, 2005, с. 68-76, илл.1, план; Крамаровский, 2019, с. 39., илл 16]. В плане сооружение представляет собой прямоугольник (с интерьером — 4,55х6,74 м, толщина стен — 0,87 м). Практически всю ширину здания занимает полукруглая апсида. Склепы были использованы как фамильные усыпальницы, здесь же была найдена створка литого бронзового древнерусского креста-энколпиона. Базилика располагалась на месте кладбища и, вероятно, использовалась как часовня [Крамаровский, 2009, с. 394-395]. М. Г. Крамаровский датирует храм серединой XIV — началом XV в. [Крамаровский, 2009, с. 395; Крамаровский, 2012, с. 144]. Также необходимо отметить ремесленное поселение Бокаташ II, рядом с которым находился могильник. Судя по обряду погребения, на поселении проживали представители и мусульманской, и христианской общин [Крамаровский, Гукин, 2004, с. 30]. В ходе работ 2004 г. в погребении № 58 были обнаружены *in situ* створки бронзового энколпиона [Крамаровский, Гукин, 2004, с. 30].

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Одним из важных источников по истории христианской общины является такая массовая категория находок, как керамические изделия. Среди них выделяются сосуды с монограммами типа ««Elaborate Incised Ware», которые начинают поступать на рынки городов Таврики с середины XIV в. [Майко, 2019, с. 288].

Глазурованная керамика с монограммами, обнаруженная в Крыму, попадает в поле зрения исследователей с начала XX в. Известны публикации Э. Р. Штерна, А. Л. Якобсона, А. А. Кравченко, В. Л. Мыца, В. В. Майко, И. Б. Тесленко и др. Э. Р. Штерн выделил три группы монограмм из Феодосии (генуэзская Каффа) и пришел к выводу, что все эти сосуды византийского происхождения [Штерн, 1906, с. 114-116].

А.Л. Якобсон в своей работе «Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.)» опубликовал несколько монограмм и отнес некоторые из них к византийскому производству [Якобсон, 1950, с. 260]. В 1991 г. А. А. Кравченко систематизировала и проанализировала все монограммы Каффы и впервые выделила экземпляры, которые изготавливались в местных мастерских. [Кравченко, 1991, с. 111-120]. В.Л. Мыц проанализировал монограммы, обнаруженные на территории средневекового Крыма, и выделил 14 групп. Все они датируются в рамках XIV-XV вв. По мнению исследователя, самой распространенной является группа с монограммой имени «Михаил», которая, вероятно, связана с почитанием архангела Михаила [Мыц, 2005, с. 296.]

На территории Солхатского городища при раскопках архитектурного комплекса караван-сарая в 1991-1993 гг. было обнаружено небольшое количество глазурованных фрагментов керамики с монограммами имени «Михаил», которые являлись подражанием византийским сосудам типа «Elaborate Insided Ware». Керамика данного типа изготавливалась в Константинополе, Фессалониках, Калиакре и Варне. Датируются они временем правления династии Палеологов (1251-1453 гг.) [Мыц, 2005, с. 293; Залеская, 2011, с. 217-218].

В ходе работ 1992 г. на архитектурном комплексе караван-сарая был исследован участок 39. На этом участке была локализована печь 2, перекрытая остатками южной стены караван-сарая. Вся конструкция печи 2 сложена из мелких камней, а ее под не имел обмазки и представлял собой прокаленный глинистый грунт. Среди находок с пола мастерской автор раскопок выделяет фрагменты ошлакованного стекла; костяные поделки (в том числе шахматная фигурка — пешка); фрагменты керамических сосудов, среди которых горло светлоглиной амфоры; фрагмент поливного сосуда сграффито с изображением птицы и два донца сосудов с греческими монограммами (Вклейка 8,

Рис. 1, 2,5) [Крамаровский, 1992-1993, табл. 43а.], фрагменты глазурованных красноглиняных сосудов с орнаментом в технике «сграффито» и кашинной керамики. К сожалению, монетный материал из этого слоя не был определен [Крамаровский, 1992-1993, с. 7-8]. В то же время надо отметить, что два фрагмента с монограммой, относятся к византийским импортным сосудам типа «Elaborate Incised Ware», которые датируются в пределах второй половины XIV — первой половины XV в. [Майко, 2019, с. 288]. Стратиграфическая ситуация на раскопе позволяет сузить датировку наших экземпляров до середины — последней трети XIV в.

Два фрагмента доньев на кольцевых поддонах с монограммой в виде трилистника в центре, интерпретируемые как подражание византийским сосудам, вероятней всего, были привезены в Солхат из Каффы (Вклейка 8, Рис. 1, 1,3). Там были обнаружены ремесленные мастерские, в которых были выявлены похожие сосуды [Майко, 2019, с. 289-290; Тесленко, 2018, с. 29, рис. 6,4]. (Вклейка 8, Рис. 1, 1-3).

В 1993 г. на участке 38, на глубине около метра от современной дневной поверхности обнаружена массивная вымостка из плоских крупных камней, плотно прилегающих друг к другу. На уровне вымостки найдены многочисленные фрагменты пифосов, амфор, красноглиняной без покрытия и глазурованной керамики [Крамаровский, 1993-1994, с. 14-15]. Также обнаружена монета, датированная 70-ми годами XIV в. Единичным экземпляром представлена монограмма в виде трилистника, вписанного в условный квадрат (Вклейка 8, Рис. 1, 4). По характеру формовочной массы (красноглиняное тесто с примесью крупно дробленного шамота и включением известняка) мы можем утверждать, что данная посуда изготавливалась в Солхате в мастерских караван-сарая. В.В. Майко выделяет условный тип 11, в который включена монограмма с трилистником [Майко, 2019, с. 298].

Таким образом, в Солхате параллельно сосуществовали две большие общины — мусульманская и христианская. Христианская община состояла из нескольких конфессий, включая армян-григориан и католиков-латинян [Крамаровский, 1989, с. 144-157], а с XIV в. в городе проживали сирийцы-несториане [Крамаровский, Гукин, 2006, с. 32]. Большинство керамических изделий с монограммами, не считая двух фрагментов византийской керамики типа «Elaborate Incited Ware», изготовлены в местных крымских мастерских и типичны для всех средневековых памятников Крыма. Два фрагмента, вероятно, изготовлены в гончарных мастерских Каффы и только одна происходит из Солхата. Все они датируются серединой XIV — началом XV в. Эти

находки, наряду с некоторыми другими артефактами, свидетельствуют об устойчивом существовании и развитии христианской общины православного толка в средневековом Солхате.

Библиография

1. *Залеская В. Н.* Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV веков. Каталог коллекции. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2011 — С. 217-218.
2. *Кравченко А. А.* Импортная поливная керамика XIII-XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского археологического музея) // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. Киев, 1991. — 256 с.
3. *Крамаровский М. Г.* Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв. // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. — С. 144-157.
4. *Крамаровский М. Г.* Отчет о полевых исследованиях 1992 года на городище средневекового Солхата /Крым, Старый Крым/ археологической экспедицией Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым-Петербург, 1992-1993 гг. — 129 с.
5. *Крамаровский М. Г.* Отчет о полевых исследованиях 1993 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым-Петербург, 1993-1994. — 160 с.
6. *Крамаровский М. Г.* Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура: каталог выставки. — СПб, 2005. — С. 13-171.
7. *Крамаровский М. Г.* Католические общины / История татар с древнейших времен в 7-ми т. — Т. III. — Улус Джучи (Золотая Орда) XIII — середина XIV в. — АН РТ. — Казань, 2009. — С. 394-395.
8. *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. — СПб., Евразия, 2012. — 496 с.
9. *Крамаровский М. Г.* Крым и Рум. Сельджукская традиция в культуре Северного Кавказа // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. Гос. Эрмитаж. — М.: Фонд Марджани, 2019. — С. 36-56.
10. *Крамаровский М. Г., Гукин В. Д.* Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2001-2003 г. // Раскопки в Старом Крыму в 2001-2003 гг. — СПб.: Государственный Эрмитаж, 2004 — Вып. II. — 391 с.
11. *Крамаровский М. Г., Гукин В. Д.* Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедицией Го-

сударственного Эрмитажа в 2004 г. // Раскопки в Старом Крыму в 2004 г. — СПб.: Государственный Эрмитаж, 2006. — Вып. III. — 314 с.

12. Майко В. В. Керамика с монограммами средневековой Солдайи. Типология, хронология и место производства // МАИЭТ. — Симферополь, 2019. — Вып. XXIV. — С. 288-311.

13. Мыц В. Л. Историко-культурный контекст букв, монограмм и надписей на керамике Крыма XIV-XV вв // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.: Сб. науч. трудов. Т. I / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. — К.: ИД «Стилос», 2005. — С. 288-305.

14. Тесленко І. Б. Виробництво полив'яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. Київ, 2018. Вип. 4 (29) — С. 7-83.

15. Штерн Э. Р. Феодосия и ее керамика // Музей императорского одесского общества истории и древностей. — III. — Одесса, 1906. — 103 с.

16. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА СССР. № 17. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. — 338 с.

И. Б. Тесленко

Институт археологии Крыма РАН; (Симферополь, Россия)

И. А. Александрова

Алуштинский историко-краеведческий музей (Симферополь, Алушта)

Погребения с керамикой у храма Алуштинского могильника (материалы раскопок 1950–1951 гг. из собрания АИКМ)

Некрополь, известный по публикациям как «Алуштинский могильник» [Кирилко, 2018], находится в юго-восточной прибрежной части г. Алушта, на восточном и юго-восточном склонах «Крепостной горки», в 60–100 м от берега моря. Примыкает к средневековому поселению у юго-восточной части стен крепости Алустон. Площадь некрополя составляет около 3,3 га. В его пределах известен один храм, располагавшийся в южной части памятника, на небольшой возвышенности над морем¹.

Впервые объект в 1886 г. обследован В. Ф. Миллером, раскопавшим здесь 13 плитовых могил. Исследователь оперативно опубликовал результаты работ с общей характеристикой изученных комплексов [Миллер, 1888, с. 127–128]. Более масштабные исследования храма и части некрополя вокруг него проводились в 1950 г. Н. В. Пятышевой² и Е. В. Веймарном³, а в 1951 — Ю. В. Кухаренко [Махнева, 1968, с. 160–164]. Отдельные погребальные комплексы изучались в 1989 и 1992 гг. [Мыц, Адаксина, Кирилко, 1993, с. 177–185]. В 2009–2010 гг. под руководством С. А. Телиженко здесь осуществлялась также диагностическая шурфовка [Телиженко, 2011]. Е.В. Веймарн выделил три

¹ К настоящему времени часть некрополя, включая остатки церкви, уничтожена и застроена в процессе реконструкции набережной города в 1950–1980-е гг., а также в следствие иной неконтролируемой антропогенной активности.

² Вела работы с августа по 11 сентября 1950 г. Отчёт о раскопках в Научном архиве Института археологии Крыма РАН отсутствует.

³ Возглавлял раскопки с 14 по 30 сентября 1950 г. Полевая документация и отчёт о работах хранятся в НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/1-10.

этапа в функционировании изученной части некрополя: 1) X–XIV; 2) XIV–XV и 3) XV–XVIII вв., отнеся к первому из них строительство церкви, ко второму — её реконструкцию, к третьему — разрушение храма и продолжение использование площади могильника исключительно для погребений.

Раскопки 1950 и 1951 гг. оказались наиболее информативными и дали наибольшее количество находок. Среди них преобладают фрагменты керамики и элементы погребального инвентаря из металла, стекла, драгоценных и полудрагоценных камней. Здесь также обнаружен обломок надгробия с грекоязычной эпитафией⁴ и различные архитектурные украшения из известняка [Кирилко, 2019]. В одной из могил внутри церкви (№ 21), найдено 137 предметов XIV в., среди которых 85 золотых (нашивные бляхи филигранной работы со вставками из рубинов и и алмандинов и другие изделия) [Махнева, 1968, с. 162–164; Когонашвили, Махнёва, 1971, с. 24–26]. Этот комплекс в дальнейшем оказался практически единственным, который привлёк пристальное внимание исследователей, рассматривавших однако вещи в отрыве от их контекста [Крамаровский, 2001, с. 120; Малюк, 2015]. Недавно архивные материалы, уточняющие обстоятельства находки, были детально проанализированы В. П. Кирилко [Кирилко, 2018а]. Исследователь вполне обоснованно соотносит вещевой комплекс могилы № 21 с погребальным инвентарём (детали одежды и украшения), сопровождавшим захоронение лидера местной общины, предположительно протоса и датирует его XIV в. Им также была скорректирована дата постройки церкви, определённая временем не ранее совершения этого захоронения [Кирилко, 2018].

В то же время, большинство других находок всё ещё не введено в научный оборот. В настоящее время часть этой коллекции хранится в Алуштинском историко-краеведческом музее. В её составе, кроме изделий из железа, камня, стекла и бронзы (около 50 ед.), содержится около 140 единиц керамики, добытой раскопками 1950 и 1951 гг.⁵ Особое внимание привлекают керамические изделия, которые по условиям обнаружения (внутри погребальных сооружений) и довольно хорошей сохранности (целые или реконструируемые формы) могут быть интерпретированы как погребальный инвентарь. К таковым с большой или меньшей уверенностью можно отнести 4 предмета.

⁴ Интересно отметить, что обломок, обнаруженный в 1950 г., практически идентичен крупному фрагменту надгробия, найденному здесь В.Ф. Миллером в 1886 г. [Миллер, 1988, табл. II].

⁵ Судьба многочисленного нумизматического материала, а также украшений и элементов костюма из серебра до сих пор остаётся туманной.

1. Фрагмент поля красноглиняной черепицы со значительным количеством мелкодроблёного шамота в тесте. Группа «Северное Причерноморье», VIII–X вв. Обломок ромбической формы. На лицевой поверхности по обожжённой глине тонким острием прочерчен крест с надписью IC | XC | NI | KA («Иисус Христос Ника») между лучей (Рис. 1, 4). Поверхность заизвесткована. Найден в верхней части заполнения погребального сооружения № 21 [НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10, Л. 54]. Вероятно, фрагмент сопровождал одно из погребений в этой могиле (всего здесь зафиксированы части костяков 5 человек). Шифр: Ал-1950 г. № 185. Номер хранения: АКМ КП–488 / А–256.

Кроме того, в полевой описи под № 116 указаны «фрагменты блюда со светло-зелёной поливой, 5 ед.», происходящие из этой же могилы [НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10, Л. 50]. Однако в музейном собрании под этим № найден всего 1 мелкий фрагмент стенки поливной чаши (рис. 1: 5), который, скорее всего, не имеет прямого отношения к погребальному инвентарю.

2. Кувшин светлоглиняный поливной, одноручный (Рис. 1, 1). Черепок сосуда бледно-розовый с более темной прослойкой. В тесте значительное количество песка, мелкие крупинцы относительно плотного минерала красно-коричневого цвета. Тулово каплевидной формы, на каблучковом поддоне. Горло высокое, узкое. Ручка и венчик утрачены. Полива зелёная, покрывает внешнюю поверхность сосуда практически до дна. На днище следы срезания нитью с плоскости круга. Обнаружен в могиле № 4, расположенной в 0,5 м к северо-западу от северо-западного плеча храма. Условия находки не ясны⁶. Шифр: Алушта 1950 г. № 1. Мог. 4. Номер хранения: АКМ КП–63 / А–62.

3. Чашка светлоглиняная поливная, вытянутой колоколовидной формы на усечённоконическом поддоне средней высоты (Рис. 1, 2). Черепок белый с лёгким розовым оттенком. В тесте значительное количество мелкого разнородного песка. Полива светло-жёлтая внутри, зелёная снаружи. Обнаружена в могиле № 28 (расположена к югу от южного угла церкви, в непосредственной близости от него), в нижнем ярусе, содержащем разрозненные кости нескольких погребённых, у западной стенки погребального сооружения⁷. Шифр: Алушта 1950 г. № 364. Номер хранения: АКМ КП–67 / А–66.

⁶ Эта могила раскопана Н.В. Пяташевой, отчёт которой отсутствует. Место находки кувшина в могиле № 4 отмечено в описи находок, прилагаемой к отчёту Е.В. Веймарна [НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10, Л. 42].

⁷ Схема второго яруса погребения с указанием места находки чаши приведена в дневнике Е.В. Веймарна [НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2, Л. 21].

Кроме того, в заполнении могилы отмечены находки небольших фрагментов ещё двух чаш (Рис. 1, 6,7)⁸, которые, скорее всего, не имеют непосредственного отношения к погребальному инвентарю.

4. Кувшина коричневоглиняного широкогорлого крупный фрагмент корпуса и венчика (Рис. 1, 3). Днище утрачено. Черепок темно-коричневый, обжиг неравномерный. В формовочной массе значительное количество песка, мелкие крупички рыхлого минерала белого цвета (известняка). Сформован на этапе РФК-3-4. Тулово овалоидной формы, переход к горлу плавный, горло в виде раструба, венчик не выражен, край скруглён. Судя по шифру на сосуде, он происходит из могилы № 41, исследованной в 1951 г. Детальный контекст находки из-за отсутствия доступа к отчётной документации уточнить пока не представляется возможным. Шифр: Ал-51 230/39, Мог. 41. Номер хранения отсутствует.

Таким образом, среди керамического погребального инвентаря на исследованном в 1950–1951 гг. участке Алуштинского могильника присутствуют фрагмент керамики с прочерченным «просфорным» крестом (№ 1)⁹ и 3 керамических сосуда двух различных по происхождению групп. Коричневоглиняный кувшин (№ 4) может быть отнесён к продукции местного гончарства, характерной для южного и горного Крыма XIII в. [Тесленко, 2014, с. 503–504]. Светлоглиняные поливные кувшин и чаша представляют собой византийский импорт, хорошо известный в крымских жилищно-хозяйственных комплексах середины — второй половины XIII в., а также встречающийся среди погребального инвентаря [Науменко, Душенко, 2019, с. 221–222, рис. 4: 1, 2; Сёмин, 1998]¹⁰.

Отметим, что фрагменты керамики с прочерченным крестом и тетраграммой, а также различные керамические сосуды довольно ча-

---

⁸ №№ 365 и 366 в описи находок [НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10, Л. 1].

⁹ Хронологическая позиция артефакта может быть определена временем не ранее совершения первого погребения в могиле № 21, т.е., по нынешним представлениям, около XIV в.

¹⁰ Следует отметить, что хронология сосудов в данном контексте требует отдельного рассмотрения. Например, ещё одна пара белоглиняных сосудов из погребения у храма на территории крепости в Алуште найдена в захоронении, датированном первой половиной XIV в. [Сёмин, 1998]. Т.е. вполне возможно, что вещи в погребениях могут несколько «запаздывать» по отношению к находкам из жилищно-хозяйственных комплексов, что может быть обусловлено использованием в данных обстоятельствах «залежавшихся», слегка повреждённых или старых, но любимых покойным предметов.

сто помещали в могилы на территории Крыма в поздневизантийское время (Судак, Алушта, Малый Маяк, г. Аю-Даг, Никита, Массандра, Эски-Кермен, Мангуп, Чембало, Херсонес и округа) [Тесленко, Лысенко, 2004, с. 265, 266; Тесленко, Лысенко, 2006; Гинькут, 2011; Голофаст, Мастыкова, 2018; др.]. Подобный обряд вполне соответствует погребальным традициям, распространённым в зоне византийского культурного влияния, в особенности в XIII–XV вв. (см. напр.: [Pouluo-Padimitriou, Tzavella, Ott, 2012]). Однако, по ряду наблюдений, новым для этого времени было появление в вещевом комплексе могил наряду с кувшинами ещё и сосудов открытой формы, преимущественно чаш. Этот факт связывают с распространением «латинского» влияния на византийских территориях (см. напр.: [Голофаст, Мастыкова, 2018, с. 371–374]). В то же время, подобная точка зрения в проекции на Крым не бесспорна. В целом, следует признать, что особенности погребального обряда поздневизантийского времени здесь лишь недавно стали привлекать внимание исследователей и изыскания в этом направлении в будущем могут оказаться весьма перспективными.

Библиография

1. *Гинькут Н. В.* Чашка-евлогия XIV в. из раскопок храмового погребения на территории крепости Чембало // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 57–63.
2. *Голофаст Л. А., Мастыкова А. В.* О поливной чаше в контексте погребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитях // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 359–395.
3. *Кирилко В. П.* «Алустонский клад»: история находки // ПА. 2018. № 2(24). С. 168–189.
4. *Кирилко В. П.* Архитектурно-конструктивные и декоративные детали из раскопок храма на Алуштинском могильнике // Херсонес Фемата. Империя и полис. Севастополь, 2019. С. 131–140.
5. *Когонашвили К. К., Махнева О. А.* Алустон и Фуна. Симферополь: Крым, 1971. 94 с.
6. *Крамаровский М. Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб: Славия, 2001. 364 с.
7. *Малюк Н. И.* Алустонский клад: малоизвестные ювелирные изделия золотоордынского времени в фондах Музея исторических драгоценностей Украины // Музейні читання. Матеріали наукової конференції “Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки”/ Відп. ред. Л. В. Строкова. Київ: Музей історичних коштовностей України, 2015. С. 159–168.
8. *Махнева О. А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 155–168.

9. Миллер В. Ф. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 году. // Древности. Труды МАО. Москва, 1888. Т. 12.

10. Мыц В. Л., Адаксина С. Б., Кирилко В. П. Отчет о раскопках средневековой крепости Алустон в 1992 г. Симферополь, 1993. НА ИА НАНУ. № 1992/119.

11. Науменко В. Е., Душенко А. А. Уникальная византийская костяная иконка из раскопок Мангупского Городища // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 217–249.

12. Сёмин С. В. Поливные белоглиняные сосуды второй половины XIII — первой половины XIV в. из Алустана // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции (Ялта, 25-29 мая 1998 г.). Симферополь: Каламо, 1998. С. 179–181.

13. Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: Стилос, 2004. С. 260–296.

14. Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Погребение священника в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. 7–10 июля 2005 г., пос. Партенит / Отв. ред. Л. Ясельская. Симферополь, 2006. С. 132–144.

15. Теліженко С. А. Дослідження узбережної частини в м. Алушта // АДУ 2010. Київ–Полтава, 2011. С. 344–345.

16. Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation // Roma, Constantinople and Newly-Converted Europe / Eds. M. Salamon et al. Kraków, 2012. P. 377–428.

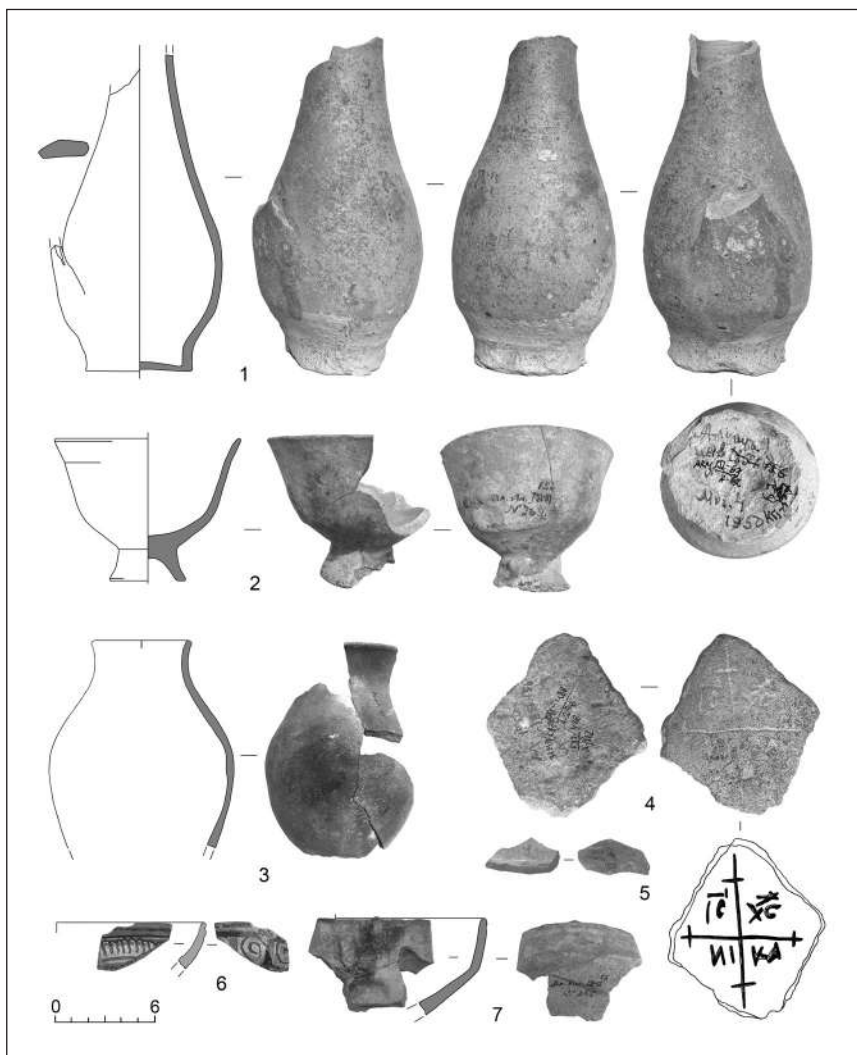

Рис. 1. Керамические находки из Алуштинского могильника

Н. П. Турова

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Сводчатый склеп XIII–XV вв. храмового комплекса г. Кильсе-Бурун Главной гряды Крымских гор

В результате полевого сезона 2019 г. в храмовом (возможно, монастырском) комплексе г. Кильсе-Бурун IX–XV вв. на Байдаро-Костропольской стене был открыт и исследован уникальный сводчатый склеп (могила №7) XIII–XV вв., а также территория между храмовой постройкой и прилегающим погребальным сооружением, который был выявлен на расстоянии 3,20 м южнее южной стены церковной постройки XII–XIII–XV вв. (Вклейка 9, Рис. 1; Вклейка 10, Рис. 2).

Склеп, представляющий собой сложное наземное сооружение с подземной камерой и небольшим сводчатым дромосом, соединен с южной стеной храма с помощью кладки (длиной более 2 м), являющейся продолжением собственно восточной стены склепа. То есть на определенном этапе функционирования склеп и храм были единым архитектурным комплексом.

По внутреннему контуру погребальное сооружение имело Г-образную форму с небольшой привходовой частью — дромосом (длиной 0,53 м) и прямоугольной камерой, впущенной в скальный материк. Длина камеры внутри 2,02 м, ширина 1,32 м, высота 1,23 м. (Вклейка 10, Рис. 2). Склеп сложен из бутовых и туфовых блоков, имел каменный свод (Вклейка 10, Рис. 2, 2). Вход был плотно заложен прямоугольными блоками туфа без какого-либо раствора, с помощью некоего «ключа» — камня клинчатой формы из пещерного натёка и сверху завален бутовыми камнями (Вклейка 10, Рис. 2, 3).

Снаружи склеп представлял собой прямоугольное в плане сооружение, ориентированное по оси запад — восток, длиной — около 3,36 м шириной по восточной стене 2,57–2,70 м. Фактически были изучены северная стена склепа с привходовой арочной частью, верхняя часть восточной стены (ее угол обнаружен в прирезке в квадрате 4В), часть западной стены с пристроенной к ней нишей со скоплением костей (№1) и конструктивные особенности свода склепа снаружи (Вклейка 9, Рис. 1).

По всей видимости, строители первоначально воздвигли внутреннюю камеру склепа с коробовым сводом, затем стали оформлять его снаружи.

Северная стена склепа (могила №7) двухпанцирная с забутовкой мелкими камнями на известковом растворе, длиной около 3,36 м, шириной 0,70 м (Вклейка 9, Рис. 1). Сохранилось два ряда наружного панциря, сложенных из бутовых камней, причем нижний ряд оформлен более мелкими камнями, положенными на глинистый предматериковый слой (XV). Возможно, к нему, горизонтально снаружи, был присоединен еще один ряд камней, разобранный нами при исследовании склепа, то есть стена в нижней части расширилась до 0,93 м. На некоторых участках наружного панциря кладки видны остатки штукатурки, осталось не выясненным была ли штукатурка снаружи погребального сооружения. Арочный вход в склеп находился в северо-восточном углу северной стены, шириной 0,47–0,50 м.

Западная стена склепа выявлена в контрольной траншее (под слоем XVI). Зачищена только верхняя поверхность двухпанцирной кладки под плотной известковой «подушкой», шириной 0,56–0,60 м, к внутреннему панцирю северной стены могилы №7 пристроена прямоугольная отштукатуренная ниша со скоплением костей №1 (Вклейка 9, Рис. 1).

Восточная стена склепа расположена в квадратах 3В и в прирезке квадрата 4В. Стена двухпанцирная с забутовкой мелкими камнями на известковом растворе. Зачищена только сверху. Ее длина отмечена с торцов крупными бутовыми камнями. В забутовке кладки обнаружен фрагмент обломанного железного черешкового ножа (Вклейка 11, Рис. 3: ко 46) и поставленный вертикально вотивный крест, свернутый из железного кованного стержня (Вклейка 11, Рис. 3: ко 47). В прирезке квадрата 4В и в южной части квадрата 3В отдельные камни кладки практически залегают на современной дневной поверхности. Судя по ландшафту склеп, видимо был пристроен к склону. Однако без дополнительного археологического исследования наружной южной стены погребального комплекса, это остается лишь предположением.

Что касается наружного устройства кровли могилы №7, можно выдвинуть следующие соображения: во-первых, судя по остаткам северной стены склепа, его наружные стенки могли быть не вертикальными, а расширяться к низу; во-вторых, в восточной части и на входе свод с наружи был собран из плотно уложенных бутовых камней; в-третьих, остальная часть кровли свода склепа была усилена плот-

ной известковой прослойкой — «подушкой» (слой XVI), на которой фиксировался черепичный развал (слой XIII). То есть верхняя наружная часть погребального сооружения была перекрыта черепицей.

Всего в черепичном завале над склепом обнаружено более 1407 фрагментов красноглиняных черепиц керамид и калиптеров VIII (?)–X–XIII вв. Из них 17 фрагментов черепиц-керамид VIII (?)–X–XIII вв. с остатками рельефных меток: в виде знака-двузубца на «ножке», греческих букв «хи», «тау», «пи». Здесь же найден фрагмент стенки коричневоглиняного пифоса, украшенного горизонтальным валиком с пальцевыми вдавлениями группы ЮЗК XIV–XV вв.

Костные остатки погребенных в склепе лежали на поверхности без анатомического порядка, были присыпаны землей, листьями, связанными с норами грызунов, позже, обнаруженные в углах склепа на его скальном полу.

В результате зачистки погребальной камеры были найдены: крупные фрагменты черепиц-керамид, положенные специально в ногах погребенных, и нижняя часть гончарного кувшина или горшка, зафиксированная в западной части склепа среди черепов у южной стены склепа (Вклейка 10, Рис. 2:1); часть грубогончарной миски с горизонтальным волнообразным краем, найденная под входом у северной стены склепа (Вклейка 10, Рис.2:1).

В восточной части камеры, у южной стены склепа, среди костей ног залегал на ребре большой железный пластинчатый прецессионный крест, длиной 30 см, на одной из сторон верхней вертикальной ветви которого, сохранился в коррозии отпечаток тканной поверхности (Вклейка 11, Рис.3: ко. 110). В центральной части камеры были найдены: проволочная серьга из белого металла (Вклейка 11, Рис. 3: ко. 115), железная кованная «звездца» (Вклейка 11, Рис.3: ко. 111), нательный железный крест (Вклейка 11, Рис.3: ко. 112), две кольцеобразные пряжки (?) медная (Вклейка 11, Рис. 3: ко. 114) и железная (Вклейка 11, Рис. 3: ко. 113), шесть стеклянных бусин, среди которых три мозаичные, а также подвеска из раковины каури (Вклейка 11, Рис.3: ко. 103-109).

В засыпи склепа найдены попавшие сюда из культурных слоев памятника при возведении склепа или в период его функционирования фрагменты керамид и калиптеров (35 ед.) X (?)–XIII вв., один из которых херсонесского производства XII–XIII вв., стенки гладкостенного красноглиняного пифоса, обломки красноглиняных и коричневоглиняных горшков группы ЮЗК XIV–XV вв. Анализ материала позволяет датировать данное погребальное сооружение XIII–XV вв.

Судя по находкам прецессионного креста и «звездицы», в склепе было погребение священнослужителя. Так как, крест лежал с правой стороны от костей, с большой долей осторожности можно предположить, что он находился в левой руке погребенного или лежал на нем слева. Подобная практика, обоснована тем, что во время службы священник, благословляя, держит крест в левой руке. Аналогичное погребение с большим процессионным крестом XIII–XIV вв. обнаружено на Келийском могильнике в Горно-Ассинской котловине (республика Ингушетия) [Савенко, 2017, с. 104-117]. К сожалению, осталось невыясненным, где размещалось захоронение священника в нашем случае — в нижнем, более раннем ряду или в верхнем. Во всяком случае, погребение священника в сводчатом склепе и само погребальное сооружение в горах, свидетельствуют об особом статусе как самого усопшего, так и храмового комплекса в целом.

Библиография

1. *Савенко С. Н.* Погребение XIII — XIV вв. с железным крестом в Горной Ингушетии: вопросы интерпретации // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей/коллектив авторов; под ред. д-ра ист. Н. доц. Ю. А. Прокопенко д-ра ист. Н. проф. Т. А. Невской — Ставрополь: Печатный Двор 2017. — Вып. 9. — С. 104-117

Е. Я. Туровский

ГИИМЗ «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия)

Херсонес как колыбель христианства на территории России

Прежде всего обозначим предмет исследования — когда на территории Российской Федерации впервые появились адепты христианской религии, опираясь при этом исключительно на объективные данные. Сразу же оговорим, что претендентов на пальму первенства в этом вопросе всего лишь два античных государства Северного Причерноморья — Боспорское царство и Херсонес Таврический.

Регион Северного Причерноморья с очень ранних времен был контактной зоной между племенами степной и лесостепной зон и представителями великих средиземноморских цивилизаций — сначала греческой, а затем и римской. Эти контакты осуществлялись через возникшие здесь греческие города-колонии. Они были весьма плодотворными и сильно повлияли на ход исторических процессов в регионе. Появление христианства в Северном Причерноморье также часть этого процесса культурного развития Средиземноморья и Причерноморья в первые века нашей эры. Становление христианской религии явилось наиболее знаковым событием для этой эпохи. Распространение новой религии было поступательным, но крайне непростым: принципы первых христиан вошли в явное противоречие с властями Рима, который в эти времена превратился в центр мировой империи, опирающийся на языческий божественный пантеон и на культ обожествленных императоров. Вплоть до правления императора Константина Великого (312 — 337 гг.) христиане подвергались жестоким гонениям и не имели возможности открыто поклоняться своему Богу. С этими обстоятельствами связано крайне небольшое число артефактов, относящихся к первым трем векам существования христианства. Церковь имела подпольный или иначе катакомбный характер, поскольку тайные сходки первых христиан в Риме часто осуществлялись на городском некрополе в пещерах-катакомбах. Блаженный Иероним, воспитывавшийся в Риме, оставил заметки о своих посещениях катакомб: «Вместе со своими товарищами-сверстниками я имел обычай по воскресным дням посещать гробницы апостолов и

мучеников, спускаться часто в пещеры, вырытые в глубине земли, в стенах которых по обеим сторонам лежат тела усопших, и в которых такая темнота, что здесь почти сбывается это пророческое изречение: «да внидут во ад живи» (Пс. 54:16). Изредка свет, впускаемый сверху, умеряет ужас мрака, так что отверстие, чрез которое он входит, лучше назвать щелью, чем окном» [Голубцов, 1917, с.73].

О жизни первых христиан в Римской империи мы знаем в основном из данных античной исторической традиции. Например, римский политик и писатель Плиний Младший, который был назначен императором Траяном (98 — 117 гг.) консулом в провинцию Вифинию, сообщал в своих письмах как о большом количестве христиан в этой провинции, так и о проводимых против них репрессиях. Можно предполагать большое число христиан по всей Малой Азии, хотя бы потому, что с этим регионом связаны деяния многочисленных святых мучеников и праведников. Херсонес, который был основан выходцами из крупнейшего греческого города на южном берегу Черного моря Гераклеи Понтийской, имел плотные культурные и торговые связи не только со своей метрополией, но и с другими греческими городами Малой Азии. Можно предполагать, что в ходе таких контактов некоторые из херсонесских граждан могли познакомиться с христианским учением и стать его адептами очень рано, но доказать это источниками невозможно.

Обратимся теперь к объективным данным. На наш взгляд, наиболее ранними свидетельствами утверждения христианства в Херсонесе могут служить такие памятники, как литургические столы, декорированные скульптурными изображениями, и фрески склепов. Что касается литургических столов, некоторые из них исследователи датируют не позднее IV в. [АСХ, 1976, с. 297–310]. Время создания христианских склепов и живописных росписей в части из них определяется гораздо точнее, а именно — 40-ми — 50-ми гг. IV в. [Ступко, Туровский, Филиппенко, 2007, с. 190–192].

Еще раз в сжатом виде приведем наши аргументы в пользу названных датировок расписных склепов: 1. роспись склепов по характеру живописи имеет еще вполне античный характер в отличие от боспорских (о чем ниже). 2. погребальные практики христиан значительно отличаются от языческих (инвентарь сводится к одежной и обувной фурнитуре, светильникам, стеклянной посуде и монетам). Тем не менее, этот материал (особенно монеты) оказался весьма информативным. 3. монеты позволяют проследить, когда и до каких пор склепы посещались для поминальных обрядов и подзахоронений.

В полной мере сознавая, что вопрос о том, где христианство появилось раньше: на Боспоре или в Херсонесе остается спорным, полагаем, что он не безнадежен. Вероятно, прав Н.И. Сударев, считавший установленным фактом появление христианства на Боспоре уже в IV в., а V — VI вв. — временем «победившего» христианства [Сударев, 1999]. Трудно спорить с тем, что уже в первой четверти IV в. на Боспоре возникла епархия, а ее глава Кадрм был участником Первого Вселенского собора, но насколько авторитетной была община? Ведь до сих пор ранее VII в. на Боспоре не найдено ни одного христианского храма [Зинько, Пономарев, 2016, с.108-110; Ермолин, 2018, с.243]. Склепы с христианскими росписями появляются на Боспоре не ранее V в. По-видимому, времена «победившего» христианства наступают в Херсонесе значительно раньше, чем у соседей, не позднее времени правления Феодосия Великого (379 — 395 гг.). Скорее всего, при нем начали строить и первые храмы, в частности храм-мартирий в Карантинной балке. Поступательное движение христианства в Херсонесе более не прерывалось. Очевидно, что Херсонес имеет больше оснований считаться колыбелью христианства, чем Боспор.

Библиография

1. Античная скульптура Херсонеса / под. ред. С. И. Бибикова. Киев, 1976.
2. Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб, 1917. С. 73.
3. Ермолин С. А. Христианство на Европейском Боспоре в византийско-хазарское время // Научные ведомости. Серия История. Политология. 2018. Том 45. №2. С.242 — 263.
4. Зинько В. Н.; Пономарев Л. Ю. К топографии ранневизантийского города Боспора и его плитово-грунтовый некрополь // Боспорские исследования. Вып. XXXII. Симферополь, Керчь, 2016. С.107-148.
5. Сударев Н. И. «Город Русия». Истоки русской государственности и христианства. 1999. URL:http://www.archat.ru/helpful-information_176.html

M. Feldman

Independent Researcher (Birmingham, United Kingdom)

Empire, commonwealth and jurisdiction: the Rus' Metropolitanate within the Byzantine eparchal tradition (6-11th. c.)

This research examines the precise nature of the relationship of Byzantium with her northern neighbors, putting earlier, decontextualized questions about whether or not Rus' was a vassal state of Byzantium [Vasiliev, 1932, p. 350] into a broader context of whether or not much of Pontic-Caspian Eurasia, from the Danube to the Volga, and perhaps beyond, was effectively absorbed, in some form or another, by Byzantium. It asks questions such as: what was that form? How was this eparchal absorption manifested economically and politically? Was there a form of financial implication? What form did it take and who benefited from it? And how was suzerainty exercised? The sigillographic record will be employed to illustrate the extent of Byzantine administration, while studies of coin hoards found in the various Rus' suffragan sees will supply most of the information for economic analyses.

Chronologically, this research embarks from 989 and means to address the so-called "feudalization" of Rus' after Christianization [Петрухин, 2006; Kazhdan, 1992] and the development of the Rus' metropolitanate during and after the reign of Jaroslav I Vladimirovič. It will also explore the 11th -c. rise of Rus' in light of previous historiographical interpretations, both post-Soviet (Russian and Ukrainian) and Western historiography. The research will offer syntheses to answer questions about what were imperial reactions to both processes, namely feudalization and church development, as they coincided in the mid-11th century? How was Kievan Christianization manifested in taxing local populations and how did the economy change vis-à-vis Christianization? Did Christianity become an expression of identity and loyalty or was it merely a tool of subjugation? Can such political, social and economic factors of Rus' Christianization be explained in terms of Constantine Zuckerman's concept of imperial "Pontic policy?" If so, how? And would they be detectable in both textual and archaeological sources?

The final question this study means to pose (and perhaps to partially answer) is: to what extent can the concept of “potestarity” (потестарность) be applied to the process of the adoption of monotheism (“monotheization”) - both within and beyond Kievan Rus’?

Bibliography

1. *Петрухин В. Я.* Феодализм перед судом русской историографии // *Одиссей: Человек в истории* / Гл. ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 2006. С. 161–170.
2. *Kazhdan A. P.* Russian Pre-Revolutionary Studies on Eleventh-Century Byzantium // *Vryonis S.* (Ed.). *Byzantine Studies: Essays on the Slavic World and the Eleventh Century*. New Rochelle: Aristide D. Caratzas, 1992. P. 111–124.
3. *Vasiliev A. A.* Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? // *Speculum*. 1932. Vol. 7. P. 350–360.

Л. Г. Хрушкова

Московский государственный университет (Москва, Россия)

Ранневизантийская двойная церковь в Пицунде в Абхазии (по материалам раскопок 2008-2009 гг.)

Древний Питиус (Питиунт, совр. Пицунда) — город на восточном побережье Черного моря, в Абхазии. Он хорошо известен в античной и средневековой истории Причерноморья, а также в церковной истории. Его епископ Стратофил в 325 г. принял участие в Первом Никейском соборе. Он подписал все постановления собора, засвидетельствовав свою приверженность никейскому православию. В Питиусе известно семь церквей ранневизантийского периода. Рассматриваемая двойная церковь — это церковь №5, по установившейся нумерации. Церковь расположена за стенами городища, в его юго-восточной окраинной кладбищенской зоне, близ моря, в сосновой роще. Реликтовая сосна произрастает здесь с античной эпохи, греческое слово «сосна» и дало название этому городу. Церковь была раскопана Т. М. Микеладзе в 1956 г. [Микеладзе, 1963, с. 125-131] и на протяжении свыше полувека ее руины оставались покрытыми деревьями и кустарником. Северную часть церкви археологи раскрыли полностью, снаружи и изнутри, до подошвы фундаментов стен. Образовавшаяся большая яма в течение десятилетий покрылась деревьями, корни которых разрушали стены. В 2008-2009 гг. памятник изучался Пицундской археологической экспедицией, работавшей по поручению и на средства Совета Министров Абхазии, под нашим руководством. Были проведены раскопки, обмеры и работы по консервации церкви [Хрушкова, 2018, с. 108-118]. Провести исследование окружающей территории не представлялось возможным из-за реликтовой рощи, которая охраняется как природный заповедник. Одна реликтовая сосна произрастает в южной апсиде церкви.

Наши работы открыли неизвестные ранее части сооружения, элементы интерьера, а также некрополь у ее южной стены. Был выявлен первоначальной план сооружения.

Церковь размерами 18,5 x 14,5 м состоит из двух одинаковых удлиненных помещений с апсидами, полигональными снаружи и подко-

вообразными изнутри. Апсиды сообщались между собою двумя проходами. План основного объема церкви без апсид близок к квадрату. Внутреннее пространство сооружения разделялось на две части двумя столбами. Дверные проемы располагались как в продольных стенах (по два с каждой стороны), так и в западной стене, по одному в каждом нефе (Вклейка 12, Рис. 1).

Пицундская церковь относится к типу так называемых двойных церквей. Это классическая двойная церковь, обе ее части одинаковы и расположены симметрично. Длительные дискуссии о природе и назначении двойных церквей продолжаются. Чаще всего высказывается мысль о различных функциях каждой части, например, евхаристической и крещальной. Иногда это подтверждается наличием крещальной купели, однако во многих случаях прямые археологические данные о назначении каждой части двойной церкви отсутствуют. Многие церкви этого типа имели погребальные функции и расположены близ моря или реки. Эта особенность прослежена в Греции, где выявлено больше всего двойных церквей, которые датируются ранневизантийской и средневековой эпохами [Demetrokallis, 1976, с. 361-364, 382, 544]. Наша церковь также находится у моря. У ее южной стены, обращенной к морю, мы выявили некрополь.

Церковь расположена на участке с легким уклоном к югу, в сторону моря. Неровный рельеф строительной площадки угрожал устойчивости сооружения, поэтому строители позаботились о прочности здания. Массивные пилястры расположены в интерьере, по всему периметру: в четырех углах и во всех стенах, включая обе апсиды. Два столба расположены по продольной оси здания: один — в центре, другой — в восточной части. Они утверждены на мощном стилобате, который является частью общей конструктивной системы фундаментов. В интерьере фундаменты стен снабжены широким выносом, на котором утверждены широкие пилястры. Кроме того, фундаменты усилены выступом-цоколем, расположенным в нижней части стен. Толщина продольных стен невелика: северной — 0,66 м, и 0,88 м — южной стены, которая находится на уклоне. Прочность конструкции обеспечена массивными фундаментами стен: у подошвы их толщина достигает 2,28 м, при глубине заложения 1,1–1,15 м. Эти конструктивные особенности свидетельствуют о том, что нефы церкви были перекрыты сводами. Они опирались на продольные стены и на опоры, расположенные в середине. Более совершенное и прочное перекрытие двойной церкви отличает ее от самых ранних базилик Питиуса, построенных на городище: почти все они имели легкое деревянное

перекрытие, которые обычно быстро разрушаются. Сводчатые сооружения в церковном строительстве в Восточном Причерноморье появляются около середины VI в.

Двойная церковь сложена из местного камня. Преобладает рыхлый гравийный конгломерат, кое-где в несущих элементах применены крупные камни тесаного известняка. Помимо этого, строители использовали кирпич в стенах, опорах и в вымостках. В кладке нижних частей стен и опор кирпич применен в виде поясов из двух, трех и четырех рядов, без соблюдения строгой регулярности в расположении и количестве рядов. Толщина слоев раствора между рядами кирпича также не постоянна. Восточный столб, расположенный на стилобате, несет тяжесть сводов двух апсид в месте их стыка; он почти полностью выложен из кирпича, с тонким слоем раствора между рядами. Кирпичи стандартного прямоугольного формата уложены в апсидах, между фундаментом и кладкой самой стены; они играют роль отмоктки для выравнивания рядов кладки. Этот строительный прием известен и в других памятниках северо-восточной Абхазии. Арки также были выложены из кирпича. Два фрагмента арки были найдены около южной апсиды. В кладке арок были использованы специально отформованные кирпичи, с сужением к внутренней стороне арки.

В северной апсиде сохранился участок вымостки. Она была выполнена из толстого слоя бетона (до 20 см), на который укладывался кирпич. Сильно обгоревшие кирпичи вымостки свидетельствуют о пожаре. Размеры кирпичей: 34,7 x 20,4 x 4,5 см, 34 x 22 x 5,5 см, 34 x 20 x 5 см, 34 x 17,5 x 5,5 см, 33 x 19 x 5,2 см, 31 x 30,5 x 2,7 см, 35 x 21 x 5 см. Формат кирпичей свидетельствуют о наличии некоторого стандарта. Незначительные участки бетонной вымостки сохранились и в южной апсиде, близ южной стены. Пол западной галереи был выложен кирпичом, участок такой вымостки был раскрыт в южном конце галереи. Церковь отличался большим количеством дверных проемов — это характерная черта паломнических сооружений. Шесть проемов расположены регулярно, по два в каждой стене, кроме восточной. В 2009 г. мы открыли два притвора, которые защищали дверные проемы, расположенные в восточной части продольных стен. Северный притвор сохранился лучше. Он дает представление о последовательности выполнения различных частей здания. Церковь пережила два строительных периода. Притворы относятся к первоначальному замыслу строителей. Позже возникла необходимость укрепить здание. Фундаменты стен были усилены с помощью кладки, которая шла по всему периметру здания, включая дверные проемы. Этой кладкой, игравшей роль своеобразного

контрфорса, были перекрыты остатки стен боковых притворов. С северной стороны хорошо видно, что более поздняя кладка-контрфорс лежит на остатках западной стены притвора.

Этот контрфорс отличается нерегулярной рыхлой кладкой, с малым количеством раствора. Здесь были выявлены фрагменты кирпичей необычной формы и толщины, использованные вторично. Массивные кирпичи клиновидной формы, толщиной 15 см, изготовлены из светло-коричневой глины, на изломе их цвет темно-коричневый. Один экземпляр сохранился целым. В кладке стен этот необычный строительный материал, неизвестный на других памятниках Абхазии, не был использован. Эти кирпичи происходят из неизвестного нам сооружения, расположенного по соседству; на церкви они во вторичном использовании. С западной стороны церкви был выявлен еще один новый элемент: остатки галереи, которая относилась к первоначальной строительной фазе церкви. Во второй фазе существования памятника она была утрачена. Легкое перекрытие галереи опиралось на деревянные столбики, от одного из них в центральной части западной стены галереи сохранилось круглое сквозное отверстие. Галерея была вымощена кирпичом, остатки вымостки сохранились в ее южном конце.

Элементы, выявленные в интерьере церкви, дали новые сведения об организации ее пространства. В южном нефе открыто основание перегородки, которая отделяла западную часть нефа. В основании перегородки сохранилось одно круглое углубление для колонны с отверстием в центре для металлического крепления. Судя по его положению, вход в основную часть церкви был оформлен в виде т. наз. трибелона: две колонны, на которые опирались три арки, отделяли западную часть церкви. Такая же перегородка была и в северном нефе, но от нее сохранились лишь незначительные остатки кладки с северной стороны стилобата. Таким образом, оба нефа имели дополнительные членения, их западная часть отделялась трибелоном. Такие конструкции в раннехристианской архитектуре часто использовались на переходе из нартекса в центральный неф, они подчеркивали особую значимость входа. В северной апсиде были открыты остатки двухступенчатого синтрона. Очевидно, что северный неф церкви имел евхаристические функции. Сохранились фрагменты колонок диаметром 11 см и четыре маленькие капители, изготовленные из проконнесского мрамора. Судя по их размерам, они были частями ножек престола.

Некрополь располагался у южной стены и у южной апсиды церкви. С северной и западной сторон церкви захоронения отсутствовали. Мы раскопали часть некрополя, непосредственно примыкающую

к стенам. Грунтовые погребения были совершены по христианскому обряду: костяк на спине, головой на запад, руки на груди или в области таза. Большинство костяков было в потревоженном или перемешанном состоянии, потому что при совершении новых захоронений более ранние сдвигались, анатомический порядок скелетов нарушался. Костяки парного безынвентарного погребения напротив юго-восточного дверного проема лежали *in situ* на остатках южной стены притвора, ко времени захоронения уже не существовавшего. Шурф, заложный у южной апсиды, обнаружил два потревоженных безынвентарных захоронения. Вещи в могилах почти отсутствуют. В двух погребениях было обнаружено по одному железному ножу плохой сохранности. Одно двойное захоронение стоит особняком. Оно было совершено в «гробнице», стенки которой были выложены из необработанных камней, уложенных в один ряд, без раствора. В ней два костяка располагались один над другим, без вещей, нижний костяк лежал на песке; верхний костяк сохранился лучше.

Археологические материалы, полученные раскопками, делятся на следующие группы: многочисленная строительная керамика, керамическая посуда и небольшое количество предметов из металла и стекла. В группе строительной керамики преобладает плоская черепица, в ее формах стандартизации не наблюдается; круглая черепица малочисленна. В группе посуды преобладают амфоры, есть также пифосы, горшки и миски. Амфоры преимущественно так называемые «коричнево-глиняные», с подтреугольным в сечении венчиком, с плоскими, высоко прикрепленными ручками и коническим дном. Амфоры этого типа датируются VI в. При расчистке южной апсиды была найдена петлевидная ручка стеклянной лампадки, типичной для ранневизантийского времени.

Таким образом, раскопки выявили первоначальный план церкви и две фазы ее исторической жизни. В первой фазе церковь имела два симметричных нефа, разделенных двумя столбами, две выступающие полигональные снаружи апсиды и дополнительные помещения: боковые притворы, примыкающие к основному объему в его восточной части, и галерея с западной стороны. В интерьере западные части обоих нефов отделялись аркадой — трибеломом. В северном нефе существовал синтрон. Необходимость укрепления здания побудила строителей отказаться от дополнительных помещений, притворов и галереи, оставив неизменным основной объем. Судя по взаимному положению фундаментов разновременных частей здания, время перестройки последовало вскоре после сооружения здания.

По окончании раскопок мы провели необходимые работы по консервации памятника, усилиями реставратора Романа Петровича Смирнова (Севастополь). Разрушенный фундамент стен в юго-западном углу, а также поверхности стен церкви были укреплены строительными материалами самой церкви. В качестве связующего материала был использован специально изготовленный известковый раствор, с добавлением древней дробленой черепицы, близкий по составу к подлинному раствору церкви. По окончании работ памятник был засыпан речным песком.

В строительной технике церкви отмечаются характерные черты византийской строительной традиции: использование кирпича в арках, столбах и других конструктивных элементах. План церкви не находит близких аналогий на Кавказе и в Крыму. Подобные сооружения строились в Малой Азии и Греции в ранневизантийский, период, как и в средневековую эпоху.

Двойная церковь дополняет картину развития христианской топографии города Питиуса–Пицунды. Самая ранняя церковь появилась здесь в первые десятилетия IV в. за стенами римского кастелла, на участке, который сначала было кладбищенским. С расширением города церковь, к тому времени уже перестроенная и расширенная, была включена в пространство внутри городских стен. На протяжении V-VI вв. церковь неоднократно перестраивалась. Другой культовый комплекс сформировался вне стен городища. Он состоял из раннехристианских сооружений и большого купольного храма, возведенного в начале X в. в качестве кафедрала епархии Сотириуполис, подчинявшейся Константинопольскому патриархату. И еще одним культовым центром, также за стенами города, в прибрежной зоне, служила рассмотренная здесь двойная церковь. Построенная в юстиниановскую эпоху, она была действующей на протяжении нескольких веков.

Библиография

1. Микеладзе Т. М. Двухапсидная церковь в Бичвинте // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. 2. 1963. С. 125-131 (на груз. яз.).
2. Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. Калининград-Москва, 2018. С. 108-118.
3. Demetrokallis G. Oi dikonxoi xristianikoi naoi. Athenai, 1976. С. 361-364, 382, 544.

В. Н. Чаидзе

Институт археологии РАН (Москва, Россия)

А. Ю. Виноградов

НИУ Высшая школа экономики (Москва, Россия)

Средний Зеленчукский храм на Нижне-Архызском городище. Раскопки 2018–2019 гг.

Нижне-Архызское городище, расположенное в среднем течении реки Большой Зеленчук, на ее правом берегу (Карачаево-Черкесская республика) является одним из уникальных археологических памятников на территории РФ — специально созданным митрополичьим городом, с тремя древнейшими сохранными храмами России — Северным, Средним и Нижним Зеленчукскими. Древнее имя города неизвестно. Жизнь на городище продолжалась в X–XII вв. После монголо-татарского нашествия (первая треть XIII в.) город приходит в упадок. Сегодня городище находится в ведении КЧРГБУ «Аланский христианский центр на Северном Кавказе» и является объектом музейного показа.

Средний Зеленчукский храм (Рис. 1) построен в X в. — первоначально купольный храм типа полусвободного латинского креста с восточными пастофориями и тремя апсидами; после перестройки конца XIX в. — купольный храм типа вписанного креста простого извода без свободно стоящих опор, с тремя апсидами. Длина храма без центральной апсиды и притвора — 14,86–14,9 м, с апсидой — ок. 17,55 м, ширина — ок. 15,55 м [Кузнецов, 1968, с. 137–147, рис. 1–6; 2017, с. 115–119; Белецкий, Виноградов, 2019, с. 94–131, рис. 55–91].

Научные археологические работы в Среднем Зеленчукском храме производились спорадически. В 1867 г. небольшие любительские раскопки в центральной апсиде предпринял член Русского археологического общества Н. А. Нарышкин, обнаруживший престол (?). Выявлен был и пол храма, выложенный плитами и покрытый цемянкой [Отчет, 1877, стб. 363–366; Кузнецов, 1968, с. 142–143]. В 1896–1897 гг. храм был «реконструирован» и видоизменен монахами Зеленчукского Александро-Афонского монастыря, соорудившими боковые при-

стройки [Кузнецов, 2017, с. 115]. Можно полагать, что тогда же ими были произведены какие-то раскопки внутри храма, связанные со снятием полов.

В 1965 г. экспедицией Северо-Осетинского НИИ был заложен шурф у основания северного предалтарного столба, в котором были выявлены куски цемьянки. Описанный Нарышкиными пол, выложенный из плит, уже отсутствовал. Тогда же была произведена расчистка стены центральной апсиды, показавшая, что с ее внутренней стороны имеется трехступенчатый цоколь, высотой 1 м. Еще один шурф был заложен у северной стены храма с внешней стороны, где прослежен строительный шов между кладками, высотой 4,25 м [Кузнецов, 1968, с. 143–144].

В 1979 г. предпринятая нивелировка местности вокруг храма показала, что перед строительством площадь была выровнена [Кузнецов, 2017, с. 115]. В 1980 г. была заложена разведочная траншея в северном нефе, ориентированная с востока на запад, которая была призвана подтвердить догадку о том, что при начале строительства предполагалось соорудить храм без боковых апсид, в виде «чистого креста», но при возведении постройки этот замысел был изменен и добавлены боковые апсиды. Аналогичная траншея была заложена в южном нефе [Кузнецов, 2017, с. 117].

В 1980–1984 гг. в храме проводились архитектурно-обмерные работы Проектного института по реставрации памятников истории и культуры, в 1981 г. внутри и снаружи храма было заложено 23 шурфа (Рис. 2) [Белецкий, Виноградов, 2019, с. 95].

В 2001 г. раскопки семи погребений в каменных ящиках с южной стороны Среднего храма, производились экспедицией Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея заповедника (раскопы 1 и 2) [Чхаидзе и др., 2019, с. 161].

В 2018–2019 гг. совместной Нижне-Архызской археологической экспедицией Института археологии РАН и НИУ Высшая школа экономики, проводились исследования внутри интерьера храма и снаружи, у северной апсиды (Вклейка 13, Рис. 2). Основной задачей работ являлось установление хронологии строительства храма, выявление его функциональной структуры, изучение прихрамового некрополя [Чхаидзе и др., 2019, с. 161; Белецкий, Виноградов, 2019, с. 115].

В результате раскопок в юго-восточном приделе и южном рукаве (шурф 2 — 15,9 м²) было выяснено, что древний пол практически полностью разрушен в ходе монашеской реставрации XIX в.: обнаружены фрагменты двух последовательных древних полов, известково-

го и цемянкового. Работы в храме тем самым дали возможность увидеть технику его кладки и устройство неглубокого фундамента, более глубокого в западной части южного рукава; фундамент был впущен в материк неглубоко. Помимо этого, были обнаружены фрагменты осыпавшихся оригинальных фресок и фрагменты керамики, в том числе поливной. Также выявлен слой обрушения монашеской штукатурки. На южном участке погребений не обнаружено, хотя найдены отдельные фрагменты костей.

В первоначально заложенном шурфе 1 в западном рукаве на уровне пилястров был открыт ленточный фундамент из камня (опора каменных хор). Площадь шурфа была включена в границы раскопа I (27 м²) (Вклейка 14, Рис. 3). Основание для предполагавшихся опор каменных хор, которое затем однако не было использовано, в южной части было пробито для устройства трех грунтовых христианских погребений. Центральное, женское погребение — в плитовом ящике, инвентарь представлен серебряным витым браслетом, надетым на руку погребенной. Два грунтовых погребения к югу совершены в гробах, на что указывают находки гвоздей. Одно из погребений — мужское, безынвентарное, другое — детское, содержало ожерелье из 10 бусин (стекло, паста, кость) и бронзовое зеркало, находившееся в кожаном чехле. Помимо этого, в северо-западном углу западного рукава открыты еще два плитовых ящика, в которых совершены два безынвентарных погребения. При этом погребения вторичны, так как кости первоначально захороненных в обоих ящиках трех человек были, вероятно, вынуты и сложены с внешней стороны северной гробницы. В раскопе также выявлены следы двух последовательных древних полов, известкового и цемянкового, обнаружены фрагменты осыпавшихся оригинальных фресок и слой обрушения монашеской штукатурки.

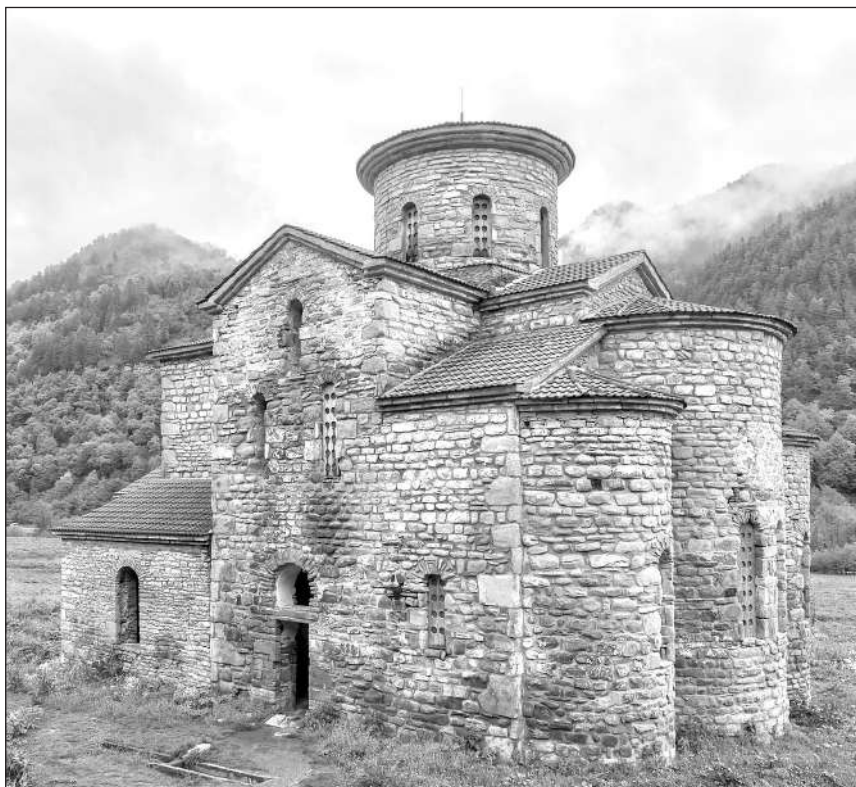
С внешней стороны храма у северной апсиды был заложен раскоп 3 (22,67 м²), а вдоль северной стены — траншея для доследования реставрационных шурфов 1981 г. (Вклейка 15, Рис. 4). В результате исследований вскрыты 12 плитовых ящиков, частично разрушенных (в том числе реставрационными шурфами). Плитовые ящики расположены в два слоя. Выявлено 13 погребений, частью фрагментированных. Все они оказались безынвентарными, что объясняется христианской принадлежностью погребенных.

Немногочисленный керамический материал, обнаруженный в шурфах и раскопах, относится к X–XIII вв.

Библиография

1. *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* История и искусство христианской Алании. М., 2019. 329 с.
2. *Кузнецов В. А.* Средний Зеленчукский храм // СА. 1968. № 3. М. С. 137–147.
3. *Кузнецов В. А.* Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск, 2017. 320 с.
4. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью, в 1867 году // Известия РАО. Том VIII. Вып. 4. СПб., 1877. Стб. 325–368.
5. *Чхаидзе В. Н., Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В., Дружинина И. А.* Новые находки в Среднем Зеленчукском храме в 2018 году // Кавказоведение: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской. Карачаевск, 2019. С. 160–161.

Рис. 1. Средний Зеленчукский храм (2018 г.). Вид с юго-востока

В. Ю. Юрочкин

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Т. В. Олейник

Институт археологии РАН (Москва, Россия)

К вопросу об античных прототипах ранневизантийских ритуальных сосудов с полихромными портретами

В 1949 г. В. Ф. Гайдукевич в монографии «Боспорское царство» опубликовал рисунок миниатюрного кувшина (лекифа) из собрания Одесского археологического музея с изображением лица бородатого мужчины (Вклейка 16, Рис. 1, А). Сосуд был найден в Керчи до 1896 г. Учёный, отмечая его оригинальность, счёл возможным поставить лекиф в один ряд с боспорскими акварельными вазами, датировав его III в. до Р. Х., предполагая в нем личный портрет некоего боспорянина эпохи эллинизма [Гайдукевич, 1949, с. 143, рис. 24].

Ещё два однотипных сосуда из коллекции Керченского музея опубликовал в 1957 г. В.И. Цехмистренко [Цехмистренко, 1957, с. 147-149, рис. 58, 1-3]. Руководствуясь, вероятно, авторитетным мнением В. Ф. Гайдукевича, исследователь также склонялся к датировке образцов эллинистической эпохой. Вместе с тем он сделал важное наблюдение: глина расписных сосудов резко контрастирует с боспорской, что не позволяет допускать их местное происхождение, а, скорее, напоминает керамическое тесто синопских амфор.

В том же году В.Д. Блаватский при раскопках христианских плитовых могил на северо-восточном склоне г. Митридат, впущенных в культурный слой античного периода, в одной из них обнаружил аналогичный сосуд. Изображение лица сохранилось плохо, однако под ручкой размещалась надпись белой краской ЕФΩ. Стало очевидным, что артефакт относится не к эллинистической, а к более поздней эпохе. Сопоставляя его с указанными сосудами из Одесского и Керченского музеев, В.Д. Блаватский датировал эту группу концом IV-V вв., «или может быть немного позднее». При этом он полностью поддержал мнение относительно синопского происхождения сосудов [Блаватский, 1964, с. 225, рис. 77; 1985, с. 25-30]. Это обстоятельство заставило

В. Ф. Гайдукевича пересмотреть датировку и в «берлинском» издании монографии «Боспорское царство» (1971 г.) он поместил лекиф из одесского собрания в раздел, посвященный истории позднеантичного-раннесредневекового периода [Gajdukevic, 1971, s. 502, abb. 149].

Корреляция находок сосудов этого типа с другими предметами из захоронений Таврики подтвердила их раннесредневековое происхождение и позволила отнести к периоду конца VI — первой половины VII вв. [Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2, 93, 4, 7].

Более пристальное визуальное изучение изображений показало, что лица на сосудах помещены в неокрашенное поле округлой формы, обрамлённое фигурными элементами, нанесёнными красной краской, образуя подобие нимба в христианской иконографии. Наличие лика в нимбе в сочетании с хронологией сосудов не оставляет сомнения, что на лекифах помещён образ одного из христианских святых. Синопская глина лекифов позволила высказать предположение, что на них помещён лик чтимого в Синопе святого мученика Фоки (Епископа II в. или Садовника IV в.). Мартирий с его мощами располагался в окрестностях города и уже в конце IV в. почитался, притом не только местными жителями, но и обитателями Северного Причерноморья и Боспора в частности [Латышев, 1890, с. 722-723]. Атрибуцию изображений как ликов св. Фоки подтвердила и надпись ФΩΚ на плечике одного из лекифов, найденных в Юго-Западном Крыму [Юрочкин, Туровский, 2001]. К подобным выводам независимо пришёл и В. П. Яйленко, рассматривавший упомянутый сосуд из раскопок В. Д. Блаватского [Яйленко, 2010]. Альтернативное мнение было высказано Н. Ф. Федосеевым, О. А. Ивановой, считавших, что данные сосуды связаны со св. Миной [Федосеев, Иванова, 2014]. Так или иначе, перед нами образцы раннесредневековой «ремесленной» христианской иконографии.

В настоящее время есть сведения о находках 7 сосудов, происходящих с территории Керченского полуострова (Боспор) и горной части Юго-Западной Таврики (Готия) (Вклейка 16, Рис. 1, Б). Высота лекифов 14-17 см. Лики нанесены в полихромной технике с использованием красок черного и красного цвета. Поскольку все они происходят из захоронений, следует считать, что они изначально связаны с погребальной традицией. Возможно, в них помещался елей, освящённый на мощах св. Фоки, а затем вывозившийся паломниками в другие регионы, в частности в Таврику. Данная группа сосудов с ликами представляется уникальной и, возможно, локальной. Подобная форма сакральных изображений не получила распространения в более позднюю эпоху.

Однако хорошо известно, что традиции христианского искусства особенно в позднеантичный и раннесредневековый период зачастую уходят корнями в более раннюю эпоху. Но в отличие от античной керамики, для которой вполне характерно наличие антропоморфных изображений (будь то людей или божеств), византийская керамика не унаследовала этой традиции. Монохромные схематические сюжетные композиции появляются лишь на поливной посуде X-XV вв. и не демонстрируют прямых связей с античными. Оплечные портретные образы людей и богов на посуде не были слишком популярны даже в эпоху античности. Предпочтение отдавалось все же многофигурным ростовым композициям, не говоря уже о редкости полихромных изображений. Это справедливо в первую очередь, в отношении продукции массового производства. И все же сбрасывать со счетов античное влияние на появление феномена «лекифов Фоки» не приходится.

В этой связи особый интерес представляет так называемый кубок Диониса ритуального назначения, недавно найденный на некрополе Кобякова городища в погребении № 78, датируемом в пределах конца I — первой половины II вв. Это краснолаковый двуручный кубок высотой 19 см при максимальном диаметре 12 см, на котором поверх розового ангоба с обеих сторон нанесены полихромные оплечные портреты (Вклейка 16, Рис. 1, В). Оба они изображают, предположительно, персонажей античной мифологии, связанных с культом виноделия: один — Диониса-Вакха, другой — Сатира. Примечательно, что в погребальном инвентаре данный предмет занимал место среди специального набора сосудов, используемых для распития вина (большой кувшин, канфар, миска, кубок). Последнее обстоятельство — это еще один из признаков, помимо портрета, сближающих «кубок Диониса» с «сосудами св. Фоки», и наводящих на мысль о том, что он, как и все его средневековые «аналоги», скорее всего, был связан с определенным погребальным обрядом. Аналогов своей находке авторы публикации не подобрали и отнесли её к произведениям боспорских мастерских, во многом из-за «характерной для них глины с известковыми включениями». [Ларенок, 2010, с. 288-293, рис. 1, 3-4; Ларенок, 2016, с. 76-82, фото 1-2.] Но, насколько нам известно, никакие лабораторные анализы состава керамического теста данного сосуда на предмет его происхождения не проводились. Это обстоятельство пока, на наш взгляд, не позволяет однозначно локализовать место его производства, хотя и боспорское его происхождение исключать не приходится.

Конечно, в настоящее время утверждать прямую связь между «кубком Диониса» и «сосудами св. Фоки» преждевременно. Однако находка из некрополя Кобякова городища, возможно, позволит по-новому взглянуть на проблему происхождения традиции изображения полихромных оплечных портретов сакральных персонажей на керамике. Если допустить боспорское происхождение «кубка Диониса», следует обратить внимание ещё на одно обстоятельство. При однотипности сосудов «св. Фоки» и общей манере исполнения изображений, черты лица святого на различных экземплярах сильно разнятся между собой и явно не относились к единой «партии», выполненной одним живописцем-ремесленником. Объяснить это пока сложно. Очевидно, в период создания сосудов устоявшегося иконографического канона в изображении синопского мученика не было. В этой связи можно предположить, что не все лекифы, привозимые от мартирия св. Фоки из района Синопы изначально были снабжены изображениями ликов. Пример тому — однотипные лекифы из подбойной могилы 155 некрополя Суук-Су и склепа 482 могильника Скалистое [Репников, 1907, с. 117-118; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 120, рис. 89, 7,8]. На такие сосуды изображения ликов могли наноситься уже местными мастерами в Таврике, с соблюдением общей схемы, цветового решения и техники, но в иной манере, с иными чертами лица. Это могло происходить и на территории Боспора, где традиция украшения сосудов полихромными оплечными сакральными портретами могла существовать ещё в первые века в первые века нашей эры.

Библиография

1. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1.
2. Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964.
3. Блаватский В. Д. Сосуд с надписью ЕФΩ // Античная археология и история. М., 1985.
4. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
5. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.,-Л., 1949.
6. Ларенок В. А. Кубок Диониса // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.-К., 2010.
7. Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000-2001, 2002, 2004 годов. Часть II. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом», 2016.
8. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. I. Вып. 3.

*К вопросу об античных прототипах
ранневизантийских ритуальных сосудов с полихромными портретами*

9. Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. 1907. Т. XXVII.

10. Федосеев Н. Ф. Иванина О. А. О некоторых христианских реликвиях из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2014.

11. Цехмистренко В. И. Два керченских сосуда с акварельной росписью // КСИА. 1957. Вып. 70.

12. Юрочкин В. Ю., Туровский Е. Я. Сосуды с изображением святых мучеников из Таврики // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность (тезисы докладов III Крымской Международной конференции по религиоведению). Севастополь, 2001.

13. Яйленко В. П. Христианские и парахристианские надписи Боспора. // Древности Боспора. 2010. Вып. 14.

14. Gajdukevic V. F. Das Bosphorische Raich. Berlin, 1971.

Т. Ю. Яшаева

ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия)

Об одной группе византийских энколпионов из Херсонеса

В ходе раскопок средневековых слоев херсонесского городища наряду с церковной утварью встречаются предметы личного благочестия, в том числе различные типы нагрудных крестов-реликвариев. Мы рассмотрим прямоконечные энколпионы с врезными изображениями, среди которых преобладают образы святых орантов, имеющие схематичность ликов и поз с характерной «выворотностью» воздетых в молитве рук, и вместе с тем богато орнаментированные одежды. В последние десятилетия исследователями был пересмотрен взгляд на происхождение этого типа энколпионов, ранее относимых к сиро-палестинскому региону [см. с лит.: Пескова, 2009]. А. А. Пескова выделяет среди них две большие группы по составу изображений: с традиционной христианской иконографией (группа 1) и с абстрактно-символической (группа 2) [Пескова, 2009, с. 290–291]. Современные исследователи склоняются к константинопольскому происхождению первой группы крестов и — ближневосточному второй [Пескова, Строкова, 2012, с. 57].

Выборка, представленная в нашей публикации, включает в себя 11 крестов группы 2 (по А. А. Песковой); их объединяет наличие дополнительного декора в виде вставок, которые помещались в специальные круглые гнезда. Вставки могли быть выполнены из различных материалов. В гнезде одного из херсонесских энколпионов сохранилась стекловидная масса светло-зеленого цвета (Рис. 2,4; 3,8). Вставки, выполненные из стекла или полудрагоценных камней, носили декоративный характер, но они, безусловно, приобретали сакральное значение, если в гнезда помещались какие-либо святые реликвии, например, частицы мощей, закатанные в воскомастику.

Десять крестов-реликвариев из выборки хранятся в фондах ГМЗХТ (Рис. 1,1–5; 2,1,3–6; 3,1–10), один — в ГИМ (Рис. 2,2) [Меч и златник, 2012, с. 161, № 405].¹ Семь крестов публикуются впервые

¹ Рассматриваемая группа херсонесских энколпионов, находящихся в хранении ГЭ, в выборке не учитывалась. Это станет следующим этапом исследования.

(Рис. 1,1,2,4,5; 2,1,5,6). Наиболее полную информацию об условиях находок нам дают пять экземпляров, происходящие из раскопок: Р. Х. Лепера в 1913 г. (Рис. 2,6; 3,10), О. И. Домбровского в 1958 г. (Рис. 1,3; 3,3), В. И. Кадеева в 1965 г. (Рис. 1,2; 3,2), А. И. Романчук в 1982 г. (Рис. 2,4; 3,8), М. И. Золотарева в 1991 г. (Рис. 2,3; 3,7). Остальные энколпионы из выборки были выявлены в ходе раскопок К. К. Косцюшко-Валюжиничем в XIX в. и мы не располагаем конкретными сведениями об их археологическом контексте.

Все кресты выполнены из сплава на основе меди (визуальный осмотр) в технике литья, резьбы, гравировки, инкрустации. Пять экземпляров декорированы крестообразными композициями, образованными стилизованными изображениями пальмовых ветвей (Рис. 1,1–3; 3,1–3) или многолучевыми звездами (Рис. 1,4,5; 3,4,5). В христианстве пальмовая ветвь предстает как символ вечности [Уваров, 2001, с. 147]. На христианских памятниках Херсонеса эта символика встречается с ранневизантийского периода до поздневизантийского [Яшаева и др., 2011, № 36, 370, 373, 451 и др.]. В средокрестии всех створок были сделаны гнезда для вставок, некоторые кресты имеют дополнительные гнезда на концах перекладин (Рис. 3,1,4). В центральном гнезде створки, найденной О.И. Домбровским в могиле 4 в ходе раскопок крестообразного «Храма с ковчегом» в 1958 г., на дне был прочерчен крестик (Рис. 3,3), возможно, это гнездо предназначалось для положения реликвии.

Три следующих креста-реликвария — с изображениями святых орантов (Рис. 2,1–3; 3,6,7). На лицевой створке одного из них представлен святой оронт, над головой которого, по сторонам верхнего гнезда — гравированная греческая надпись, написанная в две колонки справа-налево: ИОА/НИС (Рис. 2,1; 3,6). Уточнить, кого из святых, носящих это имя, мы видим на створке, дает возможность иконография. Наличие омофора с крестами, указывающего на архиерейский чин, и подчеркнутый высокий лоб святого позволяют предположить в этом образе константинопольского архиепископа св. Иоанна Златоуста [Дончева-Петкова, 2011, с. 79]. На целом кресте-реликварии из ГИМ в центре лицевой створки изображена Богоматерь «Знамение» (Рис. 2,2); у Богоматери и Младенца крестчатые нимбы, над головой — поясняющая греческая надпись в две строки: ΘΕΟΤ/ΚΕ (одна буква пропущена); слева и справа от Богоматери — погрудные изображения святых; в центре оборотной створки — изображение святого оранта и четыре гнезда для вставок. Третий энколпион также целый (Рис. 2,3; 3,7). Он был найден М.И. Золотаревым в 1991 г.

в ходе раскопок жилого квартала в северо-восточном районе Херсона [Ушаков, Яшаева, 2009, с.196, рис.3,1]. На его лицевой створке изображен крест с вогнутыми торцами перекладин и «слезками» на концах, в средокрестии — круг, декорированный плетенкой с двойным углублением в центре. На оборотной створке — изображение Богоматери Оранты в рост, над головой — надпись: МНР/ХС (под титлами) (верхняя часть буквы «Р» сбита). Аналогия этой достаточно редко встречающейся на крестах надписи: «Матерь Христа» известна на энколпионе X-XI вв. из «сирийской коллекции» Б.И. и В.Н. Ханенко в Киеве [Пескова, Строкова, 2012, с. 73, Кат. №7].

На трех последних крестах-реликвариях, представленных в выборке, врезной декор отсутствовал, створки были украшены только вставками (Рис. 2,4–6; 3,8–10). Один энколпион найден А.И. Романчук в 1982 г. в ходе раскопок в Портовом квартале 2 (Рис. 2,4; 3,8). Его лицевая створка декорирована пятью гнездами для вставок в средокрестии и на концах перекладин с дополнительными углублениями на дне; на оборотной створке — циркульный орнамент. Декор креста находит очень близкую аналогию в Женевском музее искусства и истории, где датируется XI в. [Pitarkis, 2006, Cat. 614]. Крупная плоская створка (9,5х6,4см) из раскопок Р.Х. Лепера в 1913 г. между новым собором и восточной оградой (Рис. 2,6; 3,10) отнесена нами к энколпионам пока условно, до проведения специального исследования на основе методов нейтронной и синхротронной визуализации, которые позволят установить, был ли он изначально одностворчатым или бортики створки спилены еще в древности, после его поломки. Практика приспособления створок поломанного креста-складня для ношения известна в византийском Херсоне, при этом спиленные бортики створки тщательно заглаживались, а в верхнем конце просверливалось сквозное отверстие для подвешивания [Яшаева и др., 2011, № 199; Ушаков, Яшаева, 2009, с. 196, рис. 3,2].

Представленные в выборке энколпионы из раскопок византийского Херсона находят аналогии преимущественно на территории Малой Азии и европейской части Византии, где они датируются концом X–XI в. [Pitarkis, 2006, Cat. 441, 443, 460, 480, 487, 614 и др; Дончева-Петкова, 2011, Кат. 68, 69, 158, 176, 177; Пескова, 2009, с. 305–309; Пескова, Строкова, 2012, с. 57]. Они не только пополняют общую статистику крестов-реликвариев данного типа, но и расширяют наши знания о личном благочестии христиан провинциального византийского города Херсона.

Библиография

1. Дончева-Петкова Л. Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV в). София, 2011. 734 с.
2. Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки / Науч. ред. Д. В. Журавлев, В. В. Мурашева. М., 2012. 319 с.
3. Пескова А. А. Традиции изображения святых на византийских крестах-реликвариях // *Archeologia Abrahamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама* / ред.-сост. Л. А. Беляев. М., 2009. С. 285–312.
4. Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. Санкт-Петербург–Киев, 2012. 220 с.
5. Уваров А. С. Христианская символика. Часть 1. Символика древне-христианского периода. М., 2001. 255 с.
6. Ушаков С. В., Яшаева Т. Ю. Предметы личного благочестия из раскопок жилого квартала в северо-восточном районе Херсона // *Sacrum et Profanum IV. Религия в жизни человека и общества. Сборник научных трудов*. Севастополь, 2009. С. 195–200.
7. Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь–Остин, 2011. 707 с.
8. Pitarakis B. *Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze*. Paris, 2006. 446 с.

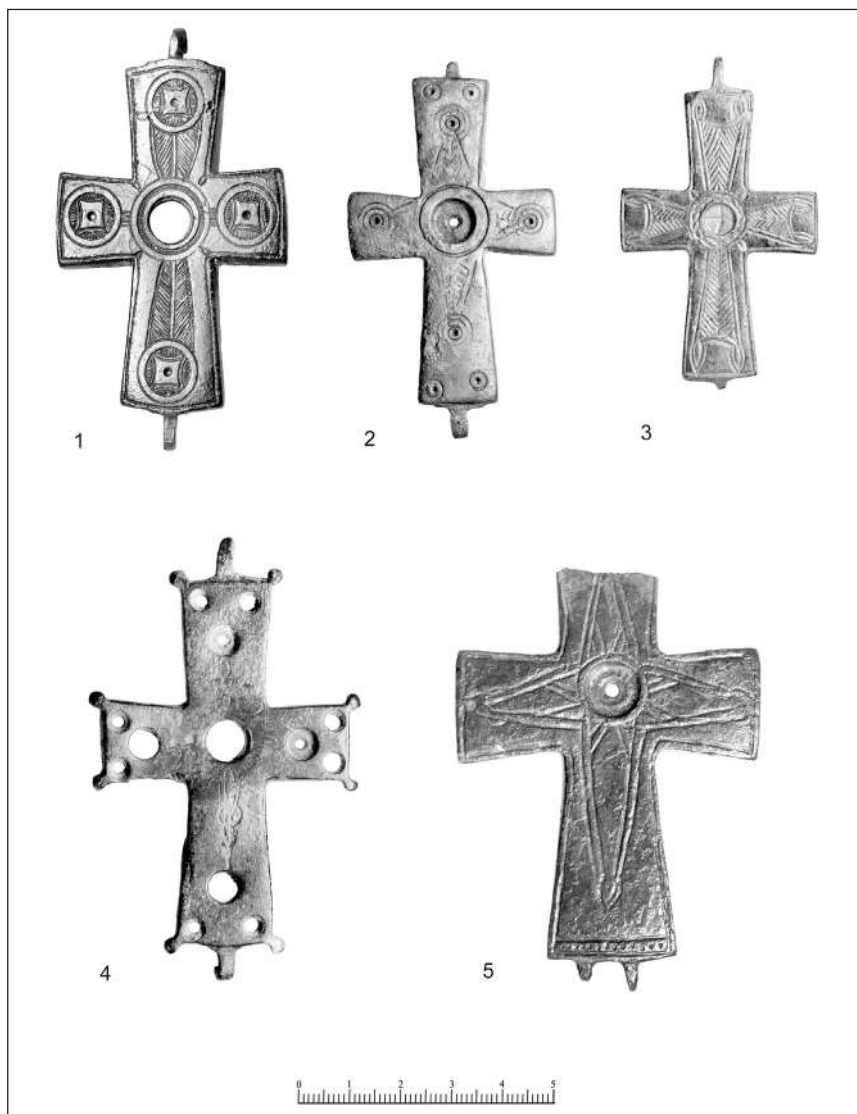

Рис. 1. Прямоконечные кресты-реликварии из Херсонеса. X-XI вв.
(фото К. В. Зыковой)

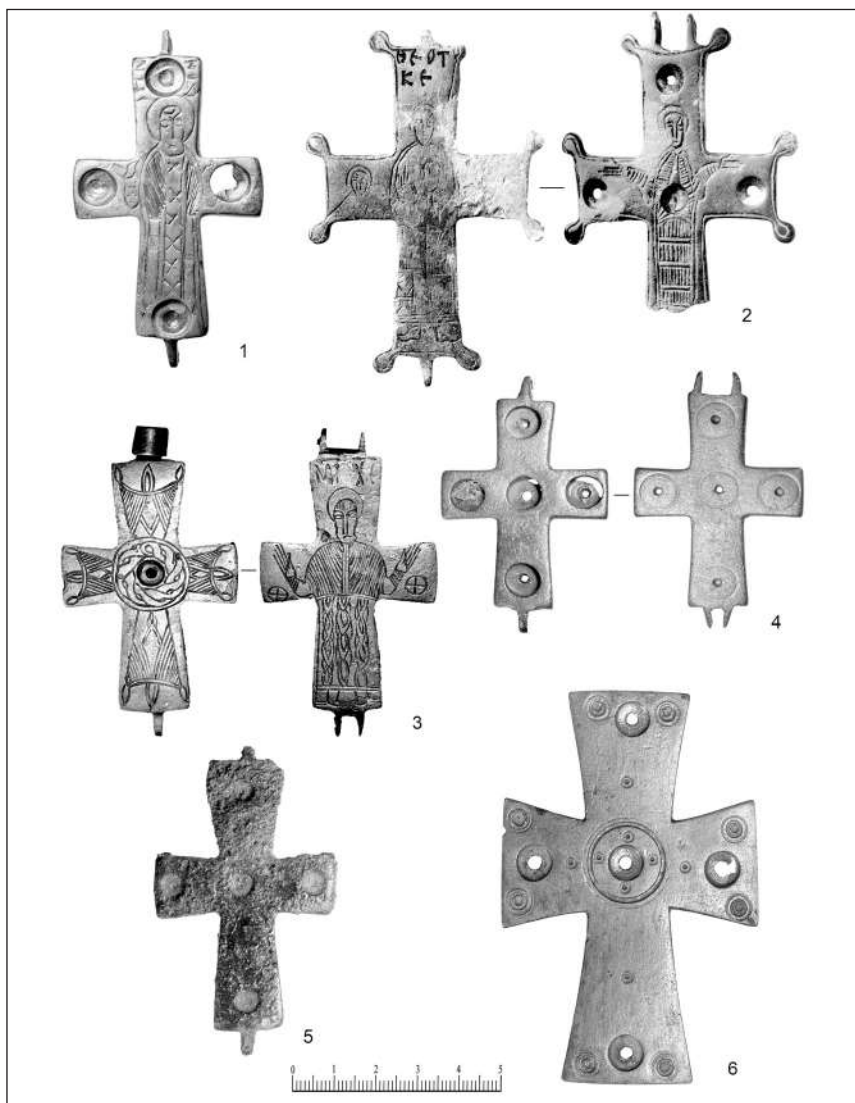

Рис. 2. Прямоконечные кресты-реликварии из Херсонеса. X-XI вв. (фото К. В. Зыковой)

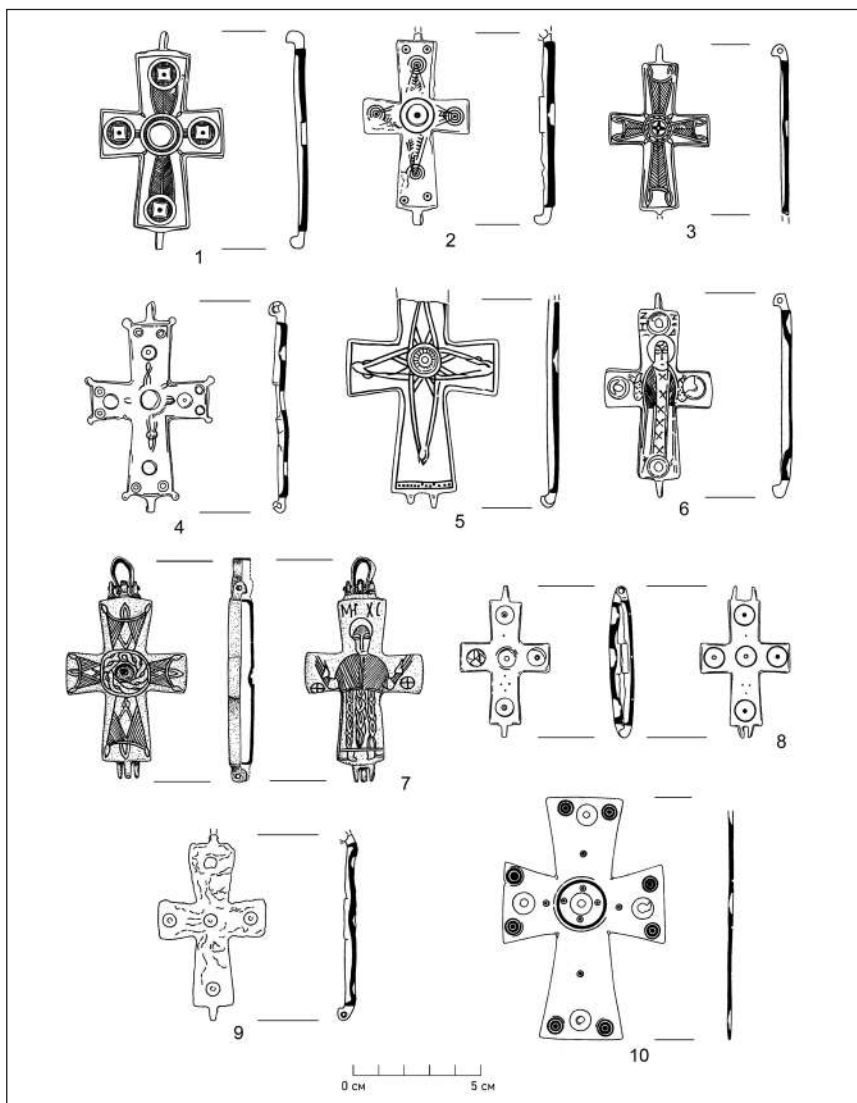

Рис. 3. Таблица крестов-реликвариев из Херсонеса X-XI вв.
(художник Д. В. Чмыхов)

Список сокращений

АИКМ —	Алуштинский историко-краеведческий музей
АСХ —	Античная скульптура Херсонеса
ГИМ —	Государственный исторический музей
ГМЗХТ —	Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»
ГОП —	Государственная оружейная палата
ГПБСЩ —	Государственная публичная библиотека им. М.Е. Сатыкова-Щедрина
ГПБ —	Государственная публичная библиотека
ГЭ —	Государственный Эрмитаж
ЗРВИ —	Зборник Радова византолошкогo института
ЗООИД —	Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК —	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК —	Известия Российской академии истории матери- альной культуры
ИИМК РАН —	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА —	Краткие сообщения института археологии АН СССР
МАИЭТ —	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА —	Материалы и исследования по археологии СССР
CFHB —	Corpus fontium historiae byzantinae
DOC —	Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection
PL —	Patrologiae Cursus Completus / Ed. J.-P. Migne. Series Latina

Научное издание

Христианство в археологических и письменных источниках

*Материалы IX международной
научной конференции
по церковной археологии*

Редакторы-составители
МАЙКО Вадим Владиславович
ХАЙРЕДИНОВА Эльзара Айдеровна
ЯШАЕВА Татьяна Юсуфовна

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка и дизайн *В. А. Бибик*

*В оформлении обложки использована репродукция литографии
Уильяма Симпсона «Вид на Севастополь от руин древнего Херсонеса
и старинного собора св. Владимира» 1856 г.
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический» (инв.№323)*

Подписано в печать 03.09.2020
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 11,5
Тираж 100 экз.

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908

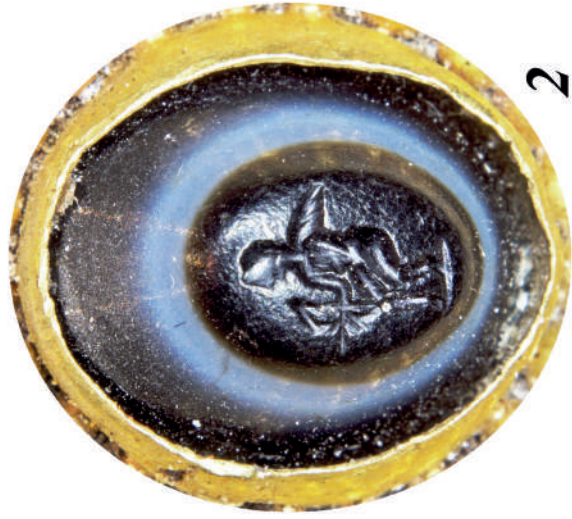
А. Г. Герцен

Вклейка 1

Раннехристианская гемма из Мангула

1

2

Рис. 1. Гемма из склепа № 56 могильника в Алмалык-дере

Классификация византийского растительного орнамента

Рис. 1. Мотив «византийский цветок», варианты: 1 – Лимбургская ставротека, Лимбург-на-Лане, серебро, X в. [Банк, 1971, рис. 3]; 2 – Берлин, Государственная библиотека, кодекс Филипс 1538 [Weitzmann, 1935, abb. 107]; 3 – Остромирово Евангелие, 1056–1057 гг. [Орлова, 2007б, ил. 522]; 4 – 1, 2 – собор Св. Софии, Киев, XI в. [Орлова, 2007а, ил. 296]; 5 – Евангелие ГПБ, греч. 105, XIII в. [Лихачева, 1977, табл. 35]

Классификация византийского растительного орнамента

Рис. 2. Композиции орнамента типа «византийский цветок»:
1 – Берлин, Государственная библиотека, кодекс Филипс 1538
(Weitzmann, 1935, abb. 106); 2, 3 – собор Св. Софии, Киев [Орлова,
2007а, ил. 296, 298]; 4, 5 – Остромирово Евангелие
[Орлова, 2007б, ил. 515, 522]

Классификация византийского растительного орнамента

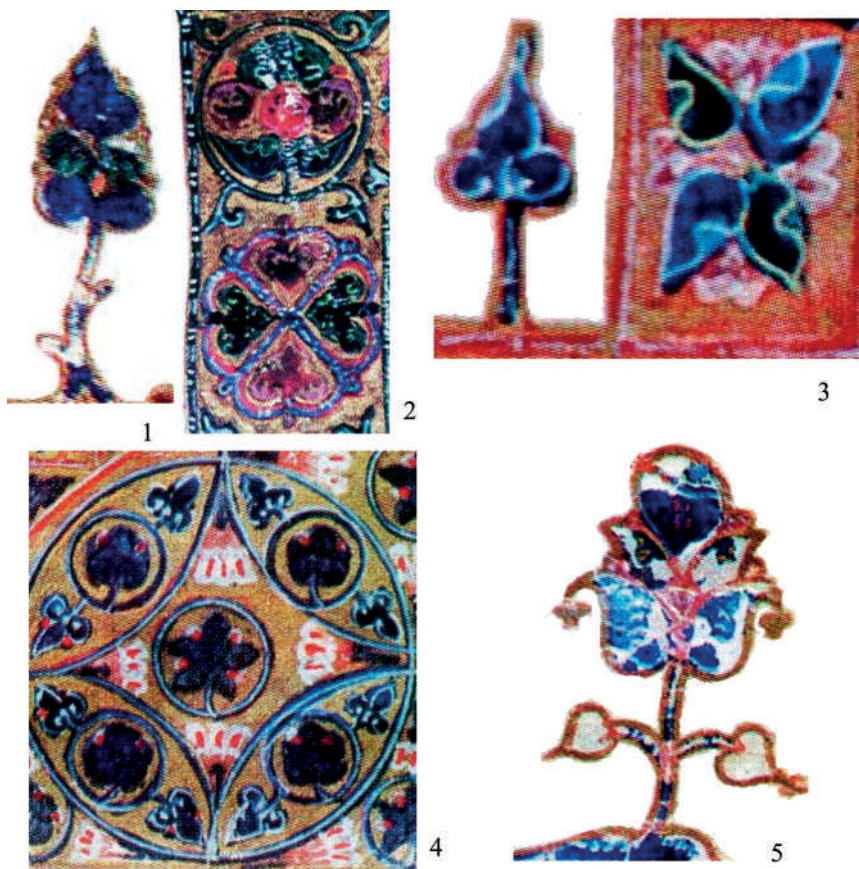

Рис. 3. Изменения мотива византийского цветка:
1 – Псалтырь ГПБСЩ, греч. 214; 2 – Евангелие ГПБСЩ, греч. 801;
3 – Менологий ГИМ, греч. 9, 1063 г.); 4 – Евангелие ГПБСЩ, греч. 67;
5 – Евангелие ГПБ, греч. 105, XIII в.
[Лихачева, 1977, табл. 22, 27, 11, 32, 35]

Фрески христианского храма у горы Килиса-Кая
близ города Судак в юго-восточном Крыму
(предварительные результаты анализа сюжетных росписей)

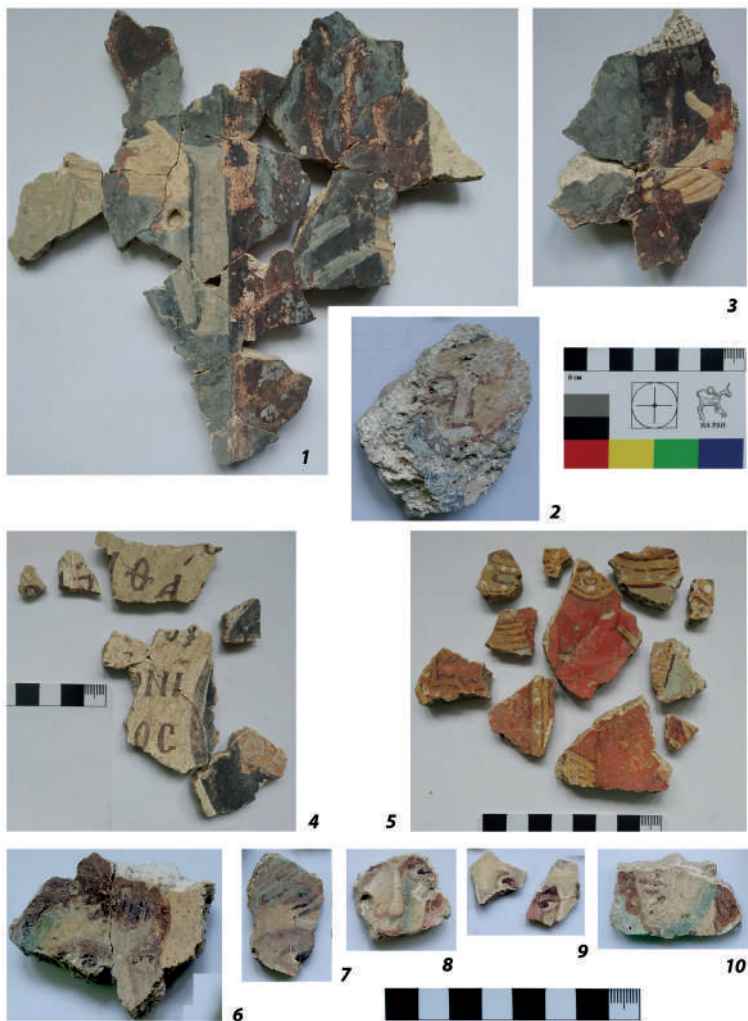

Рис. 1. Фрагменты сюжетной фресковой росписи храма
у подножия горы Килиса-Кая

Верхний зрам средневекового поселения «Демерджи-I»

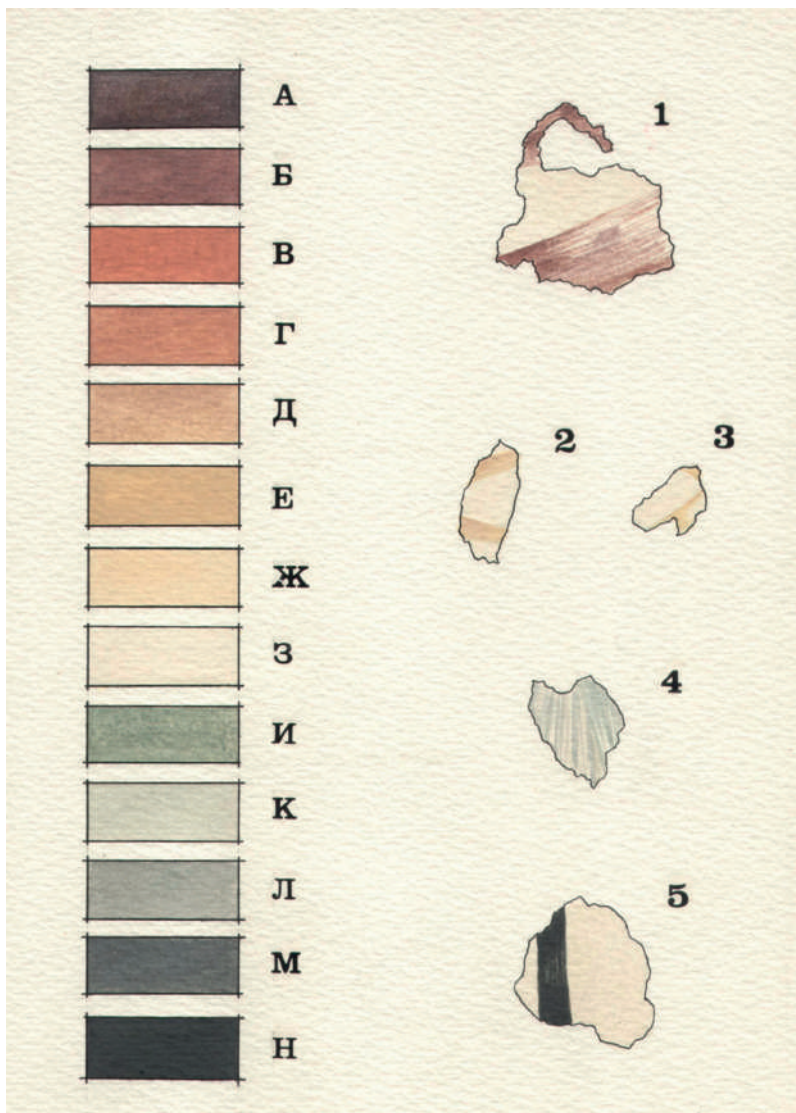

Рис. 2. Цветовая шкала и фрагменты настенных росписей из слоя разрушения храма. Рисунок автора

«Благовещение у источника» в искусстве IV-V вв.

Рис. 1. «Благовещение у источника», конец IV в., шелк.
Собрание Абегг-Штифтунг, Берн. [по: Kötzsche 1993, p. 185]

Византийская керамика с монограммами
группы “ELABORATE INCISED WARE”
из раскопок караван-сарая Солхата

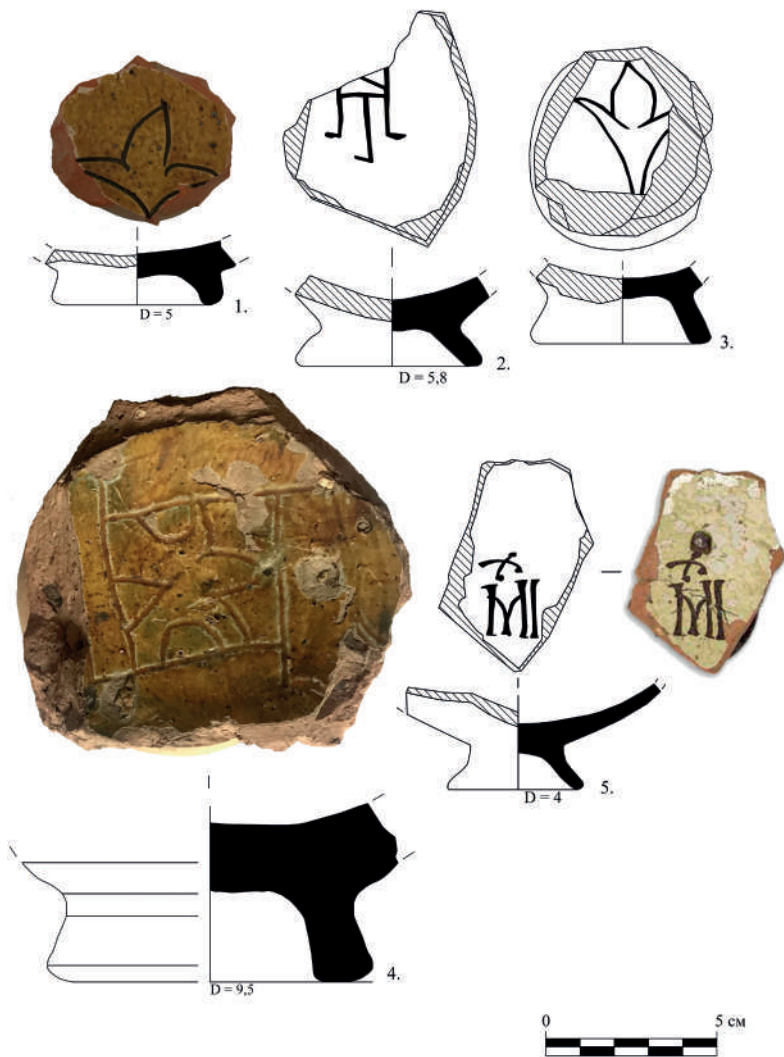

Рис. 1. Фрагменты чаш с монограммами

Сводчатый склеп XIII-XV вв. храмового комплекса г. Кильсе-Бурун
 Главной гряды Крымских гор

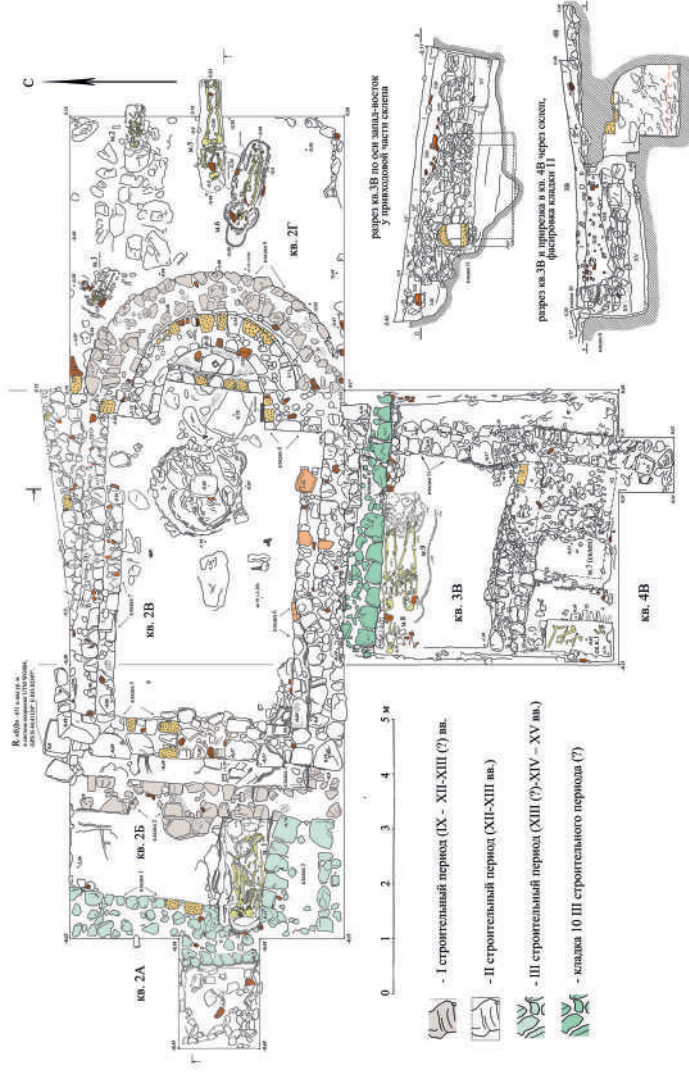

Рис. 1. План храмового комплекса г. Кильсе-Бурун

Сводчатый склеп XIII-XV вв. храмового комплекса г. Кильсе-Бурун
Главной гряды Крымских гор

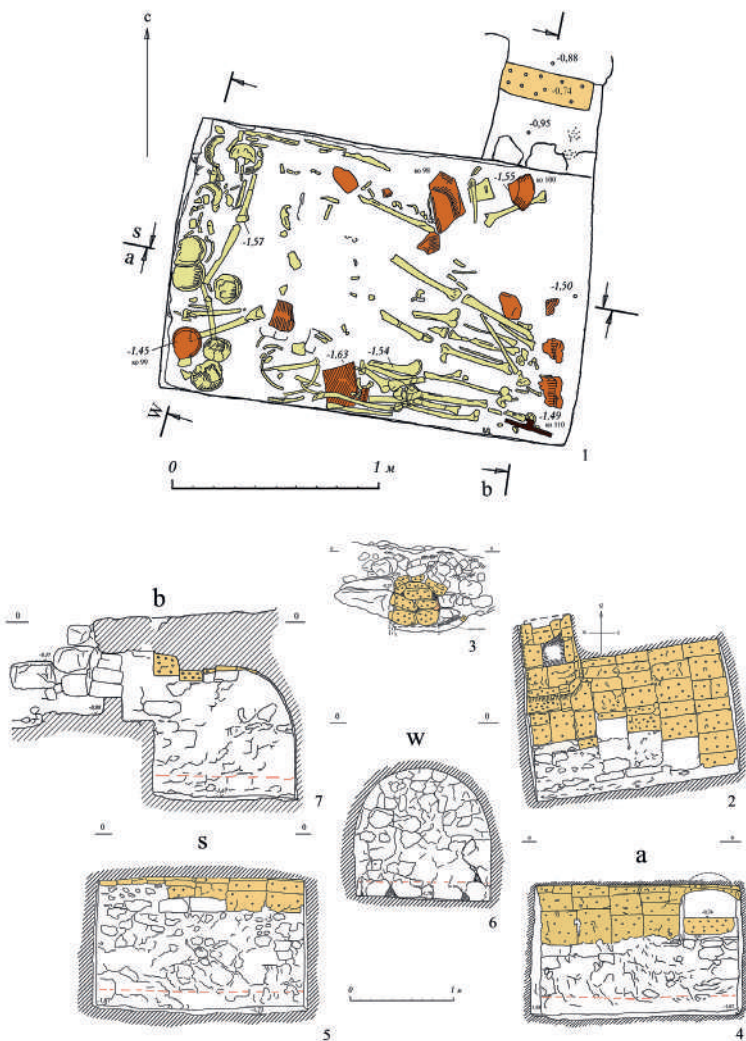

Рис. 2. План сводчатого склепа

Сводчатый склеп XIII-XV вв. храмового комплекса г. Кильсе-Бурун
Главной гряды Крымских гор

Рис. 3. Находки из склепа

Ранневизантийская двойная церковь в Пицунде в Абхазии
(по материалам раскопок 2008-2009 гг.)

Рис. 1. Абхазия, Пицунда. Двойная церковь после раскопок 2009 г., вид с дельтаплана. [по: Хрушкова, 2018, Рис. 158]

Средний Зеленчукский храм на Нижне-Архызском городище. Раскопки 2018–2019 гг.

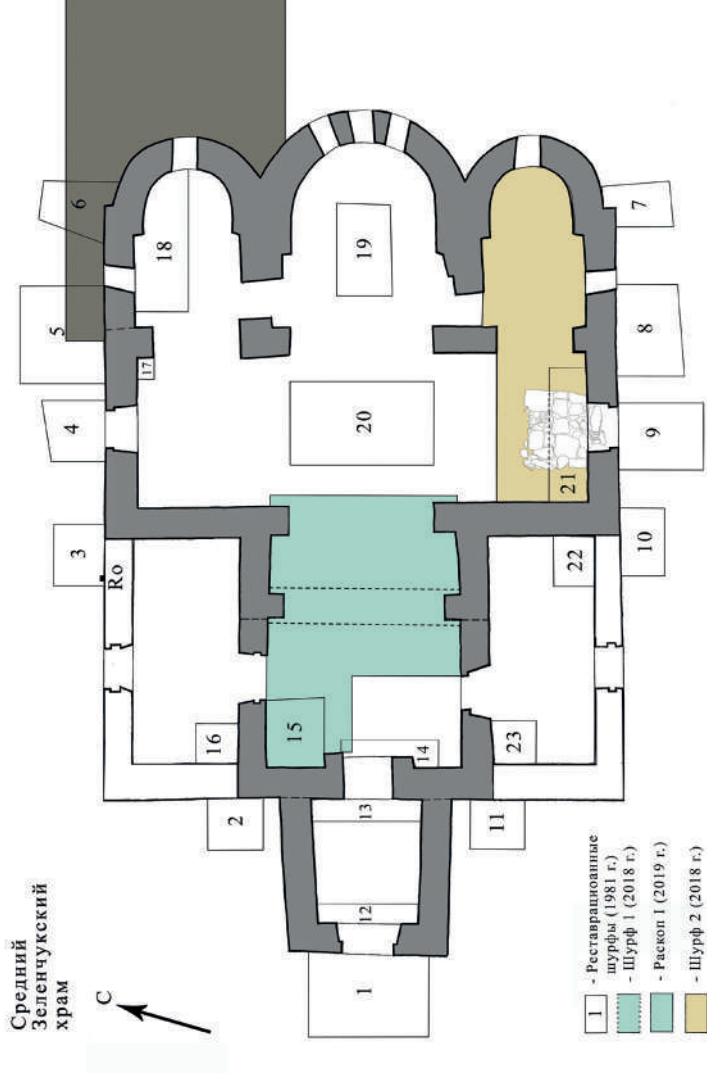

Рис. 2. Средний Зеленчукский храм. План расположения шурфов и раскопов

Средний Зеленчукский храм на Нижне-Архызском городище. Раскопки 2018–2019 гг.

Рис. 3. Средний Зеленчукский храм (2019 г.). Раскоп I. Фотограмметрия

Средний Зеленчукский храм на Нижне-Архызском городище. Раскопки 2018–2019 гг.

Рис. 4. Средний Зеленчукский храм (2019 г.). Раскоп 3. Фотограмметрия

К вопросу об античных прототипах ранневизантийских ритуальных сосудов с полихромными портретами

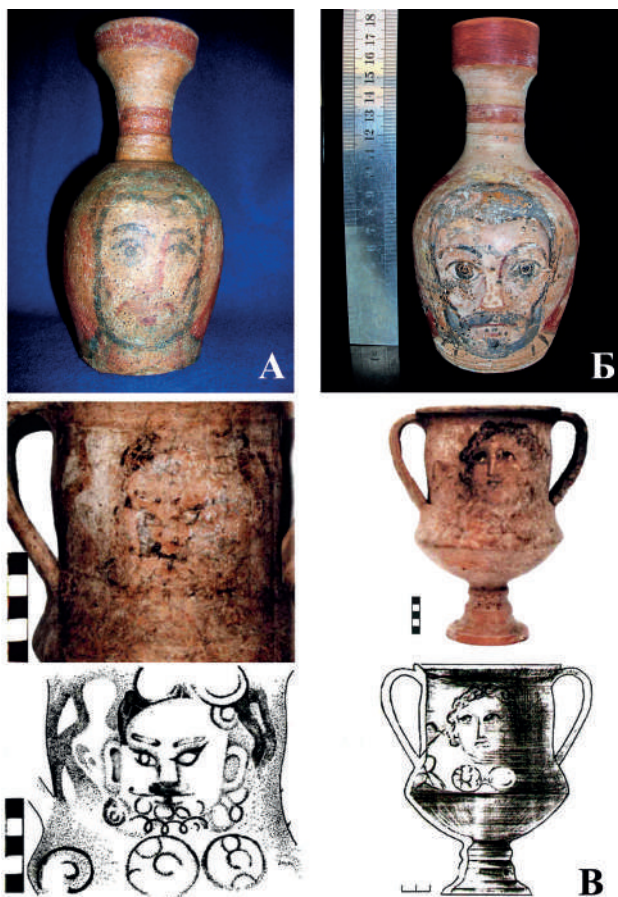

Рис. 1. А – расписной лекиф с ликом святого. Раннее средневековье. Глина, минеральные пигменты. Найден в г. Керчь. Коллекция Одесского археологического музея. [Фото В.Ю. Юрочкина];
Б – расписной лекиф с ликом святого. Раннее средневековье. Глина, минеральные пигменты. Найден, предположительно, в Юго-Западном Крыму (?). Частная коллекция. [Фото В.Ю. Юрочкина];
В – расписной красноглиняный кубок. Конец I – первая половина II в. Глина, минеральные пигменты. Найден на некрополе Кобякова городища. Коллекция Ростовского областного музея краеведения. [Ларенок, 2016, фото 1-2]